

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Уральский государственный аграрный университет
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б. Н. Ельцина

НЕКРАСОВ С. Н.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
И РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

МОНОГРАФИЯ

Екатеринбург
Издательство Уральского ГАУ
2024

УДК 101.1:316(075.8)
ББК 87.6
Н48

*Утверждено и рекомендовано к печати
Научно-техническим советом ФГБОУ ВО Уральский ГАУ
(протокол № 09/23 от 17 ноября 2023 года)*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

А. П. Ветошкин, доктор философских наук, профессор,
Российский университет транспорта (МИИТ), Москва
А. В. Ручкин, кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой философии,
Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург

Некрасов, Станислав Николаевич

Н48 Советская культура и российская государственность: монография / С. Н. Некрасов. – Екатеринбург: Издательство Уральского ГАУ, 2024. – 224 с.

ISBN 978-5-87203-569-5

В книге рассмотрены социально-философские проблемы генезиса и функционирования советской культуры в истории российской государственности. В XX веке в советский период российской истории культурно-образовательная политика строилась на реализации задач культурной революции в деле построения нового и небывалого в истории общества. Автор проанализировал систему управления процессом формирования советской культуры и рассмотрел тематику общегосударственного дела формирования нового человека в советском обществе в свете новых, поставленных эпохой противостояния коллективному Западу, актуальных задач воспитания массового гражданского патриотизма российской государственности.

Рекомендуется в качестве учебно-методического пособия по дисциплине «Основы российской государственности» преподавателям и студентам всех специальностей высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей и ученых-гуманитариев.

УДК 101.1:316(075.8)

ББК 87.6

ISBN 978-5-87203-569-5

© Некрасов С. Н., 2024
© Уральский государственный
аграрный университет, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ	19
1.1. Разработка вопроса о соотношении национальной формы и социалистического содержания советской культуры	19
1.2. Национализация и охрана культурных ценностей как задача социалистического строительства	29
1.3. Союз учителей-интернационалистов и организация советского просвещения в переходный период к социализму	35
1.4. Задачи советского государства в области культурного строительства и методы культурно-художественной политики первого социализма	46
1.5. Советская реформа школы и постановление о светской школе как проблема для нового социализма	55
1.6. Государственный комитет по народному образованию и Государственная комиссия по просвещению: два подхода к обучению и образованию	69
Глава 2. СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	85
2.1. Переустройство системы народного образования и школьного дела как задача нового социализма	85
2.2. Отделение религии от образования как проблема строительства социализма: исторический опыт и современные задачи	96
2.3. Уничтожение сословности и неравноправия женщин как проблема строительства социализма	110
2.4. Преодоление неравноправия народов как проблема культуры социализма: «Декларация прав народов России»	121
2.5. Культурная революция и культурная контрреволюция как реставрация: проблема рождения будущего	133
2.6. О значении культурного наследия и необходимости культурной революции для социалистического строительства	144
Глава 3. ПУТИ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА	151
3.1. Планы и пути строительства социализма: опыт истории и возможности будущего	151

3.2. Перевоспитание старых поколений и воспитание новых: опыт старого социализма и задачи нового социализма	159
3.3. Переделка сознания людей в старом и новом социализме: ускорение и замедление времени	171
Глава 4. КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РЕСТАВРАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА	183
4.1. Советская культура: традиция просвещения и феномен идеологической беспомощности советского человека	183
4.2. Советские принципы культурно-образовательной политики против реставрации капитализма	192
4.3. Безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране как проблема старого и нового социализма	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	213

ВВЕДЕНИЕ

Социализм как живое творчество масс и есть то первое общество, которое впервые в истории строится сознательно – на это обстоятельство обращает внимание факт проведения ежегодных торжественных собраний в СССР, посвященных победе Октябрьской революции. Империалистическая война разрушила старый порядок и это подорвало силы международной буржуазии, но главный источник победы – героизм и самопожертвование, проявленные рабочими и крестьянами, которые в императорской России проявляли иные социальные качества в мирной жизни и в империалистической войне.

Однако энтузиазма трудящихся для прочной победы оказалось мало, а предсказания пролетарской революции в капиталистических странах не оправдались. В результате началась неравная борьба России против всех капиталистических держав мира, которая через столетия повторилась в новой России демократического выбора. Уроки борьбы столетней давности не были извлечены – ни победы, ни поражения ни та, ни другая сторона не получили. Движение истории вперед сохраняется на протяжении века, но приобретает зигзагообразный не прямолинейный характер, поскольку из империалистической войны буржуазные государства успели выйти буржуазными. Оценка зигзагообразной линии истории не может быть объективистской – исследователь занимает сторону того или иного класса.

Выступления В. И. Ленина на ежегодных торжественных заседаниях к годовщине Октябрьской революции показывают, что при зигзаге истории в форме мирной передышки революционеры средствами НЭПа заставили государственный капитализм работать на социализм. Встал вопрос об устранении причин исторических глупостей, которые совершили большевики при построении нового общества.

Новое общество, возникшее впервые в истории человечества в начале XX века, отсчитывало дни, недели и месяцы своего рождения. Его творцы – революционная партия авангарда трудящихся как счастливые родители вели скрупулезный подсчет этих дней своего детища:

нового мира социализма и поддерживающего его мирового революционного процесса пролетариата и освободительного движения колоний. Естественно, что Третья годовщина Октябрьской революции была событием, которое следовало не просто торжественно отметить, но торжественно осмыслить. Известно, что капитализм вырастает из естественных биологических и социальных связей людей, которые никто сознательно не строит, а люди выживают, приспособляются, эксплуатируют друг друга, применяя средства производства, землю, орудия труда при несправедливых производственных отношениях. Социализм как живое творчество масс, напротив, строится сознательно. Именно на это обстоятельство обращает внимание сам факт юбилейных торжеств победоносной социалистической революции.

Условия выживания и победы молодой Советской республики оказываются в системе международных отношений, поскольку известно, что к 1920 г. большинство революций были задушены мировой буржуазией. В революцию возник массовый героизм русских трудящихся, которые прежде давали героев-одиночек для борьбы с царизмом. Все три этапа освободительного движения в России – дворянский, разночинный и пролетарский – давали лишь одиночек. Недаром первые подводные лодки Советской России были названы в отличие от дореволюционных «Барсов»: «Декабрист», «Народоволец», «Пролетарий».

Домом культуры является язык, но если обратиться к проблемам языка, то мы увидим, что уже в последние годы жизни И. В. Сталин вывел язык за рамки категории надстройки и заявил, что языковая сфера не определяется базисом. Таков итог и подведение опыта социалистического строительства. Язык на практике оказался вне формационного анализа истории нашего советского общества, и значит, образовывалась брешь в универсалистском подходе к историческому процессу. В работе «Марксизм и вопросы языкознания» в разделе «Относительно марксизма в языкознании» сказано: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка – это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения. Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет

свою надстройку, социалистический – свою. Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка.

Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Взять, например, русское общество и русский язык. На протяжении последних 30 лет в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису. Были, следовательно, заменены старые политические, правовые и иные учреждения новыми, социалистическими. Но, несмотря на это, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота [1, с. 103–104].

Далее вождем задается собственный вопрос: «Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового, социалистического производства, появлением нового государства, новой, социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов. Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целостности и остались без каких-либо серьезных изменений, – сохранились именно как основа современного русского языка.

Далее. Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы» [1, с. 105].

Материалистическое понимание истории здесь выглядит в новом теоретическом оформлении, поскольку речь идет о принципиально новом историческом опыте сознательного формирования нового общества. Впервые в истории этот опыт увенчался успехом, когда советская власть и первое социалистическое общество просуществовали семь десятилетий в отличие от 72-дневного опыта первой пролетарской революции – Парижской Коммуны. Именно поэтому И. В. Сталин имел право на переформатирование принципа материализма в социологии и потому он далее утверждал: «Иначе и не может быть. Надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться от этой ее служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла свое качество и перестала быть надстройкой.

Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений» [1, с. 105].

Получается у И. В. Сталина, что язык один, а культура меняется. Аналогия с его же утверждением, что «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается», значит, делаем мы вывод, сохраняется и немецкий язык! В тексте выступления фраза о Гитлере развертывается так: «Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. У Красной Армии нет и не может быть таких идиотских целей. Красная Армия имеет своей целью изгнать немецких оккупантов из нашей страны и освободить Советскую землю от немецко-фашистских захватчиков. Очень вероятно, что война за освобождение Советской земли приведет к изгнанию или уничтожению клики Гитлера. Мы приветствовали бы подобный исход. Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским наро-

дом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается.

Сила Красной Армии состоит, наконец, в том, что у нее нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу, что она воспитана в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения к правам других народов. Расовая теория немцев и практика расовой ненависти привели к тому, что все свобододлюбивые народы стали врагами фашистской Германии Теория расового равноправия в СССР и практика уважения к правам других народов привели к тому, что все свобододлюбивые народы стали друзьями Советского Союза» [2].

Но язык живет по особой исторической логике смены общественных формаций. У И. Ильфа и Е. Петрова в романе одно и то же слово «миллион» в разговоре ночных и утренних попутчиков О. Бендера означает нечто совершенно различное от чего и возникает эффект комизма. И И. В. Сталин отмечает: «Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества.

То же самое нужно сказать об украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, армянском, эстонском, латвийском, литовском, молдавском, татарском, азербайджанском, башкирском, туркменском и других языках советских наций, которые так же хорошо обслуживали старый, буржуазный строй этих наций, как обслуживают они новый, социалистический строй» [1, с. 106].

Загадка отношения языка и культурной надстройки решается вождем в целом достаточно просто: «Надстройка есть продукт одной эпохи, в течение которой живет и действует данный экономический базис. Поэтому надстройка живет недолго, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса» [1, с. 105].

Руководитель большевистской партии уточнял, что «со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За то время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический

базис с его новой надстройкой. Однако если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Что изменилось за это время в русском языке? Seriously пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение значительного количества слов, улучшился грамматический строй языка. То касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всем существенном как основа современного русского языка» [1, с. 106].

Однако роль надстройки – в истории значительно уже, а роль языка – в целом шире и значительнее. При этом настройка как старая или новая трансформирует старую и новую культуру: «Надстройка не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе. Это значит, что сфера действия надстройки узка и ограничена.

Язык же, наоборот, связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы – от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе. Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична» [1, с. 107]. Теперь посмотрим, как рождалась и затем неизбежно умирала новая советская культура. Умирала потому, что в свете диалектики смерть для всего неизбежна, ведь, чтобы не умереть, надо не родиться.

Однако рождение высокой советской культуры было блистательным. Современная КПРФ в 2023 г., через 30 лет после своего образования оценила их научно следующим образом: «Советский человек

строил свой мир – мир социализма – с первых дней Великого Октября, основывая его на освобождении трудящихся от эксплуатации капиталом. Это открыло широкий простор для даровитого русского и всех народов России. Талант советского народа выразил себя в большой науке, художественном творчестве, спортивных победах, а прежде всего – в трудовых достижениях рабочего и крестьянина. Чего стоило одно только Стахановское движение, ускорявшее невиданные в мире темпы индустриального развития СССР! Знаковым явлением стало Движение рационализаторов и изобретателей, другие глубоко народные инициативы.

В советское время Русский мир приобрёл новое качество. Каждый мог проявить свой талант. Труд стал делом чести, доблести и героизма. Постсоветское время всё изменило в пользу бесталанных «звёзд» шоу-бизнеса, информационных киллеров, блогеров-мошенников, себялюбивых «моделей» и других любителей «красиво жить». Они оттеснили истинных подвижников, созидателей, людей труда, добывающих средства к жизни продажей капиталу своих рук и умов. Всё происходит в преступном согласии с духом гниющего олигархического капитализма. В высокой советской духовности воплотились масштабные достижения культурной революции» [3]. Однако эта партия не совсем классическая партия, как и все современные партии. Эти партии (в переводе партия означает «часть») не являются представителями классов, с этим обстоятельством связана идеологическая неопределенность позиций партий. Классические партии имеют классовое происхождение, и их идеология носит строго классовый характер: партии монархические отражают интересы крупных помещиков, партии либеральные – интересы буржуазии, партии социалистические – интересы мелкой буржуазии, партии коммунистические – интересы пролетариата. Сказанное означает, что современные партии нового столетия являются ширмами реальных общественных отношений и противоречий социальных групп.

Такие партии новейшего типа не способны сочетать науку и идеологию с традиционными народными ценностями. Первый опыт такого успешного сочетания принадлежит Коммунистической партии Китая и Си Цзинпиню, который сумел соединить конфуцианство и марксизм. В итоге председатель КНР способен только обращаться к прошлому, но не к будущему – он утверждает, что советская куль-

тура слила великую русскую культуру воедино с культурой нового социалистического общества: «В единую советскую цивилизацию народы и нации СССР скрепляли великий русский язык и русская классическая литература. Советский мир – это мир справедливости. Он оставил в прошлом старые язвы, запечатлённые великими авторами. Н. В. Гоголь представил унижение и незащищённость маленького человека в образе Акакия Акакиевича Башмачкина. Н. А. Некрасов пронзительно вывел беспросветную крестьянскую жизнь в поэме „Кому на Руси жить хорошо“. А. И. Куприн со всей суровостью показал оскорбление женской чести в романе „Яма“. Нещадную эксплуатацию крестьян и пролетариев, интеллигенции и мелких служащих раскрыли гениальные произведения Л. Н. Толстого и А. Н. Островского, А. П. Чехова и А. М. Горького» [3].

К советской культуре в полной мере относятся слова о материалистическом понимании истории и марксистской философии, которые дали новую энергию русской цивилизации и создали советский научный коммунизм. Как научную дисциплину его стали преподавать во всех советских вузах с 1965 г. и студенты сдавали научный коммунизм в форме государственного экзамена, то есть перед государственной комиссией, которая рассматривала не только знания, но и политические и деловые позиции экзаменуемого: «Научный коммунизм подарил трудящимся вдохновение, исторический оптимизм, энергию, уверенность в своих силах. Именно это отличает молодость от дряхлости, прогрессивность от закостенелости. Коммунизм – это идеология юности человечества. Для общества с историей в тысячи лет это возможность сбросить с себя старые лохмотья угнетения, насилия, неравенства. Слова „Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым“ – замечательный гимн той свежести, которую принёс марксизм» [3].

Однако коммунистическая партия в буржуазном обществе ставит совершенно иные задачи и выносит на свои знамена иные лозунги. И хотя в России формально не объявлено буржуазное общество и по Конституции у нас «социальное государство», фактически, общество буржуазное. И даже президент России сообщил это на встрече с военкорами: «В ходе своей исторической встречи с военкорами Путин ответил на многие вопросы, в том числе на те, которые ему даже не задавали. И тем самым подвёл итоги не только года СВО и минских

соглашений, но также итоги 24 лет своего пребывания на посту президента. И заодно даже итоги ликвидации СССР. По существу Путин признал, что нацификация Украины и война стали результатами ликвидации СССР. Хотя президент признал это неявно, сказав „при разделе Союза надо было иметь это ввиду“.

Президент сказал „мы думали, что мы свои – буржуинские“, тем самым открыто признал, что целью ликвидации СССР было вхождение российской элиты в западную „буржуинскую“ систему, внутри которой они рассчитывали стать своими. Российское руководство было уверено, что ликвидировав СССР достигнет этой цели, что само по себе стало грубейшей ошибкой целеполагания, ошибкой стратегической и очень принципиальной. Косвенно президент признал, что все 30 лет (в том числе 22 года под его руководством) Россия шла неверным курсом в тупиковом направлении. Стать „своими буржуинскими“, что являлось основой политической стратегии Кремля, так и не получилось. И уже не получится – президент констатировал это, сказав „мы думали“ в прошедшем времени» [4]. В тексте дословно это звучит так: «И вы знаете, я уже говорил, это не секрет, и нашим западным партнерам, как я их всё время называл, мы же всё предложили, мы считали, что мы свои, буржуинские, мы хотим быть в этой семье так называемых цивилизованных народов. И в НАТО я удочки забросил: давайте рассмотрим эту возможность, – нас щёлк оттуда, даже рассматривать не стали...» [5]. Термин «буржуинский» ненаучен – он из сказа А. Гайдара о Мальчише-Кибальчише. Подвиг Мальчиша-Плохиша получил достойную награду: «Обрадовались тогда буржуины, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в своё буржуинство и дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья. Сидит Мальчиш-Плохиш, жрёт и радуется». Скоро сказка сказывается, но долго дело делается: ни варенья, ни печенья. А в сказке дело закончилось не войной, но мировой революцией: «Вот так же, как ручьи, сбегая с пыльных гор, сливались в бурливые, пенистые потоки, так же при первом грохоте войны забурили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства» [6].

На фоне этих признаний руководства страны первые абзацы программы коммунистической партии звучат внешне вполне революционно: «Обманом и насилием страна возвращена к капитализму. Это

путь социального регресса, ведущий к национальной катастрофе, гибели нашей цивилизации.

Коммунистическая партия Российской Федерации вела бескомпромиссную борьбу против реставрации капитализма, разрушения Союза ССР и уничтожения Советской власти. КПРФ выступает единственной политической организацией, последовательно отстаивающей права людей наёмного труда и национально-государственные интересы. Стратегическая цель партии – построение в России обновленного социализма, социализма XXI века» [7].

В программе сказано, что партия борется за права трудящихся: «Партия борется за единство, целостность и независимость Отечества, за воссоздание братского Союза советских народов, благополучие и безопасность, нравственное и физическое здоровье граждан». Это вполне социал-демократический лозунг, но коммунистическое требование борьбы за власть не ставится. И этот отказ скрывается за тезисом «КПРФ выступает за мирный переход к социализму». Дается такое обоснование: «защита национально-государственных интересов России органически сливается сегодня с борьбой за социализм и советские формы народовластия. Мы уверены, что жизнь подтвердит нашу правоту» [7]. Посмотрим, как распорядится история, но пока мы видим предлагаемые партией на продажу красные, разных оттенков и дизайна шарфы с символикой КПРФ. На них нанесены эмблема КПРФ и надписи: «Коммунистическая партия Российской Федерации», «Россия, труд, народовластие, социализм!»

Однако, как писал В. Дикхут – исследователь реставрации капитализма в СССР через бюрократизацию социализма, дело заключается не в названиях и эмблемах. Дело в теории и практике, их единстве: «На Востоке и на Западе идеологическая основа рабочего класса – марксизм-ленинизм. Его мировоззрение – диалектический и исторический материализм. Как здесь, так и там, должно быть достигнуто диалектическое единство теории и практики. Как здесь, так и там, при появлении новых проблем, новых явлений и процессов в природе и обществе они должны глубоко изучаться, рассматриваться со всех сторон, анализироваться, характеризоваться; должны быть исследованы отношения к другим вещам, явлениям и процессам; должны быть раскрыты противоречия, борьба и единство противоположностей – выяснены и конкретизированы» [8, с. 411].

К исследованию единства теории и практики рабочего класса в советской культуре мы и приступим. При этом мы будем изучать российскую модель модернизации государственности в отличие от успешной китайской версии «нового похода». Видный современный китаевед Ю. Тавровский о нем пишет: «Под „новой точкой отсчёта“ подразумевается „Новый поход“, который по решению XX съезда КПК (октябрь 2022) пришёл на смену „Новой эпохе“, первому десятилетию руководства Си Цзиньпина. Само название „Новый поход“ призвано напомнить о Великом походе отрядов коммунистов под руководством Мао Цзэдуна в середине 30-х годов прошлого века. За прошедшие месяцы эта политическая конструкция наполнилась целым рядом теоретических новаций. Среди них „китайская модернизация“, „глобальная безопасность“, „глобальная цивилизация“ и другие» [9]. Вскрывая три источника и три составные части «Китайской мечты», автор называет первый источник идеи Мао Цзэдуна и теоретические изыскания Дэн Сяопина, Цзян Цзэмина и Ху Цзиньтао, вторым компонентом оказываются «патриотические, националистические идеи революционеров поколения Сунь Ятсена», а третьим – наследие Конфуция, «учителя десяти тысяч поколений». Ничего подобного мы не видим в докладе Г. А. Зюганова.

Ю. Тавровский отмечает важнейшее положение, которое позволяет фундировать новую китайскую идеологию «нового похода» – с глубины в 170 лет до глубины в 5000 лет: «Убеждение в гармонии китаизированного марксизма и традиций китайской культуры характерно для Си Цзиньпина. Во время посещения Государственного архива публикаций и культуры, а также Академии истории Китая в июне этого года он, в частности, сказал: „Несмотря на разные культурные истоки, марксизм и прекрасная традиционная китайская культура в значительной степени совместимы друг с другом“. Он подчеркнул: „Сочетание основных постулатов марксизма с конкретными реалиями Китая и лучшими традициями китайской культуры – это путь, по которому необходимо следовать для изучения и развития социализма с китайской спецификой на основе китайской цивилизации, которая существует на протяжении уже более 5000 лет. Эта интеграция является самым важным инструментом партии для достижения успеха“» [9].

Автор демонстрирует успешность идеологического переосмысления движения великой страны сразу после юбилейного съезда партии:

«План „Китайская мечта“ начал строиться в 2012 году на историческом фундаменте „новой истории“ с её культурным слоем в 170 лет. В Китае период „новой истории“ открывается событиями Опиумных войн (1840–1842 и 1856–1860 гг.). Необходимо было мобилизовать патриотическую энергию китайцев на выполнение задачи „великого возрождения китайской нации“ в условиях сохранения духовного вакуума. По прошествии десятилетия успехов и побед стала очевидной необратимость движения к созданию „богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства“. Настало время двигаться дальше.

Величественная „пагода“ Поднебесной за минувшее десятилетие была надстроена новым ярусом. Следующий ярус требует ещё более прочного фундамента. Этим фундаментом как раз и станет 5000-летняя китайская цивилизация. На наших глазах она отправляется в «новый поход» [9]. КПРФ в материалах своего лучшего за 30 лет пленума по теоретическим вопросам не способна к такой идеологической интеграции прошлого, настоящего и будущего. После разгрома – танкового расстрела парламентской оппозиции в 1993 г. коммунистическая партия во избежание обвинения в экстремизме, запрете и обвинения в терроризме перешла от «красного проекта» на позиции поддержки «белого проекта» и тем самым позиционировала себя как партия государственников. Подобно этому и газета А. А. Проханова от лозунга газеты «День» – «газета духовной оппозиции» к лозунгу переименованного «Дня» в «Завтра» – «газета государства российского».

Политолог А. Гапоненко пишет: «Национал-большевики после поражения в 1993 году восстановили силы, выступили в поддержку „белого“ проекта и трансформировались через это в „государственников“. В 1999 году государственники пришли к власти в Государственной Думе. В 2000 году их представитель В. Путин стал президентом, заменив ушедшего в отставку Б. Ельцина.

Вскоре сложился союз государственников и демократов. Он кристаллизовался в партии „Единая Россия“, которая продолжила реализовывать в России „белый“ проект. На позицию партии очень сильное влияние продолжили оказывать олигархи. Оппозиционные партии КПРФ, ЛДПР, „Справедливая Россия“ позиционировали себя на выборах представителями наёмных работников, мелкой и средней

буржуазии, но реальной защиты их интересов, в силу разных причин, не осуществляли» [10].

Поскольку сложившаяся за 20 лет политическая конструкция РФ была неустойчива, то начало преодоления этого кризиса оказалось связано со Специальной военной операцией: «В феврале 2022 года государственники начали Специальную военную операцию (СВО) против украинских национал-социалистов, поскольку действия последних угрожали самому существованию российской нации. Основная часть олигархата была этими действиями государственников недовольна, поскольку пострадала от введённых Западом экономических санкций» [10]. Страна стала переходить от противоборства красного и белого проектов к «черно-золотому» в форме кадровой революции сверху. Мы согласны с автором, и это наблюдается большинством нашего народа после неподдержания им июньского «недомятежа» Е. Пригожина, что страна стоит перед необходимостью нового объединяющего всех проекта: «Назовём проект борьбы с олигархами и за восстановление социальной справедливости в российском обществе условно „чёрно-золотым“ – по цветам полюбившейся всем георгиевской ленты» [10].

Экс-министр культуры России В. Р. Мединский, автор новейших школьных учебников по истории страны в серии своих популярных книг для народа очень наглядно и просто объяснял силу традиционного проекта, который сумел скрепить традиционными ценностями И. В. Сталин: «Иван Солоневич пишет в „Народной монархии“ про „германскую экспертизу“ – про то, как немцы оценивали своего противника, СССР, перед войной: „Основной фон всей иностранной информации о России дала русская литература: вот вам, пожалуйста. Обломовы и Маниловы, лишние люди, бедные люди, идиоты и босяки... На этом общем фоне расписывала свои отдельные узоры и эмиграция: раньше довоенная революционная, потом послевоенная контрреволюционная. Врали обе. Довоенная (имеется в виду, конечно, Первая мировая война. – В. М.) болтала об азиатском деспотизме, воспитавшем рабские пороки народа, послевоенная – о народной азиатчине, разорившей дворянские гнезда, единственные очаги европейской культуры на безбрежности печенежских пустынь...“ Таким образом, в представлении иностранцев о России создалась довольно стройная картина... В частности, для немцев Россия – „колосс на глиняных

ногах“. По Солоневичу, Гитлер сделал ту же ошибку, что и Наполеон. Тоже думал, что русские терпеть не могут свое государство и своих правителей, и стоит их от этой ненавистной власти освободить, как колосс Империи падет.

Сталин при всем своем тираническом и преступном складе характера оказался мудрее. Он вовремя понял, что под одним знаменем коммунистической идеи победить в Мировой войне невозможно, и извлек из большевистского забытая и Александра Невского, и Петра Первого, и полулегальную Русскую Православную церковь. Страна ощутила под ногами почву, родную землю, фундамент нашей героической истории» [11, с. 8–9].

Список использованной литературы

1. Сталин И. В. Сочинения. М.: Писатели1997. т. 16. – 462 с.
2. Сталин И. Приказ Народного комиссара обороны СССР 23 февраля 1942 года № 55 город Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://petroleks.ru/stalin/15–64.php>
3. О задачах КПРФ по борьбе с фашизмом и патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Доклад Председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова на VI (майском) совместном пленуме ЦК и ЦКРК партии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/218998.html>
4. Мы думали, что мы свои – буржуинские [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://antimaydan.info/2023/07/my_dumali_chto_my_svoi_burzhuinskie.html
5. Встреча с военными корреспондентами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71391>
6. Аркадий Гайдар – Военная тайна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skazki.rustih.ru/arkadij-gajdar-voennaya-tajna/6/>
7. Программа партии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party/program>
8. Дикхут В. Реставрация капитализма в Советском Союзе. М.: Наука. Марксизм. 2021. – 418 с.
9. Тавровский Ю. Новый поход. Си Цзиньпин соединил марксизм и конфуцианство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/novij_pohod
10. Гапоненко А. Сталинская революция. Опыт решения проблем в социально-экономической сфере [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/voprosi_stalinizma_8
11. Мединский В. Р. О русском пьянстве, лени, дорогах и дураках. М.: ОЛМА медиа групп, 2015. – 224 с.

Глава 1. РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1.1. РАЗРАБОТКА ВОПРОСА О СООТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФОРМЫ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Большевистской партии и В. И. Ленину пришлось самостоятельно определить принципы и перспективы культурного строительства. Деятельность Советской власти в области культуры показала, что только большевики были в состоянии превратить все завоевания культуры из орудия капитализма в орудие социализма. Партия большевиков явилась той силой, которая скрепила новые социалистические нации, направляла процесс консолидации новых наций, и она должна была дать ответ на вопрос о том, как нужно отнестись к лозунгу национальной культуры в новой исторической обстановке. Ответ на этот вопрос дал И. В. Сталин: период социалистического строительства в нашей стране – это период расцвета советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Выступать против национальной формы культуры в условиях диктатуры пролетариата, значит пренебрегать делу приобщения отсталых национальностей к социалистическому строительству. В политических дискуссиях 20 гг. был поставлен и решен вопрос о важнейшей роли советской интеллигенции в деле дальнейшего укрепления Советского государства и строительства коммунистического общества в нашей стране.

Большевистской партии и В. И. Ленину пришлось самостоятельно определить принципы и перспективы культурного строительства, о чём он заявил в мае 1918 г. в речи на съезде Советов народного хозяйства. «Из всех социалистов, которые об этом писали (о путях и трудностях социалистического преобразования общества. – С. Н.), не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задается задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого

для нас запаса культуры и знаний и техники, – превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма» [1, с. 382].

Начальный период деятельности В. И. Ленина в области культурного строительства замечателен и поучителен прежде всего тем, что он показывает реальную политику В. И. Ленина, позволявшую диалектически превратить все завоевания культуры «из орудия капитализма в орудие социализма». Этот период показывает пути и методы новаторства В. И. Ленина в области культуры, его деятельность, опирающуюся на прочное завоевание мирового культурного наследия. Деятельность партии и Советской власти в области культуры в начальный период жизни социалистического государства, руководимого В. И. Лениным, со всей убедительностью показывает, что из всех левых политических партий только большевики были в состоянии превратить все завоевания культуры «из орудия капитализма в орудие социализма», уберечь национальное культурное достояние и приумножить его на базе советской государственности; и они сделали это – уберегли и приумножили культурные богатства народов страны и привели ее к расцвету социалистической культуры, самой идейной как самой передовой и гуманной культуры в мире.

Советское социалистическое государство, руководимое В. И. Лениным и И. В. Сталиным, приняло в свой культурный арсенал всё демократическое, всё народное, всё прогрессивное, благородное и истинно прекрасное из культурного наследия прошлого и предоставило всё это народу. Оно обогатило отечественную культуру опытом социалистического новаторства масс. Деятельность В. И. Ленина в области культуры в первые месяцы Советской власти – одна из самых прекрасных и героических страниц летописи советского культурного строительства.

В трудах В. И. Ленина были заложены основы учения о социалистической культуре. Государственная деятельность В. И. Ленина в первые годы Советской власти вооружила советский народ образцами смелого, творческого разрешения задач общественного, государственного и культурного строительства, определила пути созидания под руководством партии большевиков социалистической культуры на благо народа и при его активном участии.

Большевицкая партия развернула огромную работу по строительству социализма в нашей стране и добилась всемирно-исторических побед. Советский народ построил социалистическое общество и зако-

нодательно закрепил в Сталинской Конституции социалистические завоевания, в том числе в области культуры. В нашей стране в 30 гг. XX в. была осуществлена подлинная культурная революция.

Ленинское учение о культурной революции получило в трудах И. В. Сталина своё дальнейшее развитие. Разрабатывая теорию социалистического государства, И. В. Сталин раскрыл и обосновал культурно-воспитательную роль Советского государства, его перво-степенное значение в деле коммунистического воспитания народа и преодоления пережитков капитализма в сознании людей. Социалистическое строительство, приобщившее к активной творческой деятельности многомиллионные массы трудящихся всех национальностей и народностей СССР, привело к расцвету национальных культур. Великая Октябрьская социалистическая революция, положив конец существованию буржуазно-помещичьего строя в нашей стране, вместе с тем положила конец существованию старых буржуазных наций, открыла эпоху создания новых социалистических наций. Партия большевиков явилась той силой, которая скрепляла новые социалистические нации, руководила ими, направляла процесс консолидации новых наций и должна была дать ясный ответ на вопрос о том, как нужно отнестись к лозунгу национальной культуры в новой исторической обстановке, в условиях Советского государства. Исчерпывающий ответ на этот вопрос дал И. В. Сталин.

«Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидации наций происходила под эгидой буржуазных порядков, – учил И. В. Сталин. – Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой Советской власти. Кто не понял этого принципиального различия двух различных обстановок, тот никогда не поймёт ни ленинизма, ни существа национального вопроса. Толкуют (например, Каутский) о создании единого общечеловеческого языка с отмиранием всех остальных языков в период социализма» [2, с. 138].

Далее он сообщает слушателям в речи на собрании студентов КУТВ (Коммунистического университета трудящихся Востока) 18 мая 1925 г. «О политических задачах университета народов Востока» интереснейшие аналитические выводы: «Я мало верю в эту теорию единого всеохватывающего языка. Опыт, во всяком случае, говорит не за,

а против такой теории. До сих пор дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 наций и национальных групп? Однако, Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие. Ныне говорят об Индии как о едином целом. Но едва ли можно сомневаться в том, что, в случае революционной встряски в Индии, на сцену выплывут десятки ранее неизвестных национальностей, имеющих свой особый язык, свою особую культуру. И если дело идёт о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей» [2, с. 138–139].

Период социалистического строительства в нашей стране – это период расцвета советской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Выступать против национальной формы культуры в условиях диктатуры пролетариата, как разъяснял И. В. Сталин, значит препятствовать делу приобщения отсталых национальностей к социалистическому строительству, препятствовать ликвидации фактического неравенства народов, искусственно задерживать духовный рост ранее отстававших наций и народностей. Полное равноправие в развитии языков, в развитии национальных культур, дружественная помощь и поддержка в деле ликвидации фактической отсталости, унаследованной от старого феодально-буржуазного строя, создание максимально благоприятных условий для расцвета национальных культур – такова была интернациональная политика Советской власти, которая привела к невиданному подъему социалистической культуры всех народов и наций, населяющих СССР.

В работе «Международный характер Октябрьской революции. К десятилетию Октября» И. В. Сталин остроумно и глубоко отметил: «Старая „теория“ о том, что эксплуатируемые не могут обойтись без эксплуатирующих, так же как голова и прочие части тела не могут обойтись без желудка, – не есть достояние только лишь известного римского сенатора в древней истории, Менения Агриппы. Эта „тео-

рия“ является теперь краеугольным камнем политической „философии“ социал-демократии вообще, социал-демократической политики коалиции с империалистической буржуазией – в особенности. Эта „теория“, приобретшая характер предрассудка, представляет теперь одну из самых серьезных преград на пути к революционизированию пролетариата капиталистических стран. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой лживой „теории“ смертельный удар» [3, с. 242]. И. В. Сталин в 1927 г. говорит о новой эпохе – левой эпохе и он рисует эту эпоху как новую форму освобождения народов и их культур.

Опыт строительства социалистической культуры в СССР свидетельствует о том, что «Октябрьская революция открыла левую эпоху, эпоху колониальных революций, проводимых в угнетённых странах мира в союзе с пролетариатом, под руководством пролетариата. Раньше „принято было“ думать, что мир разделен на низшие и высшие расы, на черных и белых, коих первые неспособны к цивилизации и обречены быть объектом эксплуатации, а вторые являются единственными носителями цивилизации, призванными эксплуатировать первых. Теперь эту легенду нужно считать разбитой и отброшенной. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле, что освобожденные неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперед действительно передовую культуру и действительно передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народы европейские.

Раньше «принято было» думать, что единственным методом освобождения угнетенных народов является метод буржуазного национализма, метод отпадения наций друг от друга, метод их разъединения, метод усиления национальной вражды между трудящимися массами различных наций. Теперь эту легенду нужно считать опровергнутой. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав, на деле возможность и целесообразность пролетарского, интернационального метода освобождения угнетенных народов, как единственно правильного метода, показав на деле возможность и целесообразность братского союза рабочих и крестьян самых различных народов на началах добровольности и интернационализма. Существование

Союза Советских Социалистических Республик, являющегося прообразом будущего объединения трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, не может не служить прямым тому доказательством» [3, с. 243–244].

И. В. Сталин разработал вопрос о соотношении национальной формы и социалистического содержания советской культуры и показал полную возможность гармонического сочетания прогрессивных национальных традиций и социалистической идейности в нашей культуре в «левую эпоху».

Бурный рост народного хозяйства СССР, укрепление Советского государства, усиление его обороноспособности и развитие культуры с настоятельной необходимостью требовали создания многочисленных кадров интеллигенции, преданной народу, стоящей на уровне самых передовых достижений науки и техники. И. В. Сталин наметил пути и средства разрешения этой проблемы и определил важнейшую роль советской интеллигенции в деле дальнейшего укрепления Советского государства и строительства коммунистического общества в нашей стране.

Социалистический строй – материальное воплощение идей научного коммунизма – базируется на научно организованном, плановом хозяйстве и требует от науки неустанного движения вперёд, революционного обобщения современного опыта общественной деятельности людей. И. В. Сталин раскрыл перед советскими учёными безграничные перспективы развития науки на пути беззаветного служения народу, смелого новаторства, бесстрашно ломающего устарелые нормы и традиции.

Руководящие указания И. В. Сталина работникам советской школы и комсомола определили принципы советской системы воспитания подрастающего поколения в социалистическом обществе. Своим лозунгом социалистического реализма И. В. Сталин поднял на громадную высоту теорию и практику советского искусства и литературы. Духом социалистического гуманизма пронизано каждое слово сталинского определения главной задачи Советского государства в области культурного строительства: сделать всех рабочих и крестьян нашей страны грамотными и образованными, поднять их культурный уровень до уровня работников умственного труда [4, с. 499].

И. В. Сталин учил большевистской партийности в культурном строительстве, повышению социалистической идейности советской культуры. Неоценимый вклад И. В. Сталина в учение о социалистической культуре

и в практику руководства культурным строительством обеспечил бурный расцвет во всех областях культурной жизни нашей страны. Сегодня мы вспоминаем советские фильмы и книги, советских актеров и писателей как высшее достижение в истории всей российской культуры.

В первые дни советского строя В. И. Ленин выражал уверенность в том, что отныне в нашей стране культура никогда не будет отделена от народа, что высшим её долгом будет служение народу. Увы, надежды вождя оказались разрушены ренегатами коммунистического движения и ревизионистами марксизма.

Отметим, что И. В. Сталин в речи на Первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г. называл четыре причины стахановского движения: улучшение материального положения рабочих, отсутствие эксплуатации, наличие у нас новой техники, кадры рабочих и работниц. Именно тогда была произнесена знаменитая фраза строительства основ социализма: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее».

На первую причину он обратил особое внимание следующим образом: «Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живет, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом прежде всего корень стахановского движения. Если бы у нас был кризис, если бы у нас была безработица – бич рабочего класса, если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас. Наша пролетарская революция является единственной в мире революцией, которой довелось показать народу не только свои политические результаты, но и результаты материальные. Из всех рабочих революций мы знаем только одну, которая кое-как добилась власти. Это – Парижская Коммуна. Но она существовала недолго. Она, правда, попыталась разбить оковы капитализма, но она не успела их разбить и тем более не успела показать народу благие материальные результаты революции. Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобедимость нашей революции. Конечно, хорошо прогнать капиталистов, прогнать помещиков, прогнать царских опричников, взять власть и получить свободу. Это очень хорошо. Но, к сожалению, одной лишь свободы далеко

еще недостаточно. Если не хватает хлеба, не хватает масла и жиров, не хватает мануфактуры, жилища плохие, то на одной лишь свободе далеко не уедешь. Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой. Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни. Вот почему жить стало у нас весело, и вот на какой почве выросло стахановское движение» [5, с. 85–86].

Советский Союз был страной, где не только достигнута сплошная грамотность населения, сразу после великой войны с 1949 г. в СССР вводилось всеобщее обязательное семилетнее обучение. Просвещение, печать, искусство, литература, наука и техника – всё было предоставлено народу, его права в области творчества и культуры охранялись основным законом молодого Советского государства, который получил названием Сталинской Конституции. Современный левый публицист С. Г. Кара-Мурза в известном двухтомнике «Советская цивилизация» отмечал: «...очень скоро всем нам, кто хочет, чтобы его дети и внуки жили в нашей культуре, да и вообще жили, будут насущно нужны книги, в которых был бы воссоздан и советский проект, и советский строй – то, что успели выполнить из всего проекта. Кое-что полезного сказали в своих специальных работах убийцы советского строя. Но то, что нужно убийце, недостаточно для строителя.

Нам нужны будут книги, ставящие заслон тому потоку карикатур, производство которых наладила антисоветская идеологическая машина. Книги, написанные с любовью, но не в захлеб. Надо начинать большой проект по созданию истории „структур советской повседневности“. Из нее мы поймем, что абсолютно необходимо для нашей жизни, что важно и желательно, а без чего можно обойтись. Поймем источники нашей силы и поразительной уязвимости» [6, с. 8–9]. Знали ли источники нашей силы враги? Знали. Тот же автор пишет: «Джеффри Сакс, профессиональный палач-реформатор многих национальных экономик, пошутил о советском хозяйстве: „Мы вскрыли грудную клетку больного, а оказалась, что у него другая, нам неизвестная анатомия“. Врет киллер. Все они, вскрывавшие грудную клетку нашей страны, знали, куда воткнуть нож – и он, с кучей советологов

и эмигрантов всех волн, и „наши“, с пеленок выращенные в обкомах и академиях. Знали нашу анатомию – знанием ненавистника и убийцы.

Советский строй возник в страшных родовых муках. Травмы остались в памяти – у кого-то пострадали близкие, кто-то был потрясен зрелищем чужих страданий. Потому и нашлось достаточно таких, кто бескорыстно и по доброй воле помогал словом и делом Ельцину с Чубайсом и Дж. Бушу с Джеффри Саксом. Кто-то из таких и сегодня радуется, но не могут даже и они не понимать, что „целились в коммунизм, а стреляли в Россию“. Судя по всему, и целились-то в Россию, о коммунизме говорили из приличий» [6, с. 5].

Видный левый культуролог профессор МГУ Л. А. Булавка-Бузгалина отмечает, что мировая общественность признает успехи культурной политики большевиков, а содержание, новизна, темпы и результаты культурных преобразований, проводимых большевиками в 1920-е годы, – все это обращает на себя внимание и со стороны мировой культурной общественности [7, с. 634]. Она приводит некоторые примеры: «23 июня 1922 года. Вернувшись из Флоренции, организаторы русского отдела на международной книжной выставке (7 мая 1922 года открылась выставка) И. И. Ионов и И. Д. Галактинов свидетельствуют о большом успехе отдела, ставшего центральным местом выставки. Советская Россия получила приглашение участвовать в Международном книжном комитете по восстановлению международной книжной торговли и обмена изданиями. Ранее 15 февраля 1923 года устанавливаются связи с Международной конфедерацией музыкантов (Брюссель). 14 апреля 1923 года. Директор Петроградской консерватории А. К. Глазунов избран почетным членом Берлинской академии наук. 26 июня 1923 года. Публикуются письма известного германского дирижера Густава Брехера, гастролировавшего в Москве, наркому просвещения А. В. Луначарскому и Государственному институту музыкальной науки, в которых выражалось восхищение высоким уровнем художественной жизни в Советской России. 9 ноября 1923 года. Издательские и научные организации Франции возбудили вопрос об устройстве в России выставки французской научной книги. 12 ноября 1923 года. Альберт Эйнштейн по радиотелефону приветствует Советскую Россию. 8 декабря 1923 года. Известная французская ученая Мария Склодовская-Кюри выразила пожелание ознакомиться с работами советских ученых Рентгенологического и Ра-

диологического институтов. 22 июля 1924 года. Иностранная печать отмечает большой успех советских экспонатов книг, представленных на международных выставках книги: дважды в Лейпциге, а также в Вене, Праге, Гельсингфорсе. 17 января 1925 года. Французские ученые (Ж. Ренар, П. Буайе, Ж. Легра, А. Олар и др.) приветствуют русскую науку в лице члена-корреспондента Российской Академии наук Е. В. Тарле. 7 июля 1925 года. Сообщается о приезде директора Метрополитен-музея искусств в Нью-Йорке профессора Башфорта Дина для ведения переговоров о культурном обмене, а также членов Скандинавского музейного конгресса. Цель приезда – осмотр и изучение ленинградских музеев. 3 сентября 1925 года. В Брюсселе конгресс Парижского Интернационала работников просвещения признал большие заслуги советской школы в деле воспитания подрастающего поколения. 15 июня 1926 года. Член-корреспондент Е. В. Тарле избирается действительным членом Нью-Йоркской Академии наук» [7, с. 634–635].

Новый социализм требует новых смыслов. С. Г. Кара-Мурза в завершении второго тома своего исследования советской цивилизации пишет: «Выработать новый проект солидарного общества с полноценным универсумом символов – трудная задача, но без этого нас ждет угасание. Для решения этой задачи нам и надо восстановить в памяти и понять проект и реальность советского строя» [8, с. 762]. Речь идет об изучении с любовью первого проекта прежнего, или, первого социализма, для выработки нового проекта – проекта нового социализма.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 36. – 741 с.
2. Сталин И. В. Сочинения. М.: ГИПЛ, 1952. т. 7. – 432 с.
3. Сталин И. В. Сочинения. М.: ГИПЛ, 1952. т. 10. – 399 с.
4. Сталин И. В. Вопросы ленинизма, – 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1952. – 652 с.
5. Сталин И. В. Сочинения. М.: Писатель, 1997. т. 14. – 368 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 640 с. (Серия «История России. Современный взгляд»).
7. Булавка-Бузгалина Л. А. Красный Октябрь: рождение и становление Нового человека // Вершина Великой революции. К 100-летию Октября. Под общей ред. Б. Ф. Славина, А. В. Бузгалина. – М.: Алгоритм, 2017. – 1216 с. с. 600–651.
8. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 768 с. (Серия «История России. Современный взгляд»).

1.2. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ОХРАНА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ЗАДАЧА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Революция обратила государственное имущество, а также имущество свергнутых эксплуататоров в общенародное достояние. Народ отнёсся к этому богатству как хозяин, и трудящиеся понимали культурное значение памятников и предметов искусства. В деревнях большие трудности представляла организация охраны помещичьих усадеб от стяжателей и населения с мелкособственнической психологией. Передовая часть деревни — беднейшее крестьянство заимствовало у пролетариата опыт организованности и дисциплинированности. На самом деле вооружённое восстание в столицах и победное шествие советской власти по стране не сопровождалось разрушениями памятников культуры. Буржуазная печать распространила слух о разрушениях и пожарах архитектурных ансамблей, но поскольку слухи не подтвердились, то деятельность простых людей, рабочих, красногвардейцев, сохранявших величайшие памятники русской культуры, убеждала массы в сознательности и проницательности революционного пролетариата.

Советская социалистическая революция, свергнув господство эксплуататорских прежде имущих классов, бережно отнеслась к материальным ценностям, к богатствам, которыми располагали эти классы. Революция обратила промышленные предприятия и сооружения, жилые здания, дворцы и помещичьи усадьбы, памятники и заповедники, музеи, библиотеки и архивохранилища в общенародное достояние. Народ отнёсся к этому богатству, как рачительный хозяин, и сберёг его, как своё, веками нажитое добро.

Трудящиеся, не всегда ясно сознавая культурное значение памятников и предметов искусства, чутьём угадывали их историческое значение и относились к ним с уважением, как и к плодам творчества, человеческого труда. Лишь здания, где отсиживались сопротивлявшиеся контрреволюционные войска, да помещения государственных учреждений, с которыми были связаны представления народа о своём угнетении (тюрьмы, жандармские управления, полицейские участки), были главными объектами, которые пострадали при штурме их восставшими рабочими и солдатами в городах.

Советы устанавливали твёрдый революционный порядок и охрану богатств, перешедших в руки народа. Анархистствующие деклассированные элементы пытались воспользоваться революционными событиями и организовать погромы. Рабочие и беднейшие крестьяне обуздали их.

Советская власть призвала народ к дисциплине и выдержке. Петроградский Совет 25 октября (7 ноября) 1917 г. в своей резолюции по докладу Ленина о задачах власти Советов отмечал: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании.

Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство, которое, как Советское правительство, будет создано революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что это правительство твердо пойдет к социализму, единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны. Новое рабочее и крестьянское правительство немедленно предложит справедливый демократический мир всем воюющим народам» [1, с. XXX].

Без создания строжайшего революционного порядка и непреклонной товарищеской дисциплины, о которых писал В. И. Ленин, нельзя было сохранить народное добро. Наибольшую тревогу вызывали архитектурные памятники, архивы, библиотеки и произведения искусства, находившиеся в помещичьих усадьбах. В городах, где находились сознательные рабочие, где было сильнее организующее начало большевистской партии, дело охраны музеев, архивов и библиотек было проще наладить. В деревнях, где были сильны мелкобуржуазные влияния и страсть к стяжанию, организация охраны помещичьих усадеб, иногда содержавших редчайшие культурные ценности, представляла большие трудности. Здесь анархистствующим элементам было легче возбудить крестьянство, веками накопившее злобу против своих угнетателей, на разгром помещичьих усадеб и имений. Это могло бы привести к гибели ценнейших памятников культуры.

Передовая часть деревни – беднейшее крестьянство, выступавшее в революции в союзе с рабочим классом, заимствует у него опыт

организованности и дисциплинированности. В первые дни революции в Совнарком к В. И. Ленину обращаются многочисленные крестьянские ходоки за директивами. Деревня посылала в столицу своих представителей, которые могли бы лично получить от центральной власти указания и советы. На многочисленные запросы крестьян, что им делать, с чего начинать строительство новой жизни? – В. И. Ленин написал «Ответ на запросы крестьян».

8 ноября 1917 г. этот «Ответ» был опубликован в газете «Известия». В нём В. И. Ленин разъяснял, что революция победила в Петрограде и Москве и побеждает в остальных местах страны, что власть перешла в руки Советов. Призывая крестьян брать власть на местах в свои руки, В. И. Ленин указывал, что крестьянские земельные комитеты «должны тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общенародным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять» [1, с. 67].

А прежде 5 ноября он призывает в Воззвании «К населению»: «Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся! Берите *всю* власть в руки *своих* Советов. Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт – все это отныне будет *всецело* вашим, общенародным достоянием. Постепенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям *практического* опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам; прочный мир и избавление от всякого гнета и от всякой эксплуатации» [1, с. 67].

Выступая в июле 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин с сожалением заметил: «Знают за границей про нашу революцию до смешного, до ужаса мало» [2, с. 512]. Заботу большевиков о национальном культурном достоянии мог видеть всякий не только сочувствующий революции, а просто непредубеждённый против неё человек. Но, несмотря на это, буржуазная интеллигенция, кичившаяся своей «объективностью», обрушила на трудящихся и советы, партию большевиков потоки клеветы.

Вооружённое восстание в Петрограде, затем в Москве и победное шествие советской власти по стране не сопровождалось разрушениями памятников культуры. Некоторые незначительные повреж-

дения, нанесённые двумя снарядами Зимнему дворцу, да разбитые стёкла – вот весь ущерб от штурма цитадели Временного правительства. А сколько злобного крика неслось со страниц антисоветских газет. О разгроме Зимнего дворца кричало плехановское «Единство». Эсеровская «Воля народа» публиковала подсчёты мифических сумм, которыми, по её мнению, исчисляются якобы уничтоженные и разграбленные исторические сокровища Зимнего дворца. Иностранные журналисты, получившие доступ в Зимний, официальным, нотариально заверенным протоколом свидетельствовали полную сохранность дворца.

В Москве, где вооружённая борьба была более затяжной и ожесточённой, разрушения от обстрелов сражающихся сторон превосходили петроградские, но и они не принесли непоправимых утрат памятникам культуры и старины. Буржуазная петроградская печать распространила провокационный слух о разрушении и пожаре храма Василия Блаженного в Москве. Эту клевету подхватили меньшевистско-эсеровские газеты. Истерическое повествование о большевистских варварах действовал на буржуазную интеллигенцию, разжигая настроение вражды к советскому строю. Психологическая атака контрреволюционных авторов подействовала даже на некоторую весьма незначительную часть членов большевистской партии, не совсем ясно представлявших себе великую очистительную силу разыгравшейся бури социалистической революции. Вера в народ и государственная мудрость, диалектика мышления В. И. Ленина разбили эти необоснованные обвинения.

Типичный пример таких говоря по-современному фейк-нюс дают записки Ж. Садуля: «Хорошие новости для большевиков. Зимний дворец был обстрелян из пушек, взят, затем разграблен. Все предметы искусств, мебель, ковры, картины варварски разрушены. Женский батальон, оборонявший дворец, взят в плен и отведен в казарму, где несчастные, как говорят, были зверски изнасилованы. Многие из них – девушки из буржуазных семей. Большинство членов Временного правительства арестованы. Керенский бежал. Армия в руках революционеров. Полки, вызванные Временным правительством, один за другим переходят на сторону большевиков» [3, с. 34].

И это материал Ж. Садуля: «Сведения, поступавшие из Советской России в первый год революции, были прежде всего отрывочны,

противоречивы, а порой просто лживы в зависимости от личности и убеждений корреспондентов. Контакты мировой общественности с русскими демократическими слоями носили преимущественно личный и случайный характер. В период военных действий 1917–1918 гг. все источники информации жестко контролировались военной цензурой. Одним из каналов проникновения за границу, в частности во Францию, правдивой и относительно объективной информации о революционных событиях в России стали письма члена Французской военной миссии Жака Садуля, адресованные видным общественным деятелям Франции. Французский социалист Жан Лонге в связи с годовщиной Октябрьской революции отмечал особую ценность „Хорошо документированных отчетов, точных и полных, которые наш дорогой и благородный друг капитан Жак Садуль посылал нам в течение года“» [4, с. 3]. Речь идет о левом публицисте, стороннике коммунистов, что говорить о позиции антикоммунистов?

На заседании Совнаркома 3 ноября 1917 г. зашла речь о пессимизме некоторых членов большевистской партии, на которых произвели впечатление слухи о мнимых разрушениях культурных ценностей в Москве. Однако уже 3 ноября события прояснились. Правительство получило точную информацию о положении в Москве. Стало ясно, что слухи об уничтожении памятника русской истории – собора Василия Блаженного провокационный вымысел. Тогда не только не подтвердились слухи о гибели храма Василия Блаженного, но самоотверженная деятельность простых людей, рабочих, солдат, красногвардейцев, технических служащих, бережно сохранявших величайшие памятники русской культуры, с каждым днём убеждала в сознательности, дальновидности и проницательности революционного пролетариата.

Россия 1917 г. была полем столкновения идеологий и проектов и именно поэтому, как писал Х. М. Астрахан, «Россия 1917 года представляла собой гигантскую арену, на которой сталкивались классы, партии, социальные учения. Партии держали экзамен на знание законов общественного развития. Проверялись теория и практика политических партий, понимание ими роли в общественной жизни самого передового класса – пролетариата. Проверялись ум, сознательность, сила политических партий, их связи с массами, способность учиться у революции и влиять на нее. Развитие революции показало беспспорное превосходство партии большевиков над ее противника-

ми и в идейно-теоретическом, и в политическом, и в организационном отношениях. На основе марксистского анализа социально-экономической обстановки партия большевиков пришла к выводу, что Россия не может идти дальше вперед, не идя к социализму, что союз рабочего класса с беднейшим крестьянством способен свергнуть власть буржуазии, что созданные революционным творчеством масс Советы станут государственной формой диктатуры пролетариата. Эти и другие теоретические выводы большевиков помогали рабочему классу ориентироваться в сложной обстановке, идейно вооружали его в борьбе за социализм» [5, с. 443]. Победили большевики и их проект сохранения отечественной культуры и формирования глобальной культурной гегемонии класса-авангарда.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 35. – 600 с.
2. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 36. – 740 с.
3. Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. М.: Книга, 1990. – 400 с. (Историко-литературный архив).
4. Иванова Г. М. Об авторе // Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. – М.: Книга, 1990. 400 с. (Историко-литературный архив). с. 3–13.
5. Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л.: Лениздат, 1973. – 460 с.

1.3. СОЮЗ УЧИТЕЛЕЙ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД К СОЦИАЛИЗМУ

Среди исследователей нет единой точки зрения по вопросу того, была ли сразу разрушена старая система образования и создана принципиально новая. Руководство Наркомпроса призывало бастовавшее учительство прекратить саботаж, порвать с верхушкой учительского союза, включиться в дело советского строительства. Помощь партии в борьбе за учительские массы и преодоление саботажа оказал Союз учителей-интернационалистов, поставивший своей задачей сплочение учительской массы вокруг Советской власти и воспитание учительства в духе коммунизма с тем, чтобы учительство смогло развернуть свои способности и осуществить проекты корифеев педагогики по подъему образованности трудящихся. В переходный период к социализму дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие уничтожения деления общества на классы возлагалось не только на учительство, оно стало общенародным делом. На втором съезде учителей-интернационалистов была признана целесообразность организации единого учительского профессионального союза.

Исторический опыт организации массового советского образования убедительно показал, что не место массам учительства быть в рядах буржуазной интеллигенции, саботирующей просветительские мероприятия Советской власти. Эсеро-меньшевистская и кадетская верхушка Всероссийского учительского союза в контакте с несоветскими партиями негативно встретила Октябрьскую революцию и включилась в борьбу против диктатуры пролетариата. Она открыто встала на сторону контрреволюции, вступила в «Комитет спасения родины и революции», объединивший противников власти победившего четвертого сословия – пролетариата и беднейшего крестьянства. На сессии Большого Совета (28 декабря 1917 г. – 3 января 1918 г.) учительский союз утвердил проект тактических мер борьбы с Советской властью и разослал его как инструкцию местным учительским организациям. Тактика, намеченная несоветской верхушкой ВУС, предусматривала непризнание Советской власти, открытое невыполнение её распоряжений, выступление против неё с устной и письменной агитацией, организацию учительских забастовок. Призывы эсеров и меньше-

виков из учительского союза оказали своё действие, и в некоторых пунктах страны учительство забастовало. Наиболее крупной была забастовка московского учительства, длившаяся со 2 декабря 1917 г. до 11 марта 1918 г. Включившееся в саботаж учительство подвергало бойкоту и издевательствам тех учителей из своей среды, которые связали свою судьбу с народом, приняли Октябрьскую революцию и стали активно работать в советской школе.

Руководство Наркомпроса настойчиво призывало саботировавшее и бастовавшее учительство прекратить саботаж, порвать с верхушкой ВУС, включиться в общенародное дело советского строительства. В обращениях к педагогам, учащимся и родителям Наркомпрос разъяснял, что забастовка учителей – тёмное, антинародное дело, что буржуазная интеллигенция, прикрывавшаяся ранее лозунгом «школа должна стоять вне политики», в открытой борьбе против Советской власти показала свою приверженность старой, буржуазной политике. Средством воздействия на саботажников и мерой влияния на колеблющиеся элементы среди учительства стали выборы всего педагогического и административно-педагогического персонала, проведённые по постановлению, принятому Государственной комиссией по просвещению 27 февраля 1918 г. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов [1].

Но сколько ни старались руководители ВУС организовать учительство на борьбу против Советской власти, какие бы временные успехи они ни одерживали в этом деле путём учительских забастовок, сила жизни была на стороне трудящихся, неодолимость нового советского строя подтверждалась с каждым днём. Побеждала честность, прямота и искренность представителей Советской власти, призывавшей учительство к созидательному труду.

Вскоре основная масса учительства смогла убедиться в том, чего стоят наветы верхушки ВУС на Советскую власть, пророчества о недолговечности советского строя и неизбежности его гибели. Учительство уже могло видеть первые мероприятия Советской власти в области школьного строительства, всенародный размах и серьёзность этих мероприятий. Началось колебание в среде основной массы учительства, давшей себя обмануть главарям ВУС. За колебанием последовал разрыв. Доказательством такого разрыва с руководством ВУС и отхода от антисоветского саботажа служит тот факт, что 1 239 учителей

из 1305 во время референдума бастовавших, проведённого в конце февраля 1918 г., высказались против продолжения забастовки московского учительства. В конце марта верхушка Всероссийского учительского союза, а также Союз деятелей средней школы были вынуждены под напором учительских масс вынести решение о прекращении антисоветского саботажа.

Серьёзную помощь партии в борьбе за учительские массы и преодоление антисоветского саботажа оказал организовавшийся в Петрограде в конце 1917 г. с одобрения В. И. Ленина Союз учителей-интернационалистов, поставивший своей основной задачей сплочение учительской массы вокруг Советской власти и воспитание учительства в духе коммунизма. Деятельное участие в этом союзе, как и во всей работе по организации советского просвещения, принимала Н. К. Крупская.

В. И. Ленин поощрял деятельность Союза учителей-интернационалистов. Он выступал с речью на его первом съезде. Первый съезд учителей-интернационалистов состоялся 26 июня 1918 г. в Москве. На съезде присутствовало 150 делегатов от революционного учительства Москвы, Петрограда и 19 губерний [2, с. 6–7]. Протоколы этого съезда сохранили нам только краткую запись речи В. И. Ленина 5 июня 1918 г. Но и протокольная запись выступления В. И. Ленина даёт представление об объёме и круге затронутых в нём вопросов, имеющих принципиальное значение для советской педагогики. В. И. Ленин, приветствуя съезд от имени советского правительства, прежде всего отметил, что «учительство, которое раньше медленно переходило на работу с Советской властью, теперь все больше убеждается в том, что эта совместная работа необходима» [3, с. 420].

Семимесячный опыт жизни Советского государства, политика рабоче-крестьянского правительства в области просвещения всё больше и больше убеждали учительство, что только в содружестве с новой властью оно сможет развернуть свои способности, осуществить лучшие мысли корифеев педагогики. В ускорении перехода учительства на платформу Советской власти сказывался и общий перелом, происходивший в среде интеллигенции. «Подобные превращения, – указывал В. И. Ленин, – из противников в сторонников Советской власти очень многочисленны и в других слоях общества» [3, с. 420]. В. И. Ленин подчёркивал огромную роль, учительства в строительстве совет-

ской школы. В речи на первом съезде учителей-интернационалистов он указывал: «Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительные задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения» [3, с. 420].

В. И. Ленин говорил, что значительная, главная масса старой интеллигенции, являясь противником Советской власти, создаёт большие трудности. Но в среде учительства уже заметны серьёзные сдвиги в сторону нового строя. И эти сдвиги – только начало. Учительство должно смелее рвать с контрреволюционерами из Всероссийского учительского союза. «Процесс брожения в широкой учительской массе только начинается, и истинно народным учителям, – говорил В. И. Ленин, – не следует замыкаться в рамки организации Всероссийского учительского союза, а идти уверенно в массы с пропагандой» [3, с. 420–421]. Этот разрыв учительских масс с антинародными элементами из ВУС и активное участие их в разрешении неотложных задач республики важны были как ответ на кардинальный вопрос: с кем пойдёт народное учительство? Верен только тот путь, который указывает партия большевиков, говорил Ленин. «Этот путь приведет к совместной борьбе пролетариата и учительства за победу социализма» [3, с. 421].

В этой грандиозной работе социалистического строительства учительство призвано решать задачи огромной трудности и чрезвычайной важности: подымать культурность образованность, сознательность трудящихся. «Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительные задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения» [3, с. 420].

Но это осуществимо только в том случае, если работники культуры и просвещения вообще, а учительство в частности и в особенности, свяжут свою деятельность с борьбой масс за социалистическое преобразование России. В речи на съезде учителей-интернационалистов В. И. Ленин выдвинул одно из краеугольных положений марксистско-ленинской педагогики: «Учительство должно слиться со всей борющейся массой трудящихся. Задача новой педагогики – связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества» [3, с. 420]. Так сформулировал В. И. Ленин летом 1918 г. важнейшее программное требование большевизма в области просвещения, которое затем нашло наиболее полное опре-

деление в программе партии, принятой в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б). Связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества значит выполнять важнейшую часть программы – превращать школу в орудие диктатуры пролетариата: «В области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 года дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие разрушения этого господства, как равно и полного уничтожения деления общества на классы. Школа должна стать орудием диктатуры пролетариата, т. е. не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс, в интересах полного подавления сопротивления эксплуататоров и осуществления коммунистического строя» [4, с. 116].

Это выступление главы советского правительства имело серьёзное политическое значение и сыграло большую организующую роль в ускорении объединения учительской массы вокруг Советской власти и в сближении между народом и работниками просвещения. Прямым ответом лучшей части учительства, политически прозревшей и начинавшей понимать обстановку, на программную речь В. И. Ленина явилось решение 800 делегатов учительского съезда-курсов, состоявшегося в Москве 3–8 июля 1918 г. Подчёркивая свою принципиальную враждебность к контрреволюционной деятельности Всероссийского учительского союза, делегаты призвали честное учительство «отшатнуться от этой организации и идти, в ряды учителей интернационалистов или же в новые профессиональные объединения, дабы об руку с органом народной воли и народной власти дружно и радостно строить светлое здание единой, трудовой, социалистической школы будущего!» [5, с. 120].

Партийные организации, органы Наркомпроса и его центральный аппарат, Союз учителей-интернационалистов развернули широкую деятельность по выполнению директивы В. И. Ленина о политической агитации и политическом просвещении учительства. По всей стране прошли многоярусные собрания, конференции и съезды учителей, на которых выступали представители партии и Советской власти, призывавшие работников школы к активному сотрудничеству с наро-

дом. Рядовое учительство с горечью и глубоким раскаянием осудило свои политические заблуждения.

Через месяц после съезда учителей-интернационалистов в Москве состоялся I Всероссийский съезд учителей по просвещению, на котором с речью выступил В. И. Ленин. В речи на съезде 28 августа 1918 г. В. И. Ленин развил важнейшие положения марксистско-ленинской педагогики: о классовом характере школы и партийности просвещения как составной части культуры, о роли школы в общественной жизни Советской страны. Он обосновал марксистско-ленинский взгляд на роль знания, культуры в борьбе трудящихся за социализм в условиях советской государственности. Протокольная запись речи, а также сохранившийся план речи, составленный В. И. Лениным, дают полное представление об этом замечательном выступлении, имеющем принципиальное значение для понимания ленинского взгляда на культуру и культурную революцию.

Первую часть своей речи (шесть пунктов из двенадцати, намеченных по плану) Ленин посвятил разъяснению международной политической обстановки. Он особенно подчеркнул, что ярость международных империалистов в развязанной ими вооружённой борьбе против Советской республики объясняется тем, что враги социалистического государства видят в нём опасный для них пример борьбы за социализм. Социалистический «эксперимент» народов России далеко перешагнул национальные масштабы и приобрёл международный характер. В. И. Ленин подчеркнул, что в борьбе за победу социализма в России, как начало и залог победы социализма во всём мире, важнейшее значение имеет народное образование. Оно является составной частью этой борьбы.

Цели народного образования, которые ставят перед собой капиталистическое и социалистическое государства, диаметрально противоположны. Капиталистическое общество не отмахивается от образования народа. Власть имущие отлично понимают его силу. Но они используют народное образование в своих классово-корыстных целях. Буржуазия ставит перед школой задачу готовить «приличного слугу, расторопного холопа, услужливого приказчика». Но много ли нужно знать для холопской службы? Главное, что заботит капиталистов, – опасность приобщения трудящихся к политике. На помощь мобилизуется буржуазная теория о независимости школы от политики, о надклассовом её характере.

«Чем более культурно было буржуазное государство, – говорил В. И. Ленин, – тем более утонченно оно лгало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом. На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих. Война показала, как чудеса современной техники служат средством для истребления миллионов рабочих и несметного обогащения наживающихся на войне капиталистов. Война внутренне подорвана, потому что мы разоблачили их ложь, противопоставив ей правду. Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики – это ложь и лицемерие» [6, с. 76–77].

Съезд сыграл большую роль в разоблачении контрреволюционной роли Всероссийского учительского союза. Особенно яркой речью по этому вопросу было выступление председателя съезда В. П. Потёмкина. В. П. Потёмкин в этой речи обвинял главарей контрреволюционного Всероссийского учительского союза в том, что они организовали учительскую забастовку в Москве. Закрыв детям народной бедности на несколько месяцев двери школы, говорил В. П. Потёмкин, они толкнули этих детей на улицу: «Они оплачивали бастующих учителей деньгами господ Рябушинских, и после этого, изображая из себя „демократов“ и „защитников меньшей братии“, они смеют говорить об аполитичности школы и называть большевиков и тех, кто идёт вместе с ними, „сеятелями смуты“. „Они, против политики в школе...“, но разве не выбрасывают они из своей среды товарищей, пожелавших работать в комиссариате? Об этом они благоразумно молчат. Но здесь присутствуют жертвы этой „аполитичности“, которые могли бы много порассказать вам о „терпимости“ ВУСа. Профессионализм его – только личина. Ею обманывает он доверчивую учительскую массу. Но всему приходит конец, и учительство уже прозревает. Скоро оно целиком откажется от ВУСа. Иначе и быть не может. В учительстве говорит голос крови, роднящей его с трудовыми массами, голос, зовущий к чёрной земле-матери, в старых морщинах которой – пот и слёзы народа... Нет возврата к прошлому, товарищи! И к ним, – указывает В. П. Потёмкин на представителей Всероссийского учительского союза, – вы уже не вернётесь» [7, с. 85].

Вопрос об учителе был одним из важнейших вопросов строительства советской школы. Нужно было перевоспитать существующие учительские кадры, разъяснить им задачи и значение Октябрьской революции и советской школы, дать политическое просвещение и новую методическую подготовку, организовать учительство в новый профессиональный союз вместо Всероссийского учительского союза (ВУСа), который в лице своей руководящей верхушки встал с самого начала Великой Октябрьской социалистической революций на контрреволюционные позиции. Нужно было подготовить новую армию учителей для большого количества открываемых школ. Верхушка Всероссийского учительского союза с первых же дней Октябрьской революции стала вести среди учительской массы агитацию против коммунистической партии и советской власти. К декабрю эта враждебная позиция Всероссийского учительского союза настолько усилилась, что вызвала ряд писем в газеты со стороны революционно настроенных учителей о выходе их из союза.

Всё большая часть учительства, оценив заботы коммунистической партии и правительства о школе, детях и учителе, всё теснее сплывалась вокруг партии, стремилась осуществить указания В. И. Ленина о роли советского учителя. В каждой волости, во многих крупных школах создавался дружный, сплочённый кружок передовых учителей, который вёл упорную борьбу с учителями, враждебно настроенными к Октябрьской революции, стремился вести за собой «нейтральную», ещё не осознавшую задач Октябрьской революции массу учителей.

В январе 1919 г. состоялся второй съезд учителей-интернационалистов. Выступая на этом съезде, В. И. Ленин говорил: «Нельзя сомневаться в том, что громадное большинство учительского персонала, который стоит близко к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, что оно в громадном большинстве убедилось теперь, как глубоки корни социалистической революции, как неизбежно она распространяется на весь мир, и я думаю, что теперь громадное большинство учительства несомненно искренне встанет и будет становиться на сторону власти трудящихся и эксплуатируемых, в борьбе за социалистический переворот в борьбе с той частью учительства, которая до сих пор, оставаясь на почве старых буржуазных предрассудков и старых порядков и лицемерия, воображала, что может что-нибудь сохранить от этих порядков.

Одним из таких буржуазных лицемерий является убеждение в том, что школа может быть вне политики. Вы прекрасно знаете, насколько лживо это убеждение. И буржуазия, выдвигающая такое положение, сама во главу угла школьного дела ставила свою буржуазную политику и старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислужников, старалась снизу доверху даже всеобщее обучение свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных слуг, исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием воспитания человеческой личности. И теперь ясно для всех, что это может сделать только школа социалистическая, стоящая в неразрывной связи со всеми трудящимися и эксплуатируемыми и стоящая не за страх, а за совесть на советской платформе» [6, с. 430–431].

На этом же съезде В. И. Ленин указал на целесообразность организации широкого, единого учительского профессионального союза: «Я думаю, что ваш союз интернационалистов может вполне превратиться в единый школьный профессиональный союз учителей, стоящий, как и все профессиональные союзы, – это особенно ярко показывает II Всероссийский съезд профессиональных союзов, – на платформе Советской власти. Задача перед учительством стоит необъятная. Здесь приходится бороться и с теми остатками расхлябанности и разьединенности, которые оставила нам прошлая революция. Далее, пропаганда и агитация. Сейчас естественно, что при том недоверии к учительскому составу, которое оставила практика саботажа и предрассудки буржуазного состава учительства, которое привыкло думать, что настоящее образование могут получать только богатые и что для большинства трудящихся достаточно только подготовка хороших слуг и хороших рабочих, но не настоящего хозяина жизни, – оставалась раздробленность во всех областях пропаганды и просвещения. Это осуждает часть учителей на узкую сферу, на сферу якобы учебы, и не дает нам возможности полностью создать единый аппарат, в который все силы науки войдут и будут работать вместе с нами. Нам удастся это сделать постольку, поскольку мы порвем со старыми буржуазными предрассудками, и тут задача вашего союза – привлечь самые широкие учительские массы в вашу семью, задача воспитать наиболее отсталые слои учительства, подчинить их общепролетарской политике, связать в общую организацию» [6, с. 431–432].

И действительно, летом 1919 г. возник Всероссийский профессиональный союз работников просвещения и социалистической культуры, который уже при своём зарождении имел 70 000 членов. В. И. Ленин советовал вести с учительством терпеливую, настойчивую воспитательную работу, указывал, что «учительство в царских учительских семинариях воспитывалось в духе враждебном пролетариату и потому понятно», что требуется время и терпение, чтобы открыть учительству глаза, убедить его. В то же время В. И. Ленин выражал твёрдую уверенность, что учительские массы пойдут в ногу с пролетариатом, окажутся опорой коммунистической партии и советской власти в деревне.

В трактовке этой деятельности Советской власти есть конфликт трактовок. Уточним: в феврале 1918 г. было опубликовано постановление «О передаче всех учебных заведений в ведение Народного комиссариата по просвещению». В соответствии с этим постановлением главный комиссар военно-учебных заведений республики вынес решение о преобразовании военных академий в гражданские учебные заведения. Получив 10 марта 1918 г. протест Высшего Военного Совета против этого решения, В. И. Ленин немедленно предписал главному комиссару военных учебных заведений задержать это распоряжение, указав, что такое преобразование не соответствует потребностям молодой советской республики, которая нуждалась в защите. Учитывая возражения ряда наркоматов против передачи Наркомпросу всех без исключения учебных заведений, В. И. Ленин внес в проект декрета поправку о том, что учебные заведения, преследующие исключительно технические и военно-оборонительные цели, передаче Наркомпросу не подлежат.

На сегодняшний момент среди социальных исследователей нет единой точки зрения по поводу того, была ли сразу же разрушена, сломана старая система образования и создана принципиально новая. В сущности, эту проблему мы и стараемся разрешить, публикуя серию монографий о формировании новой советской системы образования.

Список использованной литературы

1. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/31601>

ГЛАВА 1. РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

2. Сборник Всероссийского Союза учителей-интернационалистов труды 1-го Всероссийского съезда. – Москва: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, № 1: Июль 1918. – 96 стб.
3. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 36. – 741 с.
4. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 38. – 579 с.
5. Торосян В. Г. История образования и педагогической мысли: учебник для вузов. М: издательство ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006 г. 351 с.
6. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 37. – 748 с.
7. Всероссийский съезд учителей (1918; Москва). Протоколы 1-го Всероссийского съезда учителей, созванного Народным Комиссариатом по просвещению в Москве 3-го июля 1918 года. – Москва: Всерос. Центр. Испол. Ком. Советов Р. С. К. и К. депутатов, 1918. – 95 с.

1.4. ЗАДАЧИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И МЕТОДЫ КУЛЬТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРВОГО СОЦИАЛИЗМА

Термин «культурная революция» возник в последних работах В. И. Ленина, но само понятие принадлежит А. А. Богданову. Просвещение масс в этом понятии рассматривалось как условие подъема производительности труда, а Советская организация государства как сила, обеспечивающая подъем культуры масс. Наряду с просвещением масс средствами науки стояла задача их социалистического перевоспитания, в результате основной чертой советской культуры становилась ее народность, массовость, доступность трудовому люду. В. И. Ленин отстоял свой план социалистического строительства как единственно правильный и применимый в тех условиях план укрепления советской государственности, перестройки общественных отношений и развития социалистической культуры. Социализм, по А. А. Богданову, создает новый культурный мир, но и это создание требует интеллигенции. Основные задачи работы с интеллигенцией формулирует Н. И. Бухарин, их творчески реализует И. В. Сталин.

Термин «культурная революция» возник в последних работах В. И. Ленина, в частности, в известной программной статье «О кооперации». Но само понятие «культурной революции» принадлежало А. А. Богданову и было введено им еще до 1917 г. На это обстоятельство обращает внимание историк Г. А. Кругликова в статье «Роль интеллигенции в изучении и сохранении культурного наследия в первые годы советской власти» [1, с. 116].

А. А. Богданов, основатель тектологии как всеобщей организационной науки, считал, что социальная революция пролетариата может быть подлинно социалистической лишь в том случае, если пролетариату еще до социальной революции удастся «у себя» совершить «культурную революцию», создать пролетарскую культуру [2, с. 229].

В ранних послереволюционных статьях «Как организовать соревнование?», «Очередные задачи Советской власти» и в докладе на ту же тему на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. В. И. Ленин говорил, что на очереди дня встали задачи повышения производительности труда, организации учёта и контроля, воспитания социалистической трудо-

вой дисциплины. В этой связи В. И. Ленин рассматривал просвещение масс как одно из условий подъёма производительности труда. Он отмечал, что для подъёма производительности труда необходима техническая база, передовая индустрия.

«Другим условием повышения производительности труда, – писал В. И. Ленин, – является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, не способные понять, сколько порыва к свету и инициативности развертывается теперь в народных „низах“ благодаря советской организации. Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, уменья работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации.

С этой стороны дело обстоит у нас особенно плохо и даже безнадежно, если поверить людям, давшим себя напугать буржуазии или корыстно служащим ей. Эти люди не понимают, что не было и быть не может революции, когда бы сторонники старого не вопили о развале, об анархии и т. п.» [3, с. 188].

Советская организация государства обеспечивает такой подъем культуры масс. Советская власть должна и впредь, говорил В. И. Ленин, просвещать массы, помогать им овладевать знаниями, основами науки и культуры. Наряду с просвещением масс стояла задача их социалистического перевоспитания. Эксплуататорский строй воспитывал в народе мелкобуржуазные, собственнические привычки, навыки и традиции, свою дисциплину труда, основанную на принуждении. Для создания социалистического общества необходима была социалистическая, сознательная дисциплина. Объявляя решительную борьбу мелкобуржуазным, рваческим привычкам, В. И. Ленин выдвинул учёт и контроль над мерой труда и потребления как народное требование и одно из решающих средств становления социалистической экономики и воспитания новой трудовой дисциплины. Могучим фактором воспитания социалистической дисциплины труда В. И. Ленин считал социалистическое соревнование.

Необходимо отметить величайшее культурное значение этих лозунгов, их существенное влияние на советскую культуру с самого начала её формирования. Именно в этих лозунгах, мы находим ленинские установки о принципах социалистической морали, о путях

и средствах социалистического перевоспитания масс в процессе социалистического строительства. В. И. Ленин указывал, что для просвещения народа и его перевоспитания, для развития и укрепления чувства любви к своей советской родине должны быть использованы все средства культуры: школа и внешкольное образование, наука, искусство, печать.

Наука должна вооружить народ передовыми знаниями, помогающими строительству хозяйства и культуры страны. Искусство призвано будить мысль, облагораживать человека, помогать рабочим и крестьянам приобщаться к вершинам культуры, отображать социалистическое новаторство трудящихся. Задача школы – воспитывать подрастающее поколение в духе коммунизма, обучать его основам знания. Задача внешкольного образования – не только вооружить рабочих и крестьян основами современной культуры – обучить грамоте, но и помочь им разобраться в политической жизни страны. Важнейшая роль в воспитании новой дисциплины, в создании новых, социалистических связей должна принадлежать печати. В первоначальном наброске статьи «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал: «Нашим первым и главным средством для повышения самодисциплины трудящихся и для перехода от старых, никуда не годных, приемов работы или приемов отлынивания от работы в капиталистическом обществе, – главным средством должна являться пресса, вскрывающая недочеты хозяйственной жизни...» [3, с. 147]. И В. И. Ленин поставил задачу – превратить советскую прессу «в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому» [3, с. 149].

Для понимания выдвинутой В. И. Лениным системы мероприятий в области культурного строительства очень важно отметить ту роль, которую он отводил внешкольному образованию, то есть системе мероприятий, имеющих целью поднятие общекультурного и политического уровня большинства взрослого населения страны – рабочих и крестьян. Впоследствии, в 1920 г. в беседе с Кларой Цеткин по вопросам социалистической культуры В. И. Ленин энергично подчёркивал ту мысль, что основной чертой советской культуры является ее народность, массовость, доступность широким слоям трудового люда. Всестороннее просвещение народа, поднятие его культурного уровня В. И. Ленин рассматривал как первую ступень общего

подъёма культуры Советской страны. Этому В. И. Ленин подчинял также деятельность работников искусства.

В упрочении диктатуры пролетариата и укреплении советской государственности, в пробуждении политической активности рабочих и крестьян, в советских формах жизни видел В. И. Ленин основной залог решения задач культурного строительства и формирования социалистической культуры.

В. И. Ленин говорил о величии культурной работы, взятой на себя Советским государством, о грандиозности задачи, стоящей перед Советской властью, которая должна за годы, за десятилетия загладить культурный долг многих столетий. Выполнение этой исторической задачи было заботой В. И. Ленина с первых дней существования Советской власти. Ленинский план культурного строительства замечателен тем, что он намечал кратчайшие пути преодоления вековой культурной отсталости, был рассчитан на укрепление советского строя, на развитие творческой инициативы масс, на обеспечение полной независимости от капиталистического Запада и его загнившей культуры. Большевики смело и уверенно отстаивали ленинские мероприятия в области культурного развития страны в борьбе против меньшевиков и эсеров, «народных социалистов» и кадетов, разных беспартийных «социалистов» и «демократов», претендовавших на роль выразителей истинных интересов народных масс России. Печать исследуемого периода сохранила нам живые свидетельства борьбы того времени, борьбы острой и беспощадной.

В. И. Ленин отстаивал свой план социалистического строительства как единственно правильный и применимый в тех условиях, план укрепления советской государственности, перестройки общественных отношений и развития социалистической культуры, отстаивал этот план в борьбе с врагами ленинизма, «левыми» коммунистами. Разоблачая их выступления против использования буржуазных специалистов, как «левую» демагогическую фразу, которой они прикрывали своё оппортунистическое, мелкобуржуазное нутро, В. И. Ленин писал, что «социализм невозможен без использования завоеваний техники и культуры, достигнутых крупнейшим капитализмом...» [3, с. 310].

Ленинский план перехода к социалистическому строительству открыл широкую перспективу культурного советского строительства. Видной вехой в истории Советского государства в его началь-

ный период, до разгара гражданской войны, явился V Всероссийский съезд Советов, утвердивший первую Советскую Конституцию, законодательно закрепившую завоевания советского строя также и в области культуры. Об этих завоеваниях, закреплённых законом, говорил В. М. Молотов в феврале 1935 г. на VII Всесоюзном съезде Советов: «В нашей Конституции особо подчёркивается основная задача советской власти – „установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства“; обеспечение трудящимся действительной свободы выражения своих мнений и предоставление для этого в руки рабочего класса и крестьянской бедноты органов печати и типографий; предоставление в распоряжение трудящихся пригодных для устройства народных собраний помещений и всяческое содействие рабочим и беднейшим крестьянам в деле их свободной организации, а также обеспечение им всестороннего бесплатного образования, причём труд признаётся обязанностью всех граждан республики и провозглашается лозунг: „Не трудящийся да не ест“.

В этом заключаются основные положения Советской Конституции 1918 г., на основе которых рабочий класс строил своё новое государство, обеспечил подъём народного хозяйства и рост материального благосостояния масс и культуры трудящихся» [4, с. 68–69].

В. И. Ленин с восхищением говорил о прекрасном размахе, который дала народному творчеству Великая Октябрьская социалистическая революция, он говорил об этом как о верном залоге созидания действительно могучей, обильной и культурной Руси – первой страны социализма. За восемь месяцев с октября 1917 г. по июль 1918 г. Советская власть, преодолевая колоссальные трудности, в огне классовой борьбы сумела осуществить величайшие преобразования в культуре нашей страны.

Левый культуролог профессор МГУ Л. А. Булавка-Бузгалина в главе «P. S. Советская культура как идеальное СССР» пишет о признании взлета советской культуры повсюду в мире: «Развитие встречного движения революционных масс и культуры привело не только к тому, что для трудящихся начали открываться новые и неотчужденные смыслы культуры. Одновременно с этим начался процесс освобождения и самой культуры от прежних социальных ограничений, теперь она становилась доступной и открытой. В это же время разрабатываются проекты создания новых музеев: Восточного искусства,

Русского народного искусства, Старинного Европейского искусства, Музея церковного искусства и др. Вся система культуры в этот период имеет не только государственную, но и общественную поддержку от местных Советов и их исполкомов, органов местного самоуправления (сельских обществ, волостных и земских управ, общественных советов, трудовых коллективов фабрик и заводов и т. д.) Огромные творческие преобразования происходили в этот период в сфере культуры, включая науку. Вот лишь некоторые примеры этого...» [5, с. 120]. Автор далее перечисляет эти примеры на протяжении пяти страниц. Перечисление завершается выводом: «В любом случае результаты культурной революции большевиков были настолько заметными, что это отмечали даже те, кто активно боролся против власти Советов, например, известный идейный лидер монархизма В. Шульгин. Конечно, создать новую систему культуры с наследованием ее прежних достижений – дело чрезвычайно непростое, особенно поначалу: трудности Гражданской войны и разрухи, противоречия между ростками социального творчества и бюрократизма и др.» [5, с. 125].

Таким образом, социализм, по А. А. Богданову, создает новый культурный мир. Для него «социализм – дело метода». А. А. Богданов пишет в статье «Вопросы социализма»: «Необходим поворот к *программе культуры*. Социализм осуществится тогда, когда старому культурному миру, с его опытом тысячелетий и вполне сложившимися методами, будут противопоставлены не только политическая сила и „хозяйственный план“, а новый мир культуры, с новыми, высшими методами. Чтобы победить общественную стихийность. Рабочий класс должен преодолеть стихийность собственного развития. Он не может дать миру того, чего сам не имеет» [6, с. 334].

При рассмотрении культурной революции пролетариата встает вопрос об интеллигенции. Упрощенное представление о ней как прослойке и мелкой буржуазии подвергалось критике вождями большевистской партии. Так, в речи «Судьбы русской интеллигенции» Н. И. Бухарин критиковал А. В. Луначарского: «А. В. квалифицирует интеллигенцию, как мелкую буржуазию. Давая такое определение интеллигенции, он видит перед собою только российскую интеллигенцию. Если же мы возьмем не только российскую интеллигенцию, а также и западную, то увидим, как это определение недостаточно.

Прежде всего я должен сказать, что мелкая буржуазия есть постоянно распадающийся класс, который в ходе капиталистического развития исчезает. Между тем есть значительные слои интеллигенции, которые в ходе капиталистического развития не исчезают, но нарастают, которые хотя и являются продуктом прошлого, но вместе с тем продуктом специфически-капиталистическим, которые становятся все нужнее и которых квалифицировать таким образом нельзя» [7, с. 101].

Фактически, речь идет о различном подходе к классовому делу создания новой культуры. Отвечая на записки, автор отмечает: «В одной из записок был затронут такой вопрос, ...что Маркс тоже вышел из интеллигенции. Выходит, что Маркс потому перешел на сторону рабочего класса, что вышел из интеллигенции. Но перешел-то он именно потому, что был Маркс, а не кто иной. Маркс был исключением из интеллигенции. Это был исключительно гениальный человек. Исключительная даровитость людей заключается в широте их умственного интеллекта. Фридрих Энгельс был из фабрикантской среды, но он выскочил из нее, потому что он был исключительный человек. В этой идеологической стычке, которая происходит здесь, различный подход к классовому делу» [7, с. 106].

Н. И. Бухарин приходит к выводам и делает призывы к интеллигенции: «Мы так захватили позиции, что никто не сможет повернуть против нас. Точно так же и в идеологической области. Когда мы захватываем область естественных наук, мы линию свою поддерживаем, как диктуется интересами пролетарского социализма. Мы тогда сделаем эту диверсию, когда скажет нам политический разум, а разум скажет верно. Я знаю, что в интеллигентских прослойках нарастает интерес к марксизму. Пускай он нарастает дальше. Здесь можно колоссальную работу провести. Для того, чтобы идти по этой столбовой дорожке, не нужно тащить нас с идеологических путей назад. Нужно преодолевать все больше и больше антимарксистские воззрения, нужно с полной уверенностью уничтожать навыки старой мысли, нужно становиться под знамя марксизма. Это знамя проверено во многих революциях. В области нашей революции мы победили. Почему те, кто не считал себя марксистами, оказались пораженными нами? Потому, что мы оказались способными предвидеть, заниматься политикой и правильно лавировать, потому что мы были настоящими марксистами.

Поэтому, заканчивая свою речь, я призываю вас идти под знамена рабочей диктатуры и марксистской идеологии. (Бурные аплодисменты)» [7, с. 111]. Получается, что после ухода В. И. Ленина, основные задачи работы с интеллигенцией сформулировал Н. И. Бухарин, а творчески их реализовал на практике И. В. Сталин. Вопрос о работе с интеллигенцией вписывался в проблематику социализма в одной стране, а она имела разные трактовки. Так, итальянский историк Д. Боффа пишет: «Лозунг „социализм в одной стране“ явился радикальным новшеством в истории СССР и русского большевизма. Но он был таковым не потому, что знаменовал новый этап в развитии марксистской теории или с самого начала представлял собой точный выбор политической и экономической стратегии. На деле под этим лозунгом проводились разные политические курсы. Когда он был впервые провозглашен, под ним понималось более осмотрительное отношение к крестьянству, союз с деревней, а следовательно, и более осторожная позиция по вопросу о темпах индустриализации» [8, с. 50]. Естественно, история пробовала разные варианты социализма на мировом острове, каковым до войны была Советская Россия.

Список использованной литературы

1. Кругликова Г. А. Роль интеллигенции в изучении и сохранении культурного наследия в первые годы советской власти // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сб. ст. X Уральского демографического форума: в 2 т. / отв. ред. д-р экон. наук О. А. Козлова, д-р ист. наук Г. Е. Корнилов. – Том II. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2019. – 436 с. с. 115–121.
2. Богданов А. А. Наука об общественном сознании: (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах) / А. Богданов. – 2-е изд. – Москва: Лит.-изд. отд. Нар. ком. по просв., 1918. – 234 с.
3. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М. ИППЛ, 1974. т. 36. – 741 с.
4. Молотов В. М. Статьи и речи 1935–1936, Партиздат, 1937. Статьи и речи. 1935–1936. М.: Партиздат, 1937 (ф-ка книги «Кр. пролетарий»). – 272 с.
5. Булавка-Бузгалина Л. А. Р. S. Советская культура как идеальное СССР // Бузгалин Александр Владимирович, Булавка Людмила Алексеевна, Колганов Андрей Иванович СССР: Оптимистическая трагедия. – М.: ЛЕ-НАНД, 2018. – 440 с. (Размышляя о марксизме. № 152; Библиотека журнала «Альтернативы». № 60.) с. 100–136.

6. Богданов А. А. Вопросы социализма // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет / под ред. Л. И. Абалкина (отв. ред.), Г. Д. Гловели, В. К. Парменова, Н. К. Фигуровской. М., 1990. с. 295–356.

7. Бухарин Н. И. Судьбы русской интеллигенции // Путь к социализму: Избр. произведения / Н. И. Бухарин; [Предисл. В. П. Данилова, С. А. Красильникова, с. V–XXVI; АН СССР, Ин-т истории СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии]. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1990. – 493, с. 101–113.

8. Боффа Д. Советский прорыв. Как стать мировой державой. М.: Алгоритм, 2015. – 224 с. (Советское чудо).

1.5. СОВЕТСКАЯ РЕФОРМА ШКОЛЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЕ О СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ КАК ПРОБЛЕМА ДЛЯ НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Декрет Совнаркома о народном просвещении для развития советской культуры напряжённо ожидался широкими слоями трудящихся. Аппарат Наркомпроса не поспевал заняться переходящими в его ведение учебными заведениями – нужно было произвести в них перестройку или закрыть те, которые не отвечали задачам советского строя. Сосредоточение учебных заведений всех образовательных ведомств страны в системе Наркомпроса сыграло положительную роль в переустройстве школы, в разработке принципов советской школьной системы и педагогики. Наиболее полное представление о программе Советской власти в области народного просвещения дают документы этого периода: обращение к гражданам России «О народном просвещении»; постановление Народного комиссара по просвещению «О реформе средней школы»; декрет «Об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике (Положение)». План преобразования начальных и средних учебных заведений был примерным и мог практически видоизменяться Отделами Народного Образования. В интересах представления образа нового социализма нашим современникам следует изучать весь ленинский план строительства социализма как практические шаги преобразования старого общества в общество социалистическое.

О чрезвычайно жизненной важности Декрета Совнаркома о народном просвещении для развития советской культуры, о напряжённом ожидании этого декрета широкими слоями трудящихся вообще, а молодёжью в особенности, свидетельствуют многие документы того времени. Вот один из этих найденных нами документов – письмо гимназистки далёкого Красноярска в революционную столицу, к главе советского правительства В. И. Ленину. Это письмо было написано вряд ли позднее чем через 6–7 недель после Октябрьской революции и получено секретариатом Совнаркома 17 декабря 1917 г.: «Дорогой товарищ Ленин! Я пишу из города Красноярска. Я ученица Красноярской губернской женской гимназии в III-ем нормальном классе. Вы большевик и я тоже большевичка. Пожалуйста, я Вас прошу написать нашей гимназии предписание, чтобы у нас не был обязательный закон божий, так как наша гимназия буржуазная и она потому не изволила с самого начала сделать закон божий не обязательным.

Я очень и очень Вас прошу написать мне хоть маленькое отдельное письмо. Мой адрес такой: г. Красноярск, Благовещенская ул., № 68, кв. большевика Замощина, получить большевичке Жене Замощиной. А короткий адрес: Гимназия, Ж. Замощиной в III нормкласс. Остаюсь в ожидании Вашего письма. Женя Замощина» [1].

Конечно, этот замечательный документ не отображает в полном объёме назревшей общественной потребности в декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви. Но, как и всякий подобный документ частного порядка, он ярко освещает один из вопросов этой сложной проблемы. Стоит только мысленно представить обстановку декабря 1917 г., далёкий сибирский город, сложную политическую обстановку в стране, чтобы увидеть за этим наивным письмом девочки-подростка то новое, что настойчиво требовало права на жизнь. Не мелкими интересами жила Женя Замощина. Её волновали серьёзные политические события жизни. Сама того не зная, она выразила настроение лучшей, передовой части молодёжи России. Во всём этом мы можем видеть большевистское влияние родителей Жени, влияние революционной среды. И советское правительство, сильное связью с массами, сильное умением понимать их запросы и желанием удовлетворять эти запросы, ответило ленинским декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви. Авторы-поисковики из «Уральского следопыта» далее обнаружили: «В те годы Женя училась в гимназии, где закон божий считался одним из главных предметов. Девочку обязывали петь в гимназической церкви. Тогда-то она и решила написать письмо Ленину. Вскоре по поручению Владимира Ильича ей ответили, что с победой Октябрьской революции в учебных заведениях устанавливаются новые порядки: церковь отделяется от государства. Преподавание закона божьего в школах не допускается. К письму был приложен декрет Совнаркома от 2 февраля 1918 года „О свободе совести, церковных и религиозных обществах“» [1].

И действительно, 4 февраля 1918 г. Наркомпросом было опубликовано постановление об упразднении должностей законоучителей всех вероисповеданий. 5 февраля Государственной комиссией по просвещению было принято постановление «О светской школе». Всеми этими мероприятиями было закреплено величайшее демократическое завоевание советского строя – перевод школы на светские рельсы, отделение школы от церкви. Этому делу Ленин придавал

первостепенное значение в революционизировании просвещения, в образовании народа, во всей культурной жизни в стране.

Следуя программным требованиям демократизации школы и превращения её в орудие коммунистического переустройства жизни общества, большевики выступили с развёрнутым планом строительства новой школы. Теперь, когда государственная власть находилась в руках пролетариата, создано важнейшее, решающее условие революционного переустройства школы и всего дела образования и обучения в стране.

«В виду этого, – говорилось в постановлении, – на основании декрета Совета Народных Комиссаров от 21 января 1918 г., преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, состоящих в ведении Народного Комиссариата по просвещению, и исполнение каких либо религиозных обрядов в стенах школы – не допускается» [2, с. 2].

В. И. Ленин учил руководителей Наркомпроса вдумчивому, серьёзному подходу к строительству школы, предостерегал от поспешных, непродуманных шагов. Для революционной перестройки народного образования требовалось гибкое, творческое сочетание революционного размаха, беспощадного подавления контрреволюционных вылазок буржуазной интеллигенции с вдумчивым подходом к прогрессивным завоеваниям культуры; необходимо было бережное сохранение всего ценного и полезного для нового строя и критическое отсеечение рутинного, закостелого, тянувшего к старому, отжившему.

Организационной базой советской реформы школы явилось сосредоточение в руках государства всего управления школьным делом. В первые же месяцы Советской власти развёртывается процесс передачи в систему Наркомпроса учебных заведений, находившихся в многочисленных ведомствах, а также частных учебных заведений. Первоначально этот процесс нашёл своё отражение в постановлении «О передаче всех учебных заведений в ведение Народного комиссариата по просвещению». В дальнейшем это мероприятие было закреплено декретом Совнаркома, опубликованным за подписью В. И. Ленина в правительственной газете «Известия» 5 июня 1918 г. Необходимость централизации руководства школами обосновывалась в ленинском декрете интересами «преобразования учебно-воспитательного дела,

объединения и обновления его на новых началах новой педагогики и социализма».

Сосредоточение управления большинством учебных заведений в одном государственном центре – Народном комиссариате просвещения – было благотворным и крайне необходимым делом. Однако нельзя не признать в деятельности Наркомпроса и других государственных органов случаев упрощённого понимания директивы советского правительства о централизации руководства учебными заведениями и одностороннего, ведомственного толкования её.

Именно таким односторонним увлечением централизацией руководства учебными заведениями и полным непониманием условий жизни Советского государства явилось решение главного комиссара военно-учебных заведений республики о преобразовании военных академий, в том числе и бывшей академии Генерального штаба, в гражданские учебные заведения с допущением некоторого оттенка военного преподавания. 11 марта 1918 г. В. И. Ленин получил доклад Высшего Военного Совета республики, опротестовавшего этот шаг комиссара военно-учебных заведений. Пренебрегая задачами обороны, забывая насущные нужды создаваемой Красной Армии, комиссар задумал провести вредную для Советского государства реформу.

В. И. Ленин, как только ознакомился с докладом Высшего Военного Совета, немедленно направил главному комиссару всех военных учебных заведений следующее предписание: «В виду того, что ликвидация Военной Академии или же преобразование ее в высшее учебное заведение гражданского типа совершенно не соответствует ни видам правительства, ни потребностям времени, Вам предлагается немедленно же задержать Ваше распоряжение от 9-го сего марта за № 2735 на имя начальника Николаевской военной академии и предварительно представить в Совнарком Ваш проект реорганизации Николаевской военной академии» [3, с. 19]. Виде советского правительства, о которых говорит В. И. Ленин в этом предписании, были связаны с перспективой создания «репкой современной армии, способной отстоять самостоятельность и независимость молодого социалистического государства. Потребности времени диктовали необходимость подготовки и укрепления народившейся в боях с немецкими захватчиками Красной Армии. „Левацкая“ затея главного комиссара военно-учебных заведений была пресечена.

В делопроизводстве Совнаркома сохранился протокол междуведомственного совещания 14 мая 1918 г. по передаче учебных заведений всех ведомств в систему Наркомпроса. Из доклада представителя Наркомпроса на этом совещании видно, что руководители наркомата задались максималистскими целями. Докладчик сообщал, что „в ведении Комиссариата Народного Просвещения находится 95,8 % всех учебных заведений общеобразовательного характера; специальных же учебных заведений, главным образом средних, находится в ведении Народного комиссариата просвещения 21 %“» [4]. Руководители Наркомпроса не останавливались на этом. Они шли дальше, вопреки возражениям ведомств, требовали полной передачи всех учебных заведений в Комиссариат просвещения. Из протокола заседания Государственной комиссии по просвещению видно, что представители Комиссариатов торговли и промышленности и путей сообщения выступали резко против передачи всех учебных заведений Наркомпросу.

Правительство предостерегало Наркомпрос от максималистского, по существу узковедомственного подхода к переводу всех учебных заведений под начало Наркомпроса. При первоначальном обсуждении в Совнаркоме проекта декрета, представленного Наркомпросом, была внесена примечательная поправка в пункт первый, где определялся круг учебных заведений, переходящих в ведение Наркомпроса. В. И. Ленин внёс уточнение, что специальные учебные заведения для взрослых, если эти учебные заведения преследуют исключительно технические цели, не подлежат передаче Наркомпросу. Этот декрет был подписан В. И. Лениным.

Аппарат Наркомпроса не всегда поспевал своевременно заняться переходящими в его ведение учебными заведениями: произвести в них необходимую перестройку или закрыть те, которые не отвечали задачам советского строя. Наблюдался известный разрыв в темпах между процессом централизации управления всеми видами школ и учебных заведений и процессом их «освоения». Этот разрыв наиболее ярко обнаружился в факте недопустимого запоздания с ликвидацией Александровского лицея в Петрограде, проект декрета о закрытии которого был внесён А. В. Луначарским в Малый Совнарком лишь 29 мая 1918 г.

Что мы сейчас знаем о Малом Совнаркоме? Ничего, кроме, пожалуй, слов О. Бендера Воробьянинову на предмет объяснения с Грица-

цую: «Внезапный отъезд по вызову из центра. Небольшой доклад в Малом Совнаркоме. Прощальная сцена и цыпленок на дорогу». Известно также, что цензура вымарала следующую главу – «Речь Остапа Бендера в малом Совнаркоме». Эта глава о том, как в городе N задумали построить Царство Небесное на Земле, не имеет отношения к реформе школы и ошибках с закрытием старых учебных заведений и открытием новых.

Но ошибки подобного рода были редким исключением. В целом сосредоточение учебных заведений всех ведомств страны в системе Наркомпроса сыграло положительную роль в переустройстве школы, в разработке принципов советской школьной системы и педагогики.

Перестройка школы, школьная реформа, проводимая Советской властью, предусматривала преодоление, отбрасывание прочь старых, косных методов и устоев дореволюционной школы. Здесь в первую голову было отброшено, отменено всё то, что являлось выражением казённо-бюрократической муштры, зубрёжки и неравенства среди учащихся. Так, 23 декабря 1917 г. специальным декретом Наркомпроса было введено новое правописание, необходимость которого выдвигалась передовой частью педагогов-практиков и учёных ещё в царской России. Этим декретом разрешался назревший вопрос просвещения, ликвидировались излишние трудности в овладении русской грамматикой и правописанием.

Мероприятия, ликвидировавшие пережитки старой школы, рассчитали почву, подготовляли условия для строительства новой школы и сами по себе явились первыми мероприятиями в области этого строительства, сыгравшими большую роль в истории советской школы. Однако и здесь не обошлось без увлечений, ошибок, непродуманных шагов. Таким ошибочным мероприятием Наркомпроса следует считать его постановление «Об отмене отметок» (31/18 мая 1918 г.): «Постановление Народного Комиссариата Просвещения. Об отмене отметок. § 1. Применение балльной системы для оценки познаний и поведения учащихся отменяется во всех без исключения случаях школьной практики. § 2. Перевод из класса в класс и выдача свидетельств производится на основании успехов учащихся по отзывам педагогического совета об исполнении учебной работы» [5].

Это была ошибка «левацкого» толка, ведущая к ликвидаторским взглядам на школу. И здесь невольно вспоминается первый разговор

В. И. Ленина с А. В. Луначарским, указание главы советского правительства на необходимость вдумчивого, серьёзного подхода к делу просвещения, к реформе народного образования.

Наиболее полное представление о позитивной программе Советской власти в области народного просвещения дают следующие три документа исследуемого периода: упомянутое нами выше обращение к гражданам России «О народном просвещении», опубликованное через три дня после Октябрьского восстания; постановление Правительственного комиссара по просвещению «О реформе средней школы», принятое через месяц после установления Советской власти [6, с. 1]; декрет «Об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике (Положение)», принятый Совнаркомом 18 июня и опубликованный за подписью В. И. Ленина 26 июня 1918 г. [7, с. 4].

Обращение «О народном просвещении» объявляло первой целью просветительной деятельности при советском строе борьбу с неграмотностью и темнотой трудящихся, как с наследием старого эксплуататорского строя. Добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности населения и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения – вот задача, которую ставила себе Советская власть. Обращение отмечало, что выполнение этой задачи невысказанно без создания широкой сети школ и без подготовки кадров педагогов, потребных для всеобщего обучения населения громадной страны. Советская власть как истинно демократическая власть не остановится в деле просвещения народа на простой грамотности и первоначальном обучении. Она организует светскую школу единой системы, которая предоставит подрастающему поколению возможность постепенно подойти по ступеням этой школы к высшему образованию.

Одновременно с развитием школьного строительства, говорилось в обращении, будет широко развёрнуто обучение взрослых, как и культурно-просветительная деятельность всех видов. Просвещение народа может быть плодотворным, если оно будет опираться на опыт общественного строительства масс, имеющий решающее культурно-просветительное и воспитательное значение для народа.

Обращение подчёркивало, что Советская власть намеревается осуществить эти высокие и благородные задачи при помощи педагогов страны, которые не должны рассматривать школу как автономию

учительства, а должны стремиться сотрудничать с советской общественностью. В обращении указывалось, что правительство будет принимать меры к улучшению материального уровня жизни учителя. В этом документе нашла своё выражение ленинская идея демократизации культуры, предоставления просвещения народным массам.

Постановление Правительственного комиссара по просвещению «О реформе средней школы» устанавливало демократический порядок в жизни самих школ. Поскольку в советской школе оставались кадры руководителей старых школ и гимназий, то для того, чтобы обеспечить проведение советской линии просвещения, решение всех жизненно важных вопросов школы было передано педагогическим советам, в которые кроме педагогического персонала входили представители от родителей, учащихся старших классов и местных Советов. Кроме того, постановление вменяло в обязанность широко известить учащихся старших классов, достигших 18-летнего возраста, об их праве пользоваться всей полнотой гражданских и политических прав, а тем самым и правом участия в предстоящих выборах в муниципальные и государственные учреждения.

Семимесячный опыт школьного строительства и организации советского просвещения был обобщён и законодательно закреплён в утверждённом Совнаркомом декрете (Положении) «Об организации дела народного образования в Российской Республике». Это Положение определило порядок управления учебными заведениями в стране. Общее руководство народным образованием возлагалось на Государственную комиссию по просвещению. Для управления Наркомпросом создавалась Коллегия под руководством народного комиссара. Было предусмотрено создание губернских, уездных и волостных отделов народного образования при местных Советах. Общественность привлекалась к участию в школьном строительстве через Советы по народному образованию, создаваемые при отделах народного образования. В эти Советы входили представители организаций, педагоги, учащиеся.

При утверждении декрета (Положения) на заседании Совнаркома 18 июня было обращено особое внимание на регулярную работу Советов народного образования; это было вернейшее средство создания советской школы под всенародным контролем и с помощью

трудящихся. В связи с этим Совнарком поручал Наркомпросу «немедленно дать в печать ряд статей фактического характера, излагающих, как возникали Советы народного образования и как они функционировали, и прибавить такого же рода материал к брошюре об организации народного образования, которая имеет быть издана» [8].

Введем выборку основных статей без перечисления их номеров, но по смысловому значению, поскольку в первом разделе мы встречаем архиважные практические шаги новой власти: «Единая Школа разделяется на 2 ступени: 1я для детей от 8ми до 13ти лет (5летний курс) и 2я –от 13ти до 17ти лет (4летний курс). *Примечание 1-е.* К Единой Школе присоединяется детский сад для детей от 6ти до 8летнего возраста. Обучение в школе 1й и 2й ступеней бесплатное. Посещение школы 1й и 2й ступеней обязательно для всех детей школьного возраста. В школе 1й и 2й ступеней вводится совместное обучение. Преподавание в стенах школы какого бы то ни было вероучения и исполнение в школе обрядов культа не допускается. Разделение преподавателей на категории уничтожается. Все школьные работники получают вознаграждение по ставкам 1й категории декрета Совета Народных Комиссаров „О нормах оплаты учительского труда“. Оплата учительского труда производится не поурочно, а помесечно. Все школьные работники, т.-е. преподаватели, школьные врачи и инструктора физического труда избираются в соответствии с постановлением о выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей от 27 февраля 1918 г. и инструкциями Народного Комиссариата Просвещения. Число учащихся на одного школьного работника не должно превышать 25ти; таким образом, общее количество школьных работников в каждом учебном заведении следует определять, исходя из этой нормы» [8].

Второй раздел Декрета (положения) состоит из теоретических постулатов: «Основой школьной жизни должен служить производительный труд, не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только, как метод преподавания, но, именно как производительный общественно-необходимый труд. Он должен быть тесно, органически связан с обучением, освещающие светом знания всю окружающую жизнь. Постоянно усложняясь и выходя за пределы непосредственной обстановки детской жизни, производительный

труд должен знакомить детей с самыми разнообразными формами производства, вплоть до самых высших.

Примечание 1-е. Трудовое начало станет мощным педагогическим средством в том случае, если труд в школе будет творчески радостным свободным от приемов насилия над личностью учащегося и при всем этом планомерно и социально организованным. В этом последнем смысле школа является школьной коммуной, тесно и органически связанной по своим трудовым процессам с окружающей жизнью.

Примечание 2-е. Старая форма дисциплины, сковывавшая всю жизнь школы и свободное развитие личности ребенка, не может иметь места в школе труда. Но сами трудовые процессы будут воспитывать в детях ту внутреннюю дисциплину, без которой немислим рационально поставленный коллективный труд. Дети принимают живое участие во всех трудовых процессах школьной жизни, в числе которых организационные моменты, вытекающие из принципа разделения труда, должны сыграть весьма существенную воспитательную роль. При этом учащиеся научатся оценивать способы планомерного расходования трудовой человеческой энергии и воспитают в себе чувство ответственности, как за ту часть, работы, которая выпадает на долю каждого из них в данном рабочем коллективе, так и за успех всей работы в целом. Короче говоря, коллективный производительный труд и организация всей школьной жизни должны воспитывать будущих граждан Социалистической Республики» [8]. Можно сделать вывод, что обучение в трудовой школе носит общеобразовательный политехнический характер на обеих ступенях, причем физическому и эстетическому образованию отводится видное место.

Третий раздел «порядок и условия школьной работы» вызывает также интерес наших современников. Через 100 с лишним лет все это звучит необыкновенно свежо: «Школьные занятия в течение года распадаются на 3 категории: 1) обычные школьные занятия, примерно с 1го сентября по 1е июня; 2) школьные занятия под открытым небом, примерно с 1го июня по 1е июля: площадки, летние колонии, экскурсии для знакомства детей с природой и жизнью; 3) полные вакации, примерно с 1го июля по 1е сентября, с 23го декабря по 7е января и с 1го по 14е апреля. В школе празднуются установленные Рабоче-Крестьянским Правительством гражданские праздники» [8]. Есть и неожиданное для нас решение: «Школы открыты для учащихся в течение

7ми дней. Два дня в неделю, но не подряд, выделяются из общего, числа учебных дней, при этом один день является совершенно свободным от обычных занятий и должен быть попользован для чтения, экскурсий, спектаклей и других самостоятельных детских занятий, для чего привлекаются новые педагогические силы. Другой день является полурабочим днем с обычным педагогическим персоналом и используется для клубных и лабораторных занятий, рефератов, экскурсий, ученических собраний» [8].

Четвертый раздел «Основные принципы самоуправления Единой Трудовой Школы» свидетельствует об отсутствии всякого бюрократизма в управлении: «Ответственным органом школьного самоуправления является Школьный Совет, состоящий: а) из всех школьных работников, б) из представителей трудового населения данного школьного района в количестве числа школьных работников, в) в таком же соотношении от учащихся старших возрастных групп, с 12летнего возраста и г) одного представителя от Отдела Народного Образования». Раздел завершается положением: «Внутренняя жизнь школьной коммуны должна строиться на началах полной свободы объединения всех членов коллектива в группы и кружки, преследующие образовательные и воспитательные цели, – например, союзы преподавателей, союзы молодежи и т. д.» [8].

Пятый раздел «Меры к проведению плана преобразования школ в жизнь» выдвигает шаги по реализации плана: «Для проведения указанного плана в жизнь предлагается 3классные и 4классные начальные училища превратить в 5летние школы 1й ступени, для чего, с начала учебного года ко всем начальным училищам добавить дополнительный год обучения. В дополнительную старшую возрастную группу привлекаются дети, окончившие в текущем году начальные училища. Так называемые 2классные училища с 5летним курсом в полном составе относятся к школам 1й ступени.

Все средние учебные заведения, а также школы, приближающиеся к ним по типу, правительственные, общественные и частные, разделяются применительно к следующему плану разделения мужских гимназий: первые три нормальные класса с приговорительными превращаются в самостоятельные школы 1й ступени и перестраиваются на общих для указанной ступени основаниях. В текущем году к ним прибавляется первый год обучения, а если встретится надобность,

то и 2й (до 5летнего состава). 4, 5, 6 и 7й классы образуют школы 2й ступени; 8й класс упраздняется.

Высшие начальные училища и приближающиеся к ним по типу, – напр., торговые школы, – преобразуются в школы 2й ступени, для чего от них отсекается 1й год обучения и добавляется старшая возрастная группа для окончивших учебные заведения в текущем году» [8].

Этот план преобразования бывших начальных и средних учебных заведений является примерным и может быть видоизменяем соответственными Отделами Народного Образования. Как стал видоизменяем и весь ленинский план строительства социализма как нового небывалого прежде в истории общества. Сегодня одни ставят вопрос о мобилизационной экономике, другие политические силы говорят о военном социализме, третьи настаивают на новом социализме как на новом едином образе будущего. Но прежде, чем предлагать новое, следует изучить прежние успешные шаги преобразования старого феодально-капиталистического общества в общество социалистическое.

Первым шагом был «военный коммунизм». Российский экономист А. И. Колганов в главе «Что начал Октябрь 1917 го года?» называет его «первой попыткой»: «Рост хозяйственного напряжения в условиях гражданской войны привел к формированию экономической политики, получившей наименование „военного коммунизма“. Этот термин был предложен А. А. Богдановым (Малиновским) на основе изучения исторического опыта регулирования экономики рядом буржуазных государств (прежде всего, кайзеровской Германии) во время Первой мировой войны в вышедшей в феврале 1918 года в Петрограде брошюре „Вопросы социализма“. „Военный коммунизм“ Богданов рассматривал, в отличие от позднейших взглядов „левых коммунистов“, как милитаризованную модель государственного капитализма, а не как путь к социалистической организации хозяйства...» [9, с. 23–24].

В. И. Ленин задолго до революции разобрался с философской проблематикой махизма. Сегодня следует обратиться к тому как В. И. Ленин решил все вопросы теории. Сегодня это важно во всех отношениях, а особенно с учетом юбилея А. А. Богданова. В. Винников пишет, что в августе 2023 г. исполнилось 150 лет: «Исполнилось 150 лет со дня рождения Александра Александровича Малиновского (10 (22) августа 1873–7 апреля 1928), больше известного под псевдонимом Богданов и прежде всего – по работе Владимира Ильича Ульянова (Ленина)

„Материализм и эмпириокритицизм. Об одной реакционной философии“ (1908), где будущий вождь мирового пролетариата и Великой Октябрьской социалистической революции „разнёс“ всех богостроителей, богоискателей, эмпириомонистов и прочих философских реакционеров начала XX века, уделив большое внимание как раз своим товарищам по РСДРП(б), Богданову особенно.

Этот ленинский труд, признаюсь, по непонятному внутреннему интересу проштудировал ещё в своём 9-м классе, то есть в 1979 году, 15 лет от роду, и ещё тогда, при первом чтении, долго не мог отделаться от ощущения, что Владимир Ильич „ходит кругами“ вокруг основного вопроса философии в поисках оснований материалистического, диалектического и, главное, правильного классово-революционного ответа на него – но что-то у него внутри не складывается, пока он не решается признать любое движение, движение мысли в том числе, неотъемлемым свойством понятия материи, во всех её вещественных, энергетических и прочих проявлениях. Иными словами, Ленин загнал третируемого им „боженьку“ внутрь возводимой им на престол всебытия материи – и, как говорится, всё заверте... До создания классической квантовой механики было ещё полтора десятка лет, до открытия принципа неопределённости и „эффекта наблюдателя“ – ещё чуть дольше, а с 1917 года Владимиру Ильичу было уже совсем не до загадок мироздания, но этот пример, как представляется, наглядно свидетельствует об активно отрицаемом сейчас „коренном русскоглазии“ ленинской мысли: „годится – молиться, не годится – горшки покрывать“ (учения Маркса – Энгельса это касается в наибольшей мере и прежде всего)» [10].

Статья к юбилею называется «В ленинской тени», то есть утверждает, что А. А. Богданов не выходил никогда из ленинской тени: «Биография, по сути, феерическая, но до сих пор в должной мере не отражённая ни при советской власти в серии „Пламенные революционеры“, ни при постсоветской власти во вроде бы полностью „всеядном“ формате ЖЗЛ. Из памяти – только имя, присвоенное основанному им в 1926 году (по распоряжению Сталина) Институту переливания крови, ныне – НИИ переливания крови Национального медицинского исследовательского центра гематологии Минздрава РФ. Ощущается в фигуре Малиновского – Богданова какая-то незавершённая, недосказанность, даже таинственность, которая остаётся таковой даже

в его полуторавековой юбилей» [10]. Мы не согласимся с автором, поскольку в перестройку, то есть на недавней памяти автора этой книги, труды А. А. Богданова активно публиковали и обсуждали. Был издан двухтомник «Тектологии» и в 1990 г. был издан солидный том «Вопросы социализма: работы разных лет» в серии «Библиотека социалистической мысли» [11]. Эта книга начинается вступительной статьей советских философов Г. Д. Гловели, Н. К. Фигуровской «Трагедия коллективиста». Входить в изучение особенностей индивидуального жизненного пути автора не входит в наши намерения.

Список использованной литературы

1. Кацер Ж., Яковлев В. «Прошу написать...» // Уральский следопыт. Выпуск 01. 1969 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uralstalker.com/uarch/us/1969/01/10/>
2. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». «Газета» № 29, 21 февраля 1918 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325>
3. Ленин В. И. Военная переписка 1917–1920, М.: Госполитиздат, 1943. – 220 с.
4. Декрет Совета Народных Комиссаров. О передаче в ведение Народного Комиссариата Просвещения учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/30013>
5. Постановление Народного Комиссариата Просвещения. Об отмене отметок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/30005>
6. «Газета» № 21, 30 ноября (13 декабря) 1917 г.
7. «Известия» № 130, 26 (13) июня 1918 г.
8. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/31601>
9. Колганов А. И. Путь к социализму: пройденный и непройденный. От Октябрьской революции к тупику «перестройки». Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2018. – 400 с. (Размышляя о марксизме. № 151; Библиотека журнала «Альтернативы». № 61)
10. Винников В. В ленинской тени. К 150-летию Александра Малиновского (Богданова) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/v_leninskoj_teni
11. Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. – 479 с.

1.6. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ: ДВА ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ И ОБРАЗОВАНИЮ

Государственный комитет по народному образованию был организован при Временном правительстве, преобладание меньшевиков и эсеров в нем предопределило его политику. Подготавливавшиеся Комитетом реформы носили декларативный характер и не были осуществлены. Обращение Советского правительства «О народном образовании» объявляло о намерении Государственной комиссии по просвещению сотрудничать с Комитетом, но руководство Комитета отвергло это предложение. Народный комиссар просвещения в Воззвании подчеркнул, что решения не могут приниматься корпорацией специалистов, а потому он показал разницу между обучением и образованием: передачей готовых знаний учителем ученику и творческим процессом. Ленинская идея слома государственной машины нашла своё выражение в ликвидации аппарата министерства просвещения, упразднении учебных округов и попечительских советов. С удовлетворением был встречен учительством и учащимися декрет Совнаркома «О введении нового правописания», публикации «Положения о единой трудовой школе РСФСР» и «Декларации о единой трудовой школе». В истории столкнулись два подхода к образованию и обучению как продукты двух миров – уходящего капиталистического и рождающегося социалистического. Социалистические результаты видны в истории СССР, но первоначально были декларированы в 1918 г. на трех съездах просветителей.

Государственный комитет по народному образованию был организован по инициативе Всероссийского учительского союза при Министерстве народного образования Российской Республики вскоре после свержения монархии, Февральской революции 1917 г. Численное преобладание в нём меньшевиков и эсеров предопределило его соглашательское поведение, по существу, оправдывавшее антинародную политику Временного правительства. Подготавливавшиеся Комитетом реформы в области народного образования носили декларативный характер и не были осуществлены.

Обращение «О народном образовании» объявляло об искреннем намерении Государственной комиссии по просвещению новой Советской власти планомерно сотрудничать с этим Комитетом, при условии полной демократизации его состава и перестройки на принципах

советского просвещения. Декрет «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» вновь подтвердил это намерение, скрепленное подписью главы советского правительства. Для честных интеллигентов, искренне стремившихся отдать свои знания и способности на пользу народу, открывалась перспектива благодарной и большой работы на поприще народного образования.

А. В. Луначарский сообщал в Воззвании «От народного комиссара по просвещению» следующую связь событий и образования: «Восстанием 25 октября трудящиеся массы впервые достигли подлинной власти. Всероссийский Съезд Советов временно передал эту власть Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров. Волею революционного народа я назначен народным комиссаром по просвещению. Дело общего руководства народным просвещением, поскольку таковое остается за центральной государственной властью, поручается впредь до Учредительного Собрания государственной комиссии по народному просвещению, председателем и исполнителем которой является народный комиссар» [1]. На сайте «Наследие А. В. Луначарского. Философия, политика, искусство, просвещение» сообщается – это Воззвание на сайте публикуется по тексту, приведенному в книге: Джон Рид, Десять дней, которые потрясли мир, М., Госполитиздат, 1957, с. 299–302.

Автор статьи посмотрел обширные приложения Д. Рида к своей книге. Говорят, что он вывез целый сундук листовок и плакатов из революционной России, который был на семь месяцев задержан американской пограничной стражей для исследования. Насколько известно, американский коммунист Д. Рид был больше писателем, чем революционером, и он видел историю в самые великие ее моменты: он собирал листовки воззвания с и круглых афишных тумб, стоявших в те времена на перекрестках улиц – он отрезал заклеенный бумагами пласт и размачивал его в ванне, затем сушил листовки, переписывал их и в итоге получалось погружение в историю прошедших событий. Большинство этих бесценных для историка документов он также снимал со стен домов.

Как рассказывает Т. К. Гладков в книге серии ЖЗЛ о Д. Риде – однажды Д. Рид едва приволок домой целую бумажную плиту из шестнадцати плакатов самых противоположных партий, наклеенных один на другой [2]. Как сообщает А. Р. Вильямс в опубликованной

приложением к книге Д. Рида «Биографии Джона Рида», «Как раз в момент вступления Америки в войну случилось так, что Рид подвергся операции, в результате которой лишился одной из почек. Врачи объявили его негодным для военной службы. „Потеря почки может освободить меня от службы войне между двумя народами, – объявил он, – но она не освобождает меня от службы войне между классами“» [3, с. 348]. Блестящее различие империалистической войны между народами и гражданской войны между классами. Получается, что Д. Рид самостоятельно пришел к ленинскому требованию превращения войны империалистической в войну гражданскую, когда штыки вооруженные трудящиеся поворачивают внутрь страны против внутреннего врага.

Заразившись тифом на Кавказе, он умер в Москве и, как свидетельствует американский коммунист-современник А. Р. Вильямс, «Джон Рид лежит в единственном во всем мире месте, где ему хотелось лежать, – на площади у Кремлевской стены. Здесь над его могилой был воздвигнут памятник, отвечающий его характеру, в виде необтесанной гранитной глыбы, на которой высечены слова: „Джон Рид, делегат III интернационала, 1920“» [3, с. 351].

«Государственная комиссия приветствует педагогов на арене светлого и почетного труда – хозяина страны», – говорилось в наклеенном на тумбах воззвании Народного комиссара просвещения. – «Ни одна мера в области народного просвещения не должна приниматься какой бы то ни было властью без внимательного взвешивания голоса представителей педагогического мира. С другой стороны, решения отнюдь не могут приниматься исключительно корпорацией специалистов. Это относится также к реформам учреждений общего образования.

Сотрудничество педагогов и сил общественных – вот что будет преследоваться комиссией и при составлении ее, и в Государственном комитете, и во всей ее деятельности. Первейшей задачей своей комиссия считает улучшение положения учителей, и прежде всего самых обездоленных, едва ли не самых важных работников культурного дела – народных учителей начальных школ. Их справедливые требования должны быть удовлетворены немедленно и во что бы то ни стало. Пролетариат школ тщетно требует повышения заработка до 100 руб. в месяц. Было бы позором держать дольше в нищете учителей огромного большинства российских детей» [4, с. 300].

Относясь с таким вниманием к мнению педагогов, народный комиссар, однако, тут же твёрдо отвёл претензии некоторых кругов учительства на их исключительное право заведывания народным образованием. Такие тенденции некоторой части учительства являлись глубоко ошибочными в политическом отношении: прикрываясь якобы принципами демократизма, автономии школы и т. п., они представляли собой по существу мелкобуржуазную, анархо-синдикалистскую точку зрения. Воззвание поэтому подчёркивало, что решения отнюдь не могут приниматься исключительно корпорацией специалистов [5, с. 15].

Народный комиссар отдельным разделом Воззвания различает обучение и образование: «Следует подчеркнуть разницу между обучением и образованием. Обучение есть передача готовых знаний учителем ученику. Образование есть творческий процесс. Всю жизнь „образуется“ личность человека, ширится, обогащается, усиливается и совершенствуется. Трудовые народные массы – рабочие, солдаты, крестьяне – жаждут обучения грамоте и всяким наукам. Но они жаждут также и образования. Его не может дать им ни государство, ни интеллигенция, ни какая бы то ни была сила вне их самих. Школа, книга, театр, музей и т. д. могут быть здесь лишь помощниками. Народные массы будут сами вырабатывать свою культуру сознательно или бессознательно. У них имеются свои идеи, созданные их общественным положением, столь отличным от положения творивших до сих пор культуру господствующих классов и интеллигенции, свои идеи, свои чувства, свои подходы ко всем задачам личности и общества. Городской рабочий по-своему, сельский труженик по-своему будут строить свое светлое, проникнутое классовой трудовой мыслью мирозерцание. Нет явления более величественного и прекрасного, чем то, свидетелями которого и участниками будут ближайшие поколения, – построение трудовыми коллективами своей общей богатой и свободной души.

Обучение явится тут важным, но не решающим моментом. Здесь важнее критика и творчество самих масс, ибо наука и искусство лишь в некоторых своих частях имеют общечеловеческое значение: они претерпевают существенные изменения при каждом глубоком классовом перевороте. Повсюду в России, среди городских рабочих в особенности, а также и среди крестьян, поднялась кипучая волна

культурно-просветительного движения, множатся без числа рабочие и солдатские организации этого рода: идти им навстречу, всемерно поддерживать их, расчищать путь перед ними – первейшая задача революционного и народного правительства в области народного просвещения» [1].

В Воззвании утверждается, что «Целый ряд ценных законопроектов был разработан с начала революции Государственным комитетом по народному просвещению, довольно демократическим по своему составу и богатым опытными специалистами. Государственная комиссия искренно желает планомерного сотрудничества с этим Комитетом».

Но верховоды Комитета враждебно встретили обращение советского правительства, отвергли его предложение о честном сотрудничестве. 9 ноября был утверждён декрет о Государственной комиссии, а 10 ноября Бюро Комитета вынесло решение о приостановке своей деятельности в целях принятия мер «к получению руководящих указаний от Комитета». Неделя была использована проживавшими в Петрограде членами Комитета для антисоветских махинаций, сговора с контрреволюционными организациями, выяснения размера и характера саботажа служащих и интеллигенции. 19 ноября было созвано экстренное собрание проживавших в Петрограде членов Комитета, успевших сговориться об активном саботаже советских правительственных мероприятий. Собрание вынесло резолюцию, полную клеветы на большевиков. Это антисоветское решение было опубликовано в меньшевистско-эсеровской прессе.

Авторами руководила корысть саботажников, смотревших на развернувшиеся грандиозные события глазами буржуазии. Вполне естественным поэтому было их решение, призывающее Комитет не только не принимать практического участия в деятельности органов советского просвещения, но и отказаться от всякого сношения с органами Советской власти.

Становилось очевидным, что Комитет пытается организовать как центр саботажников в области просвещения. В ответ на это решение контрреволюционной верхушки Государственного комитета по просвещению 20 ноября В. И. Ленин подписал декрет о роспуске Комитета не только за неспособность по своему составу и политическим настроениям членов отвечать требованиям времени, но и за попытки выступить против Советской власти.

Учитывая бедственное материальное положение учительства, особенно в селах, Декретом Совнаркома от 26 июня 1918 г. с 1 марта этого года была установлена для учителей начальных школ месячная ставка в 300–500 рублей (в зависимости от района), а для учителей средних школ – в 400–600 рублей [6, с. 16]. Отметим, что пролетарии в тот момент требовали увеличения заработной платы хотя бы до 100 рублей.

Одновременно в январе 1918 г. была проведена реорганизация заведывания школьным делом на местах. Были упразднены учебные округа, во главе которых стояли царские сановники – попечители учебных округов, бюрократически управлявшие всеми учебными заведениями ведомства министерства народного просвещения (начиная с начальных школ и кончая университетами) на обширных территориях каждого учебного округа, включавшего в себя по нескольку губерний. 20 января 1918 г. было издано постановление об упразднении должностей директоров и инспекторов народных училищ, осуществлявших главным образом политический надзор над народной школой в духе царизма. Всё управление начальными и средними школами на местах было передано Советам рабочих и крестьянских депутатов. 26 июня 1918 г. издан декрет Совнаркома «Об организации дела народного образования», согласно которому общее руководство народным образованием в республике принадлежало Государственной комиссии по просвещению, а на местах организовывались губернские, уездные и волостные отделы народного образования при соответствующих Советах рабочих и крестьянских депутатов.

«С целью привлечения к организации народного образования широких масс трудящихся были организованы советы по народному образованию как контрольно-совещательный орган при каждом отделе народного образования (л. 11 декрета от 26 июня 1918 г.), состоящие из представителей различных организаций трудящихся, из представителей учащихся и учащих и из сведущих лиц. Так как на местах директорами средних учебных заведений и заведующими школами нередко ещё оставались ставленники царского правительства, а учителями иногда были люди, враждебно относившиеся к пролетарской революции, Государственная комиссия по просвещению, осуществлявшая принцип демократизма, опираясь на трудящиеся массы, приступила к обновлению педагогического и административно-педагогического персонала» [5, с. 17].

Народный комиссариат по просвещению был одним из первых центральных государственных органов, развернувших работу, когда ещё не закончилась вооружённая борьба с сопротивлявшейся контрреволюцией на подступах к Петрограду и внутри столицы. Примечательно, что в Октябрьские дни, когда Смольный ещё был занят военным закреплением результатов вооружённого восстания, когда приходилось заниматься тысячами самых неотложных дел, В. И. Ленин выбрал время для беседы с наркомом просвещения А. В. Луначарским и высказал ему свой взгляд на принципы организационной работы и конкретные шаги вновь создаваемого наркомата. Как вспоминал А. В. Луначарский, основные указания Ленина в этой первой беседе сводились к мысли о необходимости серьёзного подхода к просвещенческим делам, о подчинении всей деятельности Наркомпроса интересам развития широких масс народа.

Анализируя деятельность Наркомпроса за исследуемый период, практику его работы и его законодательные мероприятия, можно сделать вывод, что поставленные В. И. Лениным задачи были в центре внимания руководства Наркомпроса и что эти задачи были в основном выполнены. Во всей своей полноте были выполнены ленинские указания о демократизации культуры, о подчинении всей деятельности Наркомпроса интересам просвещения широчайших слоев трудящихся. Деятельность Наркомпроса характеризовал государственный, серьёзный подход к вопросам просвещения. И если в первые месяцы Советской власти в практической деятельности Наркомпроса можно отметить ряд неправильных и ошибочных мероприятий, то это прежде всего нужно отнести к неопытности руководителей Наркомпроса в государственной работе такого громадного масштаба и к теоретической слабости в разработке проблем советской педагогики.

Проявляя заботу о быстром укомплектовании руководящего состава Наркомпроса, Совет Народных Комиссаров в первые же недели издаёт ряд декретов о назначении руководящих работников по народному образованию. 9 декабря 1917 г. В. И. Ленин подписал декрет о назначении первого секретаря Государственной комиссии по просвещению и помощника народного комиссара просвещения. 2 января 1918 г. В. И. Лениным было подписано постановление Совнаркома от 30 декабря 1917 г. о назначении правительственными комиссарами при Народном комиссариате по просвещению Н.К. Крупской,

П. И. Лебедева-Полянского, В. М. Познера, В. Р. Менжинской. Через два месяца после Октябрьского переворота Наркомпрос представлял собой вполне оформившийся новый, советский государственный центр по руководству просвещением. Была определена организационная структура наркомата в составе 17 отделов. Но ввиду того, что в обязанность Наркомпроса входило ведение дел по всем разделам культуры, его аппарат страдал некоторой громоздкостью. Наркомпрос руководил ликвидацией неграмотности и внешкольным образованием, школами и высшими учебными заведениями, дошкольным воспитанием и подготовкой педагогических кадров, научными учреждениями страны, искусством, государственным издательством.

В Наркомпросе были образованы следующие отделы: 1) по введению всеобщей грамотности, 2) автономных высших учебных заведений, 3) министерских учебных заведений впредь до их передачи муниципалитетам, 4) муниципальных учебных заведений, 5) дошкольного воспитания и помощи детям, 6) внешкольного образования и народных университетов, 7) помощи классовым самостоятельным организациям, 8) научный, 9) искусств, 10) экспериментальной педагогики и школьном медицины и гигиены, 11) финансов, 12) технических наук и образования, 13) подготовки преподавательского персонала, 14) школьного строительства, 15) литературно-издательский 16) статистики, 17) организационный [7].

Ленинская идея слома аппарата старой, буржуазной государственной машины нашла своё конкретное выражение в области просвещения кроме упомянутых выше мероприятий (ликвидация аппарата министерства просвещения, роспуск Государственного комитета по просвещению) в том, что были упразднены учебные округа, попечительские советы и ликвидирован старый чиновничий, враждебный народу аппарат просвещения на местах. Эти мероприятия были проведены на основании постановлений и распоряжений народного комиссара просвещения. Дело практического руководства школой передавалось в руки местных Советов, привлекавших к строительству новой, советской школы широкие слои трудящихся.

Рядом общегосударственных законов школа была переведена на светские рельсы. 11 декабря 1917 г. было принято специальное постановление, утверждённое и подписанное В. И. Лениным, об изъятии дела образования и воспитания из духовного ведомства и передаче

его в ведение Комиссариата народного просвещения. Это постановление обязывало Наркомпрос принять учебные заведения всех видов, находившиеся в церковном ведомстве. Оно создавало законодательную базу перестройки церковноприходских школ в школы светские, облегчало дело ликвидации учебных заведений, готовивших многочисленные кадры проповедников реакционной идеологии и бескультурья, передавало в распоряжение Наркомпроса огромные материальные богатства этих учебных заведений в виде зданий и их оборудования, библиотек, приусадебных хозяйств и принадлежавших этим заведениям капиталов. 14 января 1918 г. постановлением Народного комиссариата имуществ республики в ведение Наркомпроса были переданы учебные заведения упразднённого придворного духовенства. 20 января 1918 г. был утверждён Совнаркомом, а 23 января обнародован ленинский декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», положивший конец господству антинаучного мировоззрения в деле образования и воспитания молодёжи и выведший советскую школу на дорогу социалистического просвещения.

Обратим внимание на самый яркий результат прихода большевиков к власти – изменению орфографии, то есть того, что разделило печатную продукцию и культуру надвое: до революции и после революции. До сих пор мы делим все книги на новый и старый шрифт. Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский пишут в книге к 30-летию советской школы: «С большим удовлетворением был встречен учительством и учащимися декрет Совнаркома от 23 декабря 1917 года „О введении нового правописания“. Декрет устанавливал новое, действующее и в настоящее время правописание, которое было научно разработано Академией наук. Все попытки учёных и педагогов-практиков добиться введения нового правописания ещё в царской России и в период Февральской революции разбивались о косность царского и временного буржуазного правительств. Сложное, запутанное, крайне трудное старое правописание очень тормозило работу школы, особенно начальной, где до трёх четвертей времени, уделяемого на русский язык, тратилось на усвоение орфографии, в частности буквы „ять“, вследствие чего уделялось мало внимания выразительному чтению, знакомству детей с произведениями художественной литературы и т. д. Несмотря на затрату большого количества времени на усвоение сложной, устаревшей орфографии, знания и навыки

по правописанию у окончивших начальную земскую школу через 3–5 лет по окончании школы понижались, как показали специальные обследования 1911 г., на 86,7%. Учительские массы оценили этот декрет Советского правительства как проявление большой заботы советской власти по отношению к работе школы» [5, с. 18].

В результате длительной работы ряда комиссий 16 октября 1918 г. были опубликованы два документа большого исторического значения (хотя и не свободные от значительных ошибок): «Положение о единой трудовой школе РСФСР» и «Декларация о единой трудовой школе». Авторы отмечают: «Этими документами закреплялись уже проведённые в жизнь новые принципы строительства школы, определялись задачи, система и организация школы, устанавливались основы учебной и воспитательной работы советской школы. Особенное внимание декларация заостряла на демократизации школы и перестройке её „в духе школы подлинно народной“. С этой целью вводилась бесплатность школы на всех ступенях, указывалось на необходимость скорейшего введения обязательного всеобщего обучения. Школьная система предусматривала девятилетнее обучение: I ступень – 5 лет для детей от 8 до 13 лет и II ступень – 4 года для детей от 13 до 17 лет (ст. 2-я положения). Вводилось совместное обучение (ст. 5). Преподавание вероучений и исполнение в школах обрядов культа запрещалось (ст. 6). Положение и декларация провозглашали далее принцип соединения производительного труда с обучением и принцип политехнизации школы. Указывалось на необходимость изучения промышленного и сельскохозяйственного труда „в его современных машинных формах“. Декларация подчёркивала, что „цель трудовой школы отнюдь не дрессировка для того или другого ремесла, а политехническое образование, дающее детям на практике знакомство с методами всех важнейших форм труда“. Таким образом впервые делалась попытка осуществить на практике политехнизацию школы» [5, с. 22].

Таким образом, два разных подхода к образованию и обучению дали свои плоды как продукты двух миров – капиталистического и социалистического. Социалистические результаты наглядны в первых пятилетках и Великой Победе, но первоначально они были задекларированы по итогам съездов просвещенцев уже летом 1918 г. Интересно, что большая дискуссия развернулась по вопросу о летних каникулах, но благодаря энергичному отпору со стороны А. В. Луначарского

каникулы (летом с 1 июля по 1 сентября, зимой с 23 декабря по 7 января и весной с 1 по 14 апреля) были сохранены.

Трепетное отношение коммунистической партии большевиков к учительству, к «шкрабам» (школьным работникам как говорили сокращенно) сохранилось вплоть до начала Великой Отечественной войны. Шкрабы были воспитателями в отличие от российских учителей и тьюторов, ППС вузов новой демократической России.

До 1935 г. в советской стране была территориальная система военной подготовки и призыва в армию. В армию не призывались учителя и после 1935 г. и только к моменту Сталинградской битвы осенью 1942 г. с учителей сняли бронь [8, с. 199]. Пишу это от себя как сын уральских учителей. Мама, историк, по партийной линии сразу уволилась и после Победы стало известно, что войну она проработала под прикрытием в рижском подполье. Отец с бронированной должности директора средней школы г. Чусовой добровольцем пошел на фронт в 1941 г. – математики особо были нужны в командовании противотанковой артиллерией прямой наводки. После прохождения краткосрочных курсов младших лейтенантов он принял участие в основных сражениях войны, начиная со Сталинградской и Курской битв. На фронте вступил в партию. Противотанкистов после ранения в качестве исключения возвращали только в свои части, а когда офицер противотанковой артиллерии входил в офицерскую столовую, присутствующие офицеры вставали [9, с. 227]. Говорят, что войну выиграл школьный учитель – но это не следует понимать буквально в духе О. фон Бисмарка, в нашей отечественной истории победили подготовленные советскими учителями кадры, или прошедшие фронт выпускники школ первой и второй ступеней. Тем не менее сами учителя, вступившие в войну младшими лейтенантами, вышли победителями в звании капитана. Отец вернулся в ту же школу из города Бад-Додеран и совсем рядом со школой поселился вернувшийся с фронта будущий советский писатель В. П. Астафьев – там он пришел в школу к отцу работать учителем. Фронтовики общались: офицер и рядовой, коммунист и беспартийный. Увы, второй стал крупным писателем-антисоветчиком...

Но с детства не может автор книги слышать славословия в пользу героического фашизма, например, как у Э. В. Лимонова, с которым довелось не раз искренне общаться: «„Хайль!“ Да, смерть! Я вытягиваю

руку в римском приветствии и гордо щелкает каблуками армейских русских сапог. Да, я фашист, аристократ, случайное совпадение, одна из многих миллионов комбинаций аминокислот – редкое животное.

Фашизм – религия трагических одиночек. Фашизм, в отличие от социализма, расизма, национал-социализма – это персональное и радикальное обращение личности к своему спиритуальному источку, спрятанному по ту сторону смерти. Религия фашиста – смерть Ее Величество. „Да здравствует смерть!“ – кричали вслед за генералом Хосе Милланом Астрадаем его испанские фашисты.

Фашизм. Собственно, это восстановленный идеал добровольного рыцарства. Восстановленный по фрагментам, передающийся не по наследству вместе с аристократической кровью, но идеал рыцарства, ОТКРЫВАЕМЫЙ в себе теми, кто генетически принадлежит к высокой касте воинов. Агрессивность, правдивость, правота, верность, вера, внутреннее мужество, чувство истины (не диктуемое обществом), честь, стыд, владение собой, дисциплина, ответственность, последовательность, единство фразы и действия, преданность и постоянство, благородство и, наконец, готовность жертвовать жизнью ради Формы, Порядка, Строя – вот добродетели фашиста, составляющие кодекс духовной мужественности. Фашизм существовал задолго до того, как появился термин и фашистская партия была образована. Фашистами были средневековые самураи. Фашистами были монахи-рыцари ордена тамплиеров, фашистами были опричники царя Ивана Грозного» [10, с. 205–206].

Э. В. Лимонов перебирает идеологии на рынке идей и выбирает фашизм в свой ранний период возвращения в бывший СССР. Выше он приводит аргументы в пользу фашизма, вытекающие из притягательности фашизма для дезориентированной молодежи и самого Эдуарда Савенко из его харьковской юности. Но при анализе видов национализма он, сблизившись с В. В. Жириновским и его теневым кабинетом, дает объективный анализ идеологии ЛДПР как «выкидыша национализма».

Э. В. Лимонов пишет в «Лимонке»: «Будучи врожденным (и талантливым!) реальным политиком, Жириновский немедленно эволюционировал (можно называть это же качество оппортунизмом). Он стал вскоре выступать с абсолютно противоположных программе ЛДПР позиций. Его поливы с трибун митингов и пресс-конференций уносят

его все дальше от программы ЛДП, заносят в самый настоящий популистский национализм. В идеологию, основой которой может быть только РУССКАЯ НАЦИЯ. Именно с этой идеологией, высказанной в его предвыборных поливах, получил Жириновский 6,2 миллиона голосов на выборах в президенты России в 1991 году. С программой ЛДП он не собрал бы и сотни тысяч голосов, ибо подобные же банальные и расплывчатые программы были у Ельцина и нескольких других, куда более известных кандидатов.

Ошеломленный своим собственным успехом (он до сих пор еще переживает его), Жириновский с тех пор, однако, находит себя в щекотливом, если не сказать чудовищном, положении. Ибо он не русский. Не русский, он знает, что победу ему могут принести только крайние русские националистические идеи. И потому вынужден заходить все дальше не в ту степь. Нерусский председатель партии ЛДП с программой образца 1990 г. никого не шокирует. Почему нет? Нормально. Первое правительство Народных Комиссаров могло без стеснения состоять из марсиан, ибо идеология была не национальной. Но нерусский русский националист – извращение. Это очень слишком» [10, с. 47–48].

Плакатами начала 90 гг. «Я буду защищать русских на территории всей страны!» обклеен изнутри садовый домик автора настоящей книги. Эти плакаты устарели, партия приняла на вооружение новые лозунги «Мы за бедных, мы за русских», а старые плакаты остались не нужны тем более, что вождь партии изображен в капитанском мундире. На новых он подполковник и покроем ельцинского мундира изменен, у фуражки более высокая тулья. Но это внешняя форма, а Э. В. Лимонов пишет о содержательной стороне плакатов: «Жириновский постоянно сам находится в неудобном положении и ставит в неудобное положение других. Так, нерусский лидер, кричащий с плаката на стенах московских зданий: „Я буду защищать русских на территории всей страны!“, вызывает неудобные пульсации, ассоциируется с Председателем Общества Защиты вымирающих индейцев или, того хуже, с Председателем Общества Защиты вымирающих животных, каких-нибудь панд или медведей коала. Я, как русский человек, все-таки (признаюсь) испытываю некоторую неловкость, глядя на этот плакат. Ну, наверное, и другим русским как-то не по себе. Очень слишком. Что же получается, мы сами себя защитить не мо-

жем? Почему националистические идеи у нас высказывает нерусский лидер? Ну, ясно, что у него хорошие намерения, однако выглядит он в данном случае поощрительно и покровительственно, а мы, покровительствуемые и поощряемые, чувствуем себя ниже него, как обычно чувствуют поощряемые» [10, с. 48–49].

Поскольку автор настоящей книги был доверенным лицом В. В. Жириновского и помощником депутата ЛДПР, то он отлично знал эволюцию идеологии партии. Есть книга 1991 г. документов и материалов «Либерально-демократическая партия Советского Союза», в которой имеются начальные установки идеологии партии ЛДП СССР. Издание подано так: составление и вступительная статья кандидата философских наук А. Н. Загородникова. Он и стал научным консультантом партии, защитив кандидатскую диссертацию за три года до образования первой альтернативной партии в СССР [11].

Вступительная статья названа «Советский и западный либерализм в преемственности и развитии», где либерализация понимается неожиданно: «Термин „либерализация“, употребляющийся по отношению ко всем областям жизни – экономике, политике, духовной сфере, стал символом обновления, оздоровления, динамизма всего советского общества. В узком смысле слова это понятие означает устранение ограничений, препятствий в развитии данных сфер» [12, с. 4]. Самым кратким образом программа ЛДП определяется так: «Программа ЛДП – это – программа планомерного и всестороннего совершенствования советского общества на основе развития рыночных отношений, регулируемых государством по принципу – столько централизации, сколько необходимо; столько децентрализации, сколько возможно. Это программа мира и социального прогресса» [12, с. 18].

В забытой ныне брошюре размещены манифесты либерализма: программные документы интернационала либералов. Манифест либералов – Принят на учредительном конгрессе Либерального Интернационала в апреле 1947 года в Оксфорде (Великобритания). Подписан либералами из следующих стран: Австрии, Бельгии, Канады, Кипра, Финляндии, Франции, Германии, Великобритании, Италии, Норвегии, Испании, Южной Африки, Швеции, Швейцарии, Турции, США. Со времени опубликования к манифесту также присоединились либералы из Австралии, Бразилии, Колумбии, Дании, Греции, Голландии, Индии, Израиля, Иордании, Люксембурга, Новой Зеландии,

Родезии, Вест-Индских островов и высланные либералы из Чехословакии, Эстонии, Венгрии, Болгарии, Белоруссии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Украины, Югославии.

Далее – Введение в европейский либерализм. Издано в 1972 г. в Нью-Йорке, включает отдельные документы Либерального Интернационала, эссе известных либералов прошлого и современности. Новый манифест либерального интернационала (Оксфордская декларация). Принят в 1967 г. по случаю 20-летнего юбилея Либерального Интернационала; развивает принципы Манифеста либералов в соответствии с новыми социально-экономическими условиями. Дополнения внесены на 34 конгрессе Либинтерна, проходившем в сентябре 1981 г. в Риме. Содействие демократии в развивающихся странах – Резолюция № 143 конгресса Либерального Интернационала, проходившего в октябре 1990 года в Эспу (Финляндия); предложена Венстре – Либеральной партией Дании.

Мы видим, что либерализм рассматривался Западом как оружие продвижения западных ценностей и его геополитических интересов в развивающихся странах (то есть в недоразвитых странах). Однако в случае с ЛДПР произошла внезапная идеологическая мутация западного либерализма.

Список использованной литературы

1. От народного комиссара по просвещению [Электронный ресурс]. – <http://lunacharsky.newgod.su/articles/ot-narodnogo-komissara-po-prosveseniu/>
2. Гладков Т. К. Джон Рид. – М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 1962. – 288 с.
3. Вильямс А. Р. Биография Джона Рида // Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир, М.: Госполитиздат, 1957. с. 343–351.
4. Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир, М.: Госполитиздат, 1957. – 371 с.
5. Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М.: Гос. Уч.-пед. издательство Министерства просвещения РСФСР, 1948. – 472 с.
6. Декрет Совета Народных Комиссаров. О нормах оплаты учительского труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/30523>
7. Декрет об учреждении Государственной комиссии по просвещению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/27968>

ГЛАВА 1. РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

8. Некрасов С. Н. Роль И. В. Сталина в Великой Отечественной войне // Исторический опыт Великой Победы: колл. монография. Екатеринбург: изд. Уральского ГАУ, 2020. с. 197–214.

9. Некрасов С. Н. К вопросу об истоках великой победы // Исторический опыт Великой Победы: колл. монография. Екатеринбург: изд. Уральского ГАУ, 2020. с. 222–233.

10. Лимонов Э. В. Анатомия Героя. Смоленск: Русич, 1998. – 480 с.

11. Загородников А. Н. Сущность и эволюция идеологии либерализма: анализ идейно-политических тенденций 70–80-х гг.: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.08 / АН УССР. Ин-т философии. – Москва, 1987. – 195 с.

12. Либерально-демократическая партия Советского Союза. Документы, материалы. М.: Политиздат, 1991. – 62 с.

Глава 2. СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

2.1. ПЕРЕУСТРОЙСТВО СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ШКОЛЬНОГО ДЕЛА КАК ЗАДАЧА НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Великое время после победы социалистической революции – время декретов демократического характера. Сегодня это забыто как преданы забвению тяжёлое наследство царского строя и Временного правительства в области просвещения, пережитки феодализма в виде сословности школы, классовый характер образовательного процесса. Нужно было сломать старый аппарат государственной власти в области народного образования и создать новый советский аппарат, способный решить задачу организации просвещения миллионов масс, образования на родном языке, бесплатного и обязательного образования для всех детей. Первым мероприятием было принятие декрета о Государственной комиссии по народному просвещению. Однако Комиссия не собиралась и не работала. Развернувшийся саботаж показал, что советскому правительству придётся развёртывать работу органов народного образования, преодолевая сопротивление враждебно настроенной интеллигенции. Основными центрами антисоветской деятельности среди учительства в области школьного дела оказались оставшийся от Временного правительства Государственный комитет по народному образованию и Всероссийский учительский союз, где преобладало эсеро-меньшевистское влияние.

С раннего детства мы слышим слово «декрет». «Мама в декрете», «декретный отпуск», «выход из декретного отпуска на работу». Затем мы видим слово декрет в смысле постановления Совета народных комиссаров об учреждении нашего университета, в котором учился и всю жизнь проработал – Уральского государственного университета. И этот декрет, как и многие другие подписан Председателем Совета народных комиссаров В. Ульяновым (Лениным) 19 октября 1920 г.: «Статья № 445. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об учреждении Уральского Государственного Университета. Совет Народных Комис-

саров постановил: 1. Учредить в гор. Екатеринбурге Уральский Государственный Университет. 2. В состав Уральского Государственного Университета входят: Горный, Политехнический, Медицинский, Сельско-Хозяйственный, Педагогический Институты, Институт Общественных Наук и Рабочий Факультет. 3. Уральский Государственный Университет находится в непосредственном ведении Народного Комиссариата по Просвещению Р.С.Ф.С.Р. 4. Средства на содержание Университета отпускаются по сметам того же Комиссариата. Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*. Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров *В. Бонч-Бруевич*. Секретарь *Л. Фотиева*. 19 октября 1920 года. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об учреждении Уральского Государственного Университета» [1]. Ирония истории в том, что ныне именно этот университет после объединения УрГУ и УГТУ-УПИ утратил имена А. М. Горького и С. М. Кирова, и получил имя первого президента России Б. Н. Ельцина.

То было великое время после победы политической революции трудящихся – время декретов общего буржуазно-демократического характера и социалистического характера. Сегодня это время забыто и ошельмовано, а проведенные тогда преобразования воспринимаются как естественные и существовавшие всегда вроде климатических условий местности. То есть все что нами унаследовано – образование, медицина, библиотеки новыми поколениями новой России демократического выбора воспринимаются уже не как завоевания борьбы нашего народа и его исторической культурной освободительной традиции.

Между тем, Советское государство получило в области просвещения и народного образования тяжёлое наследство от царского строя и Временного правительства. Накануне революции, в 1916 г., 70 % населения России, не считая детей до 9-летнего возраста, было неграмотным. В начальной и средней школе по всей стране обучалось меньше половины детей школьного возраста. Около 40 % всех начальных школ были церковно-приходскими и полностью подчинялись духовенству. В остальных учебных заведениях представителю духовенства отводилась роль главного воспитателя подрастающего поколения и надзирателя за его нравственностью и поведением. В дореволюционной России на народное просвещение расходовалось менее 5 % государственного бюджета.

Вся система народного образования в целом, а школа в особенности, сочетала в себе тяжёлые пережитки феодализма в виде сословности школы (каждое сословие имело специально для него предназначенные типы школ) с классово-капиталистическим характером образовательного и воспитательного процесса. Проводимая царским правительством политика национального гнёта сильно давала себя знать в просвещении. В национальных районах школ было в десятки раз меньше, чем в районах Центральной России. Преподавание на родном языке национальностей всячески стеснялось или запрещалось.

Если прибавить к этому влияние церкви на школу, неравенство полов, процветавший в школе казённо-бюрократический метод муштры и зубрёжки и, наконец, запуганность и забитость в массе своей народного учителя, то во всей своей полноте предстанут основные пороки и язвы народного образования в царской России. Буржуазное Временное правительство не изменило, да и не могло изменить принципов народного образования в стране, ничего не сделало для приближения его к народу, для разрешения вопиющих нужд просвещения и поднятия культуры трудящихся.

Язвы и пороки в деле народного просвещения старой России вскрыл в своих дореволюционных статьях В. И. Ленин. Он показал, что причины культурной обездоленности трудящихся коренятся в природе помещичье-буржуазного строя России. Он разоблачил народнические, меньшевистские и националистические взгляды противников большевизма по вопросам народного образования и определил перспективу организации подлинно народного просвещения на путях социалистической революции. В. И. Ленин в период между Февральской и Октябрьской революциями наметил конкретные программные требования большевиков в области народного образования.

Иначе говоря, в период подготовки Октябрьской революции, в июне 1917 г., в работе «Материалы по пересмотру партийной программы» В. И. Ленин дал первоначальную формулу новых программных требований большевистской партии в области народного образования. Здесь были выдвинуты требования: право населения получать образование на родном языке, отделение школы от церкви и полная светскость школы, бесплатное и обязательное общее политехническое образование для всех детей обоего пола, бесплатная государственная помощь учащимся учебными пособиями, пищей и одеждой,

привлечение широких слоев демократии к делу народного образования и подбору народных учителей:

«12. Замену полиции и постоянного войска всеобщим вооружением народа; рабочие и служащие должны получать обычную плату от капиталистов за время, посвященное общественной службе во все-народной милиции.

13. Отделение церкви от государства и школы от церкви; полную светскость школы.

14. Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоого пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

14. Бесплатное и обязательное общее и политехническое (знакомящее в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образование для всех детей обоого пола до 16 лет; тесную связь обучения с детским общественно-производительным трудом.

15. Снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

16. Передачу дела народного образования в руки демократических органов местного самоуправления; устранение центральной власти от всякого вмешательства в установление школьных программ и в подбор учительского персонала; выборность учителей непосредственно самим населением и право населения отзываться нежелательных учителей» [2, с. 155].

Школьное дело и вся система образования в дореволюционной России являлись той частью культуры, где наиболее прочными были позиции имущих классов и наиболее сильным влияние буржуазно-помещичьего государственного аппарата. И во всех своих дореволюционных высказываниях по вопросам культуры В. И. Ленин наибольшее внимание уделял именно вопросам народного образования, организации школьного дела, перспективам революционного переустройства дела народного образования и просвещения. Ко времени Октябрьской революции партия большевиков в своей программе и в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина по вопросам культуры имела наиболее полно разработанные взгляды на перспективу дела народного образования. Именно это обстоятельство облегчило Советскому государству слом старого государственного аппарата в области просвещения, использование системы народного образования

в интересах трудящихся, в целях социалистического преобразования страны.

Первоочерёдной задачей победившего пролетариата в деле просвещения народа было сломать старый аппарат государственной власти в области народного образования и создать новый, советский аппарат, способный решить благородную и трудную задачу организации просвещения миллионных масс в стране, истощённой четырёхлетней империалистической войной и связанной с ней хозяйственной разрухой.

Вполне понятно, что Советское государство не могло опираться в разрешении грандиозных задач культурного строительства ни на аппарат Министерства народного просвещения, который В. И. Ленин справедливо называл «министерством народного затемнения», и его периферийную систему, ни на созданный при Временном правительстве Государственный комитет по народному образованию. В работе «К вопросу о политике министерства народного просвещения» он отмечал: «О чем говорит эта пропорция: *менее 50 учащихся* на 1000 жителей? Она говорит, господа защитники казенного народного затемнения, о *невероятной* отсталости и дикости России благодаря всевластию крепостников-помещиков в нашем государстве. Число детей и подростков школьного возраста составляет в России свыше 20 %, т. е. *свыше пятой доли* всего числа жителей. Эту цифру не трудно было бы узнать *далее* господам Кассо и Коковцову через своих департаментских чиновников. Итак, детей в школьном возрасте 22 %, а учащихся 4,7 %, то есть *почти впятеро меньше!!* Это значит, что около *четырех пятых* детей и подростков в России *лишено* народного образования!!

Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а *неизбежна* при гнете помещиков, захвативших десятки и десятки миллионов десятин земли, захвативших и государственную власть как в Думе, так и в Государственном совете, да и не только в этих учреждениях, сравнительно еще *низших...*

Четыре пятых молодого поколения осуждены на безграмотность крепостническим государственным устройством России. Этому отуплению народа помещичьего властью соответствует безграмотность

в России» [3, с. 126–127]. Министерство названо здесь еще сильнее «казенного народного затемнения».

Министерство как аппарат буржуазного государства подлежало немедленной ликвидации. Комитет по народному образованию, поскольку он был сформирован на принципах представительства от общественных организаций, в том числе от учительской общности, мог бы быть использован при условии полного признания им советских принципов просвещения. Необходимо было создать новый, советский орган по руководству народным образованием и основными формами культурно-просветительной деятельности в стране. Таким органом явился Народный комиссариат просвещения. В первом же предложении В. И. Ленина об образовании рабочего и крестьянского правительства, внесённом им на II Всероссийский съезд Советов, среди тринадцати наркоматов значился и Народный комиссариат просвещения.

В. И. Ленин подчёркивал огромные трудности, вставшие перед Советским государством в области народного образования и культурного строительства. Эти трудности, как говорил В. И. Ленин, были обусловлены по крайней мере тремя причинами. Они были связаны прежде всего с тяжёлыми последствиями царской политики «просвещения», политики «многолетней порчи народного просвещения царизмом...» Они, во-вторых, обуславливались тем, что Советское государство не располагало в достаточном количестве отвечающей запросам жизни и развернувшейся творческой самостоятельности масс преданной делу социализма интеллигенцией, способной вместе с рабочими и крестьянами бороться за новый общественный и государственный строй. Эти трудности были связаны, наконец, с тем, что большая часть старой интеллигенции, в том числе и учителя, в первые месяцы Советской власти выступила против революции, принимала активное участие в саботаже, имевшем целью подрыв диктатуры пролетариата.

В заметке «О задачах публичной библиотеки в Петрограде» В. И. Ленин писал: «Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться. Библиотечное дело в Петрограде поставлено, в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом, из рук вон плохо. Немедленно и безусловно необходимы следующие основные преобразования, исходящие из принципов, давно осуществ-

вленных в свободных государствах Запада, особенно в Швейцарии и в Соединенных Штатах Северной Америки: 1) Публичная библиотека (бывшая Императорская) должна немедленно перейти к *обмену* книгами как со *всеми* общественными и казенными библиотеками Питера и провинции, так и с *заграничными* библиотеками (Финляндии, Швеции и так далее). 2) Пересылка книг из библиотеки в библиотеку должна быть, по закону, объявлена даровой. 3) Читальный зал библиотеки должен быть открыт, как делается в культурных странах в частных библиотеках и читальнях для богатых людей, ежедневно, не исключая праздников и воскресений, с 8 час. утра до 11 час. вечера» [4, с. 132]. Уточним, что сам Ильич, будучи председателем Совнаркома, писал в библиотеки записки с просьбой выдать ему на ночь несколько книг до 8 утра!

«Главная масса интеллигенции старой России, – говорил В. И. Ленин в Речи на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г., – оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности. Процесс брожения в широкой учительской массе только начинается, и истинно народным учителям не следует замыкаться в рамки организации Всероссийского учительского союза, а идти уверенно в массы с пропагандой. Этот путь приведет к совместной борьбе пролетариата и учительства за победу социализма» [5, с. 420–421].

В антисоветских выступлениях буржуазной интеллигенции в тот период образовывалось разделение труда: основная масса её составила ряды саботажников, остальные стремились подвести под деятельность врагов народа идеологическую базу. «Они обращают свои знания, – говорил в эти дни о буржуазной интеллигенции В. И. Ленин, – высшие завоевания знания на борьбу против трудящихся» [4, с. 270]. Большая часть старой интеллигенции, за исключением тех, кто честно откликнулся на призыв Советской власти участвовать в культурном строительстве, не желала видеть перспектив культурного развития в условиях советского строя, предсказывала полный упадок культуры, относила временные издержки революции и озлобление масс трудностями империалистической войны на счёт политики большевиков.

В хоре противников ленинских начертаний в области советского культурного строительства можно было видеть две группы людей. Первую группу составляли честные, но ошибающиеся деятели

культуры, не разобравшиеся в обстановке, испугавшиеся временных трудностей революции. Вторую группу составляли ярые противники революции: меньшевики, эсеры, кадеты и прочие интеллигентские «плакальщики» о гибели русской культуры. Они спекулировали темнотой и неграмотностью народа, говорили о них как о неопровержимом доводе, якобы доказывавшем историческую неправомерность Октябрьской революции.

Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский, предупредивший аппарат старого министерства просвещения о предстоявшем своём прибытии для приёма дел, был встречен лишь группой низших служащих, изъявивших желание работать с Советской властью. Вышние и средние чиновники министерства объявили саботаж. Всемерно используя помощь технических работников министерства, народный комиссар стал развёртывать работу органов советского просвещения.

Первоначально А. В. Луначарский пытался использовать обломок аппарата министерства. Поэтому в первом документе народного комиссара по просвещению – в обращении ко всем гражданам России «О народном образовании», опубликованном 1 ноября 1917 г., народный комиссар отмечал, что «текущие дела должны пока идти своим чередом через Министерство Народного Просвещения». Эти слова повторяются в «Декрете об учреждении Государственной комиссии по просвещению» [6].

Конечно, в этом намерении Наркомпроса прежде всего сказался тактический замысел: максимально привлечь служащих министерства, владевших деловыми связями, в целях использования их технических навыков для налаживания нового аппарата. Но активный саботаж чиновничества, поддержанный контрреволюционной верхушкой учительской среды, сделал невозможным использовать и обломок старого аппарата народного образования. Была необходима решительная и энергичная ломка этого аппарата.

В обращении «О народном образовании» объявлялось населению страны, что дело центрального руководства народным просвещением поручается Государственной комиссии по народному просвещению, в которой роль председателя исполняется народным комиссаром.

Первым мероприятием Совета Народных Комиссаров в области организации просвещения было принятие декрета о Государственной комиссии по народному просвещению. 9 ноября 1917 г. ВЦИК утвердил

Декрет «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению», который 12 ноября был опубликован в центральных газетах за подписями В. И. Ленина и А. В. Луначарского.

Декрет устанавливал, что все функции, выполнявшиеся прежде министерством народного просвещения, возлагаются на Государственную комиссию. В Декрете подчёркивалось, что работа Комиссии предполагается при широком развёртывании местной самостоятельности в области народного просвещения. «Сотрудничество педагогов и сил общественных – вот что будет преследоваться Комиссией во всей её деятельности». Обогащать и осветить как можно скорее духовную жизнь страны – вот та центральная задача, которую выдвигало советское правительство перед Государственной комиссией по просвещению.

Однако Комиссия в составе, предусмотренном декретом, никогда не собиралась и не работала. Развернувшийся саботаж буржуазной интеллигенции показал, что советскому правительству придётся развёртывать работу органов народного образования, преодолевая отчаянное, сопротивляемое враждебно настроенной буржуазной интеллигенции. Основными центрами антисоветской деятельности среди учительства в области школьного дела вообще оказались Государственный комитет по народному образованию и Всероссийский учительский союз, где преобладало эсеро-меньшевистское влияние.

«Верхушка всероссийского учительского союза заняла по отношению к коммунистической партии и Великой Октябрьской социалистической революции враждебную, контрреволюционную позицию и вела неистовую агитацию среди учительства, призывая учителей не подчиняться Советскому правительству и даже организовать учительскую забастовку. Весь аппарат министерства народного просвещения отказался работать. Когда назначенный наркомом народного просвещения А. В. Луначарский прибыл в здание министерства для приёма дел, предупредив об этом аппарат, он нашёл там только группу низших служащих. Образовавшийся в начале Февральской революции для разработки законопроектов по народному образованию Государственный комитет по народному образованию, в ответ на призыв Народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского сотрудничать с советской властью, встретил это обращение враждебно. Бюро этого комитета 10 ноября „признало необходимым приостановить“ работу комитета по народному образованию».

новить свою деятельность и принять меры к получению руководящих указаний от комитета» [7, с. 12].

Обстановка складывалась так, что Комитет пришлось запретить, а педагогическую теорию глубоко реформировать. Авторы отмечают: «Ввиду такого саботажа со стороны верхушки Государственного комитета по народному образованию, Совет Народных Комиссаров объявил 20 ноября о роспуске комитета, вследствие сопротивления его членов новой власти. Первые шаги строительства новой школы крайне затруднялись недостатком работающих на фронте народного образования партийных сил. Значительная часть этих сил была занята большой работой на других участках строительства политической жизни, организации вооружённых сил, хозяйства и культуры страны. Часть педагогов, искренно желавших работать под руководством коммунистической партии, невольно переносила в новые условия буржуазные и мелкобуржуазные принципы, в частности довольно распространённую в 1911–1917 гг. мелкобуржуазную „теорию свободного воспитания“. В условиях царской России эта теория была протестом против муштры, зубрёжки, угнетения личности ребёнка, против формализма в обучении и бюрократизма в управлении школой. Однако, наряду с этим, она идеализировала „природу“ ребёнка, отрицала использование положительных элементов опыта старой школы, проводила анархические установки в школьном деле: отрицание деления школы на классы, отрицание урока, отрицание программ и т. п. Сторонники этой теории не учли изменившихся условий общественной жизни и продолжали придерживаться характерных для „теории свободного воспитания“ анархических установок и по отношению к только что возникшей советской школе» [7, с. 13].

Повторим, что уже на третий день после завоевания власти рабочим классом была организована Государственная комиссия по просвещению и Народным комиссаром назначен А. В. Луначарский, а декрет об учреждении комиссии был опубликован 12 ноября (по старому стилю).

Список использованной литературы

1. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об учреждении Уральского Государственного Университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/42750>
2. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 32. – 605 с.
3. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1973. т. 23. – 594 с.
4. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 35. – 600 с.
5. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 26. – 590 с.
6. Декрет об учреждении Государственной комиссии по просвещению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/27968>
7. Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М.: Гос. Уч.-пед. издательство Министерства просвещения РСФСР, 1948. – 472 с.

2.2. ОТДЕЛЕНИЕ РЕЛИГИИ ОТ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРОБЛЕМА СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ

До Октябрьской революции церковь в России являлась частью государственного аппарата, выступления против церкви рассматривались как государственные преступления. Наиболее сильным было влияние церкви в области народного образования. Советская власть ликвидировала союз церкви и государства, отделила школу от церкви, добилась свободы совести в стране. «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» как последовательно-демократический отделил церковь от государства и школу от церкви. Тем самым все религии были отделены от государственного образования. Новая советская культура, вышедшая из революционного движения, явилась культурой нового типа – всемирной и ее основу составил не национальный и не религиозный идеал, а социалистический принцип преобразования действительности. Описанная нами картина трактуется противниками Советской власти по-иному и потому идеологизированные дискуссии продолжают. Но важно, чтобы они вернулись в лоно научных построений и имели задачей переосмысление исторического опыта в целях создания аутентичных гуманитарных наук, которые отражают национальные интересы России.

Строительство первого в мире социалистического общества предполагало полный снос не только старого базиса, но и идеологической надстройки, важнейшим элементом которой выступала религия и церковь как ее социальный институт. До Октябрьской революции церковь в России являлась частью государственного аппарата, служила опорой государственному строю. Феодалное государство столетиями материально и юридически поддерживало церковь. Церковь освящала государственный и общественный порядок царской России, воспитывала трудящихся в духе верноподданничества, убеждала их в необходимости смирения и терпения. Выполнение религиозных обрядов входило в обязанность государственных чиновников, чинов армии и школьников. Допуск к несению воинской службы, службы в государственных учреждениях и к занятиям в учебных заведениях разрешался только после отправления известных религиозных обрядов. Срастание церкви с государством, их взаимная поддержка отрицательно сказывались на культурном развитии страны.

Церковь являлась мощным аппаратом, распространявшим клерикальную идеологию, суеверия и предрассудки в народе. Государство запрещало антирелигиозную пропаганду и преследовало всякого, кто пытался защищать свои убеждения, если они шли вразрез с канонами и догмами церкви. Антирелигиозные организации в дореволюционной России приравнивались к «противозаконным обществам», и за принадлежность к ним виновные подвергались ссылке в Сибирь или тюремному заключению. Выступления против церкви рассматривались как государственные преступления. Церковь распространяла своё влияние на цензуру и тем вмешивалась в науку. Духовная цензура запрещала печатать и распространять ряд книг материалистического и атеистического направления.

Наиболее сильным было вмешательство церкви в область народного образования, в жизнь школы – низшей, средней и даже высшей. Основным типом начальной школы была так называемая церковно-приходская школа, где воспитателем был не учитель, а служитель религиозного культа. Два класса ЦПШ, как говорили в период гражданской войны, было серьезным уровнем образования для трудящихся и бойцов РККА. В 1915 г. в России было 35 866 церковноприходских школ с 2 096 277 учащимися. Значительная часть учебных занятий отводилась на изучение «закона божьего», разучивание и пение молитв и на церковнославянское чтение. «Закон божий» был одним из основных предметов и в казённых и частных средних учебных заведениях. Оказывая серьёзное влияние на дела школы, церковь стремилась задержать культурное развитие масс, с детства прививала трудящимся антинаучное, религиозное мировоззрение, воспитывая рабскую покорность. Как гимназист Владимир Ульянов сдавал «Закон божий»?

Он сдавал десять выпускных экзаменов. Посмотрим на четыре последних экзамена 1887 г.: «27 мая ему пришлось, перебарывая себя, сдавать экзамен по закону божьему. В билет входили вопросы из всех четырех разделов курса: „Пространного православного катехизиса“, „Истории христианской православной церкви“, „Учения о богослужении православной церкви“ и „Священного писания Нового завета“. При ответе на некоторые вопросы, например о VI и VII вселенских соборах 680 и 787 годов, требовалось показать знания истории Византии того времени и уж затем раскрыть суть иконоборчества –

религиозно-политического движения против поклонения иконам, выразившего протест народных масс против церкви и освященного ею гнета государства и сановной знати. Испытательная комиссия, состоявшая из директора, инспектора, двух священников-законоучителей гимназии и „депутата епархиального ведомства“ в течение пяти часов проверяла знания выпускников. Экзамен оказался не слишком сложным: 16 учеников удостоились пятерок, в том числе и Владимир, девятеро – четверок и три человека – троек. На следующем экзамене, состоявшемся 29 мая, – по латыни – показатели были куда хуже. Комиссия в составе П. Федоровского, Н. Моржова и Н. Нехотяева поставила 17 троек и только две пятерки, одну из которых – Владимиру. А в его билете были вопросы, которые никак не назовешь легкими. Вначале он перевел на русский 5-ю главу из 3-й части Цицероновского трактата „Об обязанностях“ и на основе этого текста рассказал о прямой и косвенной речи, абстрактных и конкретных существительных, особых формах прилагательных и глаголов; затем охарактеризовал „философию Цицерона“ и изложил суть его „учения о высшем благе“» [1, с. 110].

Вот два последних: «1 июня Владимир сдавал комиссии в составе И. Ежова, П. Федоровского и Г. Штейнгауэра греческий язык. Вначале он перевел 228–246-е строфы из V III песни 1-й части гомеровской „Илиады“ и 38-ю главу из 1-й книги „Истории Пелопоннесской войны“ Фукидида. Затем ответил на пять вопросов по грамматике и в заключение рассказал о различных сословиях Аттики, государственном устройстве Спарты и образе жизни жителей этого древнегреческого государства. Общий итог экзамена для класса оказался примерно таким же, как и по латыни: 16 троек, 9 четверок и две пятерки, одну из которых получил Владимир. Наконец, в субботу 8 июня наступил черед последнего, десятого экзамена – по математике. Комиссия собралась представительная: директор, инспектор и преподаватели А. Федотченко, Н. Надежин, Н. Степанов. Владимиру достался такой билет: „Арифметика. Решение задач на учет векселей. Алгебра. Вычисление сложных процентов и срочных вкладов. Геометрия. Об измерении площадей прямолинейных фигур. Тригонометрия. Деление дуг. Вычисление тригонометрических линий некоторых дуг“. Комиссия подошла к оценке знаний выпускников по математике очень скупно: 19 человек получили тройки, пятеро – четверки. Высшего балла удо-

стоились только трое: В. Ульянов и претенденты на серебряную медаль А. Писарев и А. Наумов» [1, с. 111].

В царской России свободы совести не существовало. Государство преследовало не только безбожие, неверие, но также сектантов и притесняло, «инакововерующих», ограничивало их гражданские права. Государство ограждало привилегии господствующей православной христианской церкви. Национальный гнёт тесно переплетался с гонениями на религиозные верования поработченных народов. Проводилось насильственное обращение в православие. Виновные в агитации за переход из христианской веры в иную жестоко карались, вплоть до каторжных работ. Православная церковь принимала деятельное участие в разжигании национальной вражды, проводила устную и печатную агитацию против «иноверцев».

Советская власть не могла сохранить этот средневековый порядок связи церкви с государством, который оправдывал эксплуатацию человека человеком, попирали свободу личности, разъединял трудящихся, отвлекая их от общих политических классовых задач разжиганием раздоров на религиозной и национальной почве, задерживал развитие культуры в стране. Советская власть исходила из подлинно демократических принципов полного отделения церкви от государства и школы от церкви, предоставления полной свободы совести, свободы вероисповедания, свободы антирелигиозной пропаганды и агитации. Это программное положение большевиков было сформулировано В. И. Лениным ещё в 1905 г. в статье «Социализм и религия».

В этой статье В. И. Ленин доказал, что государству не должно быть дела до религии, а религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Каждому гражданину предоставляется свобода исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом. Государство прекращает финансовую поддержку церковных и религиозных обществ, которые должны стать независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. «Только выполнение до конца этих требований, – писал В. И. Ленин, – может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сию пору остающиеся в наших уголовных уложениях

и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насилувавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства – вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви.

Русская революция должна осуществить это требование, как необходимую составную часть политической свободы. Русская революция поставлена в этом отношении в особо выгодные условия, ибо отвратительная казенщина полицейски-крепостнического самодержавия вызвала недовольство, брожение и возмущение даже в среде духовенства. Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного „служителям бога“. Мы, социалисты, должны поддержать это движение, доводя до конца требования честных и искренних людей из духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией. Либо вы искренни, и тогда вы должны стоять за полное отделение церкви от государства и школы от церкви, за полное и безусловное объявление религии частным делом. Либо вы не принимаете этих последовательных требований свободы...» [2, с. 144].

Советская власть провела в жизнь это программное требование большевиков – ликвидировала союз церкви и государства, отделила школу от церкви, освободила граждан России от гнёта насильственной религиозности, добилась подлинной свободы совести в нашей стране.

Декрет о земле, обсужденный в «Докладе о земле» на Втором Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов 8 ноября 1917 г., определил что монастыри и церкви лишались своих земель «со всем их живым и мёртвым инвентарём, усадебными постройками и всеми принадлежностями», подрезал корни экономического могущества церкви, которое она использовала в антинародных интересах [3, с. 24].

«Декларация прав народов России» отменила какие бы то ни было национальные и религиозные ограничения, предоставив тем самым народам России свободу вероисповеданий. 11 декабря специальным

постановлением, утверждённым В. И. Лениным, дело образования и воспитания было изъято из духовного ведомства и передано в Комиссариат народного просвещения. С 1 января 1918 г. в учебных заведениях были упразднены должности законоучителей всех вероисповеданий. 14 января 1918 г. было официально объявлено об упразднении придворного духовенства и о передаче принадлежавших ему благотворительных учреждений в ведение Народного комиссариата призрения, а учебных заведений – Комиссариату народного просвещения. 16 января приказом Народного комиссариата по военным делам были расформированы все управления военного духовенства и уволены находившиеся на службе военного ведомства все служители культов всех вероисповеданий. 20 января 1918 г. был опубликован приказ Народного комиссариата государственного призрения, который лишал церковь и служителей культа каких бы то ни было государственных денежных ассигнований. Этот ряд государственных мероприятий был завершён декретом Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Ж. А. Трофимов пишет: «Одно из самых больших зол и бедствий, которые были характерны для классических гимназий и которыми не мог не возмущаться Владимир Ульянов, – это полный разрыв ее курса с практикой жизни. При изучении логики, не говоря уже о законе божьем, доказывались такие „высшие истины“, как „бытие божие“ и „бессмертие души“. Историк обосновывал преимущество монархического правления по сравнению с республиканским. Объективная неизбежность классовой борьбы отрицалась, а выступления народных масс изображались обычно как разгул взбунтовавшейся черни. Химия, астрономия, ботаника, зоология, анатомия и труд не значились отдельными предметами. События отечественной и мировой истории рассматривались только до начала 60-х годов XIX века, а изучение словесности заканчивалось произведениями Гоголя. Творения Л. Толстого, Тургенева, Некрасова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Успенского не изучались. Ничего не говорилось на уроках о пьесах Островского, замалчивалась поэзия земляка-сатирика Д. Д. Минаева. Не нашлось в программе места и знаменитым романам И. Д. Гончарова, тесно связанным с родным для писателя симбирским краем. А о Белинском, Писарева, Добролюбова и Чернышевском вообще не могло быть и речи. При изучении же

„дозволенных“ писателей старательно обходились свободолюбивые и антикрепостнические мотивы в их творчестве, их общественная значимость» [1, с. 84–85].

Понятно, что духовенство с враждой встретило мероприятия Советской власти, направленные на отделение церкви от государства. Служители церкви препятствовали проведению советских законов в жизнь, организовывали антисоветские выступления. Духовенство выступило против принятия декрета об отделении церкви от государства. Петроградский митрополит Вениамин 10 января 1918 г. обратился в Совет Народных Комиссаров с письмом, в котором угрожал стихийными волнениями в случае принятия декрета. В. И. Ленин направил это письмо в комиссию, образованную Совнаркомом для разработки декрета, предложив ей поспешить с работой над проектом декрета об отделении церкви от государства. К середине января работа была закончена.

Народный комиссариат государственного призрения был переименован постановлением Совнаркома 30 апреля 1918 г. в Народный комиссариат социального обеспечения, потому что старое название «В виду того, что существующее название Народного Комиссариата Государственного Призрения не соответствует социалистическому пониманию задач социального обеспечения и является пережитком старого времени, когда социальная помощь носила характер милости и благотворительности» [4].

Представленный комиссией проект декрета был рассмотрен и отредактирован В. И. Лениным. Вместо неопределённого первого параграфа, гласившего: «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской республики», В. И. Ленин написал: «Церковь отделяется от государства». Так, в самом начале декрета было чётко сформулировано законоположение, ликвидировавшее один из самых прочных пережитков средневековья. 20 января декрет обсуждался и был принят на заседании Совета Народных Комиссаров. 21 января он был обнародован в центральной печати под названием «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах». Это был декрет наиболее последовательно-демократический, отделивший церковь от государства и школу от церкви.

Установление подлинной, полной свободы совести в Советской России гарантировалось тем, что декрет запрещал издание каких-ли-

бо законов или постановлений, ограничивающих свободу совести или устанавливающих привилегии и ограничения для граждан в зависимости от их вероисповедания. Во всех официальных документах уничтожалось всякое упоминание о религиозной принадлежности.

Декрет объявлял имущество церковных и религиозных общин народным достоянием. Было установлено, что все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями от государства.

Но эти мероприятия не ущемляли прав верующих в отправлении культов, а, наоборот, создавали все условия для осуществления свободы совести. Советская власть предоставляла церковным и религиозным общинам здания и предметы, необходимые для отправления обрядов, в бесплатное пользование. Религиозные общины превращались, таким образом, в общины граждан-единомышленников, объединившихся только для отправления религиозного культа.

Советский декрет отделил школу от церкви и тем произвёл подлинный переворот в деле образования и воспитания подрастающего поколения. Школа освободилась от проповедников невежества и мракобесия. Образование ставилось на действительно научную основу, школа перешла на путь светского воспитания молодёжи. С российской культуры были сняты религиозные путы.

Осуществление этого декрета Советской властью вызвало противодействие светской и духовной контрреволюции. Духовенство встретило декрет антисоветской кампанией, возглавленной Всероссийским церковным собором и патриархом Тихоном. В церквях произносились антисоветские проповеди, организовывались крестные ходы с целью возбуждения верующих против Советской власти, создавались специальные организации (приходские союзы) для противодействия проведению декрета в жизнь. Но трудящиеся массы, вопреки всем стараниям духовенства, не поддались антисоветской агитации церковников.

Главные положения декрета были проведены в жизнь незамедлительно. Но осуществление декрета во всей полноте потребовало значительного времени и продолжалось в период гражданской войны. Ленинский декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви оказал огромное революционизирующее воздействие

на общественную и политическую жизнь страны, на всю культуру, быт и сознание народа.

Л. А. Булавка-Бузгалина показывает, что «советская культура (ее освободительная тенденция), вышедшая из революционного движения мировой истории уже в силу своего генезиса явилась культурой нового типа – всемирной. До этого история знала лишь мировую культуру со всеми составляющими ее национальными культурами. Это первая предпосылка. Вторая предпосылка всемирности состоит в том, что основу советской культуры составлял не национальный и не религиозный идеал, а принцип деятельностного преобразования (разотчуждения) действительности» [5, с. 644].

Описанная нами картина дается противниками Советской власти по-иному. Так, Т. Краус пишет в статье «Диктатура и демократия – на практике»: «Мощный удар по религии и церкви пришелся на начало 1922 г., формальным для того поводом стал страшный голод в России в 1921–1922 гг. Первой откликнулась на эту беду Русская Православная церковь. В воззвании „О помощи голодающим“, с которым 22 августа 1921 г. обратился патриарх Тихон, содержался призыв ко всем верующим, духовенству православных приходов и зарубежным деятелям вносить добровольные пожертвования в помощь голодающим. Глава церкви не только призывал к благотворительным пожертвованиям, но и разрешал духовенству передачу в пользу голодающих церковной утвари и имущества, „не имеющих богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожерелье и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом)“. Эта активность Православной церкви, ее готовность добровольно пожертвовать часть церковных ценностей в помощь голодающим стали удобным поводом для того, чтобы отобрать у нее все и таким образом еще больше ослабить ее позиции в обществе. 2 января 1922 г. Президиум ВЦИК принял специальное постановление „О ликвидации церковного имущества“, а 23 февраля был издан декрет ВЦИК об изъятии всех церковных ценностей на нужды голодающих. Декрет стал главным инструментом широкой кампании по подрыву религии и, в первую очередь, по разгрому Русской Православной церкви. Эта кампания потребовала энергичных усилий всех звеньев партийно-государственного аппарата и, в особенности, военно-карательных органов страны. Начиная с зимы 1922 г. вопросы, связанные с этой

кампанией, ставились почти на каждом заседании Политбюро. На их решение партия нацелила весь механизм ГПУ-ОГПУ» [6, с. 398]. Далее автор сообщает: «На места шли инструкции и циркуляры партийных и карательных органов по проведению экспроприации церковных ценностей. Во многих местах верующие и священнослужители оказывали сопротивление власти. В середине марта Ленин получил сообщение из Шуи о столкновениях при изъятии церковных ценностей, в результате которых 4 человека погибло и 10 было ранено» [6, с. 399].

Можно ли поверить данным Т. Крауса? По данным Православного Свято-Тихоновского Богословского института, количество репрессированного православного духовенства в 1921–1923 гг. составило 10000 человек, расстрелян каждый пятый – всего около 2 тыс. Кампания по изъятию церковных ценностей, нанеся мощный удар по церкви, не привела к обогащению государственной казны и к преодолению голода. Абсолютное большинство средств, полученных от продажи конфискованных ценностей, ушло на партийные нужды, в фонд Коминтерна. Немалыми оказались расходы по самому «изъятию». В марте 1922 г. Троцкий требовал у Политбюро выделить на это 10 миллионов советскими деньгами. Что касается закупки продовольствия, то на это была передана лишь незначительная часть средств, вырученных от продажи церковных ценностей. Все это время не прекращалась антирелигиозная работа. Грубым надругательством над чувством верующих было продолжавшееся вскрытие мощей святых с целью «разоблачения суеверия»... Усилилось наступление большевиков на мусульманскую религию. Реакция основной части мусульманского духовенства на принятый декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» была поначалу не столь резкой, как у православного. Мусульманские служители культа не имели ни крупных богатств, ни прямой государственной поддержки. Вместе с тем, когда началась прямая реализация положений декрета, методы большевиков вызвали у мусульман недовольство. Одновременно с грабежом церковей и физическим уничтожением священнослужителей большевики с привлечением чекистов развернули широкомасштабную работу по расколу церкви, разжиганию вражды между различными группами священнослужителей, созданию «послупной» («обновленческой» или «живой») церкви с «красными попами». В специальной инструкции, направленной ВЧК на места

давалось указание «использовать существующие в церковной жизни и враждующие между собой элементы, чтобы они сами один другого уничтожали. В этих целях, – говорилось далее, – мы иногда должны поддержать то или иное течение, менее для нас вредное, оказывая ему даже материальную поддержку...» [6, с. 400]. Автор сообщает, что в 1922 г. большевикам удалось склонить на свою сторону часть иерархов русской православной церкви и что при непосредственном участии ГПУ была создана «живая церковь».

Публикации очень напоминают стиль орудия в информационной войне «Черная книга коммунизма». Авторы ее обозначены только на обложке, а так это целостный чудовищный текст с предисловием «архитектора перестройки» А. Н. Яковлева «Большевизм – социальная болезнь XX века»: Стефан Куртуа, Николя Верт, Жак-Луи Панне, Анджей Пачковский, Карел Бартошек, Жан-Луи Марголен. На титульный лист вынесено то, что не входит в выходные данные книги – перевода с французского. Там аршинными буквами дано: «Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. 95 миллионов жертв» (!) На другой странице указано: «„Черная книга коммунизма“ посвящена исследованию преступлений коммунистических режимов, существовавших в XX веке. Основана исключительно на достоверных документах и фактах, снабжена иллюстративным материалом, картами концлагерей и депортаций народов, свидетельскими показаниями». Книга в 710 с. тиражом 100 тыс. экземпляров снабжена логотипом печально известного и почившего в бозе «Союза правых сил», под логотипом сообщается: «Издание выпущено при содействии „СОЮЗА ПРАВЫХ СИЛ“. Предназначено для распространения в муниципальных, сельских, школьных и вузовских библиотеках» [7].

Последняя страница книги снабжена такими сентенциями: «Каким образом идеалы освобождения и всеобщего братства обернулись в октябре 1917 созданием тоталитарного государства, основой политики которого стало систематическое подавление социальных слоев общества и целых народов, а способом её воплощения – масштабные депортации и массовое истребление людей? Завеса секретности, наконец, полностью сброшена.

Крах большинства коммунистических режимов, открытие множества ранее недоступных архивов, многочисленные свидетельства и воспоминания очевидцев позволяют сделать напрашивающийся

вывод: у коммунистических стран лучше получается выращивать концлагеря, чем хлеб и производить трупы – чем потребительские товары. Коллектив ученых-историков провел максимально полное изучение преступлений, совершённых под флагом коммунизма во многих странах на разных континентах: места, даты, факты, палачи, жертвы... Десятки миллионов в СССР и в Китае, миллионы в небольших странах, таких, как Северная Корея и Камбоджа: всего около 95 миллионов жертв – такова плата человечества за увлечение коммунистической утопией в XX веке. О трагедии планетарного масштаба – первое справочное издание. Многочисленные свидетельские показания, карты концлагерей и депортаций народов, 32 страницы документальных фотографий».

От издателей дано уведомление: «Издание „Черной книги коммунизма“ в России вписывается в общий процесс подведения итогов XX века. Множество людей, участвовавших в создании книги, воспринимали работу над ней как свой вклад в гуманитарное противостояние насилию, одним из воплощений которого стал коммунизм. Изданная на многих языках мира, эта книга скорби и надежды пришла, наконец, и к нашему читателю. Она воздействует не только на сознание, но апеллирует к нашей генетической памяти – памяти нации, в течение 70 лет находившейся под гнетом коммунистического режима. И пусть „зло не ограничено геополитическими рамками“, как сказано в этой книге, но мы верим, что общими усилиями оно может быть побеждено».

Выданные цифры, предвзятые суждения этой книги совпадают с данными общей антикоммунистической и русофобской пропаганды коллективного Запада в Третьей Мировой войне нового гибридного типа. В другой книге с предисловием и под редакцией А. Н. Яковлева в главе «Большевики удерживают государственную власть» мы читаем ту же предвзятую концептуальную модель: «Политика раскола проводилась и по отношению к другим конфессиям. Под воздействием ВЧК–ГПУ–ОГПУ происходило разделение мусульманского духовенства на „белых“ и „красных“. Так называемых „красных мул“ заставляли становиться на позицию лояльности в отношении к советскому государству. Началась работа по созданию „живой синагоги“ по типу „живой церкви“ в православии. По мере уничтожения религии, подрыва веры в вечные, непреходящие ценности в общественном сознании создавал-

ся гигантский духовный вакуум. Заполнявший его атеизм стал важной составной частью новой светской религии – марксизма – ленинизма. В стране настала эпоха религиозного нигилизма и нравственной нищеты» [8, с. 401]. Можно сделать вывод – идеологизированные дискуссии продолжают. Но важно, чтобы они вернулись в лоно научных построений и имели задачей переосмысление исторического опыта в целях создания аутентичных гуманитарных наук нового тысячелетия, которые отражают национальные интересы России.

Завершим указанием на статьи обновленной Конституции РФ, которые показывают, что общедемократическое (точнее, буржуазно-демократическое) требование, реализованное Октябрьской революцией, отделение религии от образования и церкви от государства сохранено в современной России: «Статья 14. 1. Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [9].

Далее: «Статья 28. Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Статья 29. 1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова. 2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. 3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. 4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. 5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» [9].

Напомним, что столетие назад В. И. Ленин в проекте «Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах» лично своей рукой заменил неопределённый первый параграф «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской республики» на пункт «Церковь отделяется от государства». Этот шаг к светскому государству сохранен в государственном устройстве современной России.

Обратим также внимание на знаменитую 13 статью: «Статья 13. 1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность. 4. Общественные объединения равны перед законом. 5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» [9]. Светское государство трудящихся более прогрессивно, чем социальное государство в буржуазном обществе.

Список использованной литературы

1. Трофимов Ж. А. Великое начало. М.: Мол. гвардия, (Молодогвардейская Лениниана). 1990. – 333 с.
2. Ленин В. И. Полное Собрание Сочинений. М.: ИПЛ, 1968. т. 12. – 575 с.
3. Ленин В. И. Полное Собрание Сочинений. М.: ИПЛ, 1974. т. 35. – 600 с.
4. Постановление Совета Народных Комиссаров. О переименовании Народного Комиссариата Государственного Призрения в Народный Комиссариат Социального Обеспечения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/29435>
5. Булавка-Бузгалина Л. А. Красный Октябрь: рождение и становление Нового человека // Вершина Великой революции. К 100-летию Октября. Под общей ред. Б. Ф. Славина, А. В. Бузгалина. – М.: Алгоритм, 2017. с. 600–651.
6. Краус Т. Диктатура и демократия – на практике // Вершина Великой революции. К 100-летию Октября. Под общей ред. Б. Ф. Славина, А. В. Бузгалина. – М.: Алгоритм, 2017. с. 350–316.
7. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М.: Издательство «Три века истории», 2001, 2-е издание, исправленное. – 780 с.
8. Косаковский А. А. Глава VII. Большевики удерживают государственную власть // Драма российской истории: большевики и революция. Под редакцией академика А. Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. (Россия. XX век. Исследования). с. 345–426.
9. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/>

2.3. УНИЧТОЖЕНИЕ СОСЛОВНОСТИ И НЕРАВНОПРАВИА ЖЕНЩИН КАК ПРОБЛЕМА СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

В развитии культуры дореволюционной России тормозом выступал сословный строй, при котором различались «высшие» и «низшие» сословия. Чинопочитание и угодничество, административные стеснения Советская власть ликвидировала декретом «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Трудящаяся женщина в царской России находилась в положении двойного рабства, была закабалена наёмным трудом, а также находилась в неравноправном положении по отношению к мужчине. После Всероссийского съезда рабочих принимаются декреты «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Эти завоевания Октябрьской революции, которая попутно решила задачи буржуазно-демократической революции, были серьёзным достижением в политическом и культурном развитии народа. Сегодня постреволюционное время стало изучаться в рамках модной «истории обыденности» как истории быта, однако живое творчество масс носит глубоко исторический характер, а уничтожение сословности и неравноправия полов может привести к созданию либерального общества в духе постиндустриализма и постмодернистской культуры, но возможно иное развитие в сторону реставрации традиционного общества социальной справедливости.

Большим тормозом в развитии культуры был сословный строй дореволюционной России. Сословное деление граждан было связано с различными сословными привилегиями одних и ограничениями других в области политической, общественной и культурной жизни и в быту. Различались «высшие» сословия и «низшие», так называемые «податные сословия». Преимущественное право на поступление в учебные заведения, например в гимназии, университеты, оставалось за «высшими» сословиями. Сама система учебных заведений была связана с сословным строем (лицеи и институты благородных девиц – для дворян, гимназии – для состоятельных слоев населения, начальные школы – для детей «простонародья»).

Приведем пример 10 выпускных экзаменов В. И. Ленина в гимназии: «Письменные 5 мая – русская словесность (сочинение). 7 мая – латинский язык. 8 мая – арифметика и геометрия. 12 мая – алгебра и тригонометрия. 13 мая – греческий язык. Устные 22 мая – история

и география. 27 мая – закон божий. 29 мая – латинский язык. 1 июня – греческий язык. 6 июня – математика (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия)» [1, с. 104].

Сословный строй привносит в быт трудящихся черты, унижающие человеческое достоинство: чинопочитание и угодничество. Сословность несла с собой административные стеснения. Основой сословности были пережитки крепостничества в землевладении. Ленинский декрет о земле ликвидировал начисто основную экономическую базу сословности. Советская власть ликвидировала сословный строй и связанные с ним мерзости в общественной и культурной жизни страны. 12 ноября Центральный Исполнительный Комитет обнародовал за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Декрет вступил в силу со дня опубликования. В нём провозглашалось:

«Ст. 1. Все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр., титулы – княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование – граждан Российской Республики» [2].

В. И. Ленин гордился тем, что Россия первая в мировой истории уничтожила самые глубокие, экономические корни сословности. «Мы не оставили камня на камне, кирпича на кирпиче в вековом здании сословности (самые передовые страны, вроде Англии, Франции, Германии, до сих пор не отделались от следов сословности!), – писал В. И. Ленин в статье „К четырехлетней годовщине Октябрьской революции“. – Наиболее глубокие корни сословности, именно: остатки феодализма и крепостничества в землевладении, вырваны нами до конца» [3, с. 145–146].

Трудящаяся женщина в России находилась в положении двойного рабства. Она, во-первых, как говорили впоследствии – при «проклятом царизме» была закабалена наёмным, рабством, капиталистической эксплуатацией. Она находилась, во-вторых, в неравноправном, унижительном положении по отношению к мужчине. Её неравноправие было закреплено крепостническими государственными законами.

Женщина при вступлении в брак была обязана принять фамилию мужа. Она была ограничена в свободе передвижения без разрешения мужа. Муж в любое время мог вызвать жену к себе, вне зависимости от её желания, по месту своего пребывания. В случае отказа жены приехать по вызову мужа за ним оставалось право затребовать её препровождения с полицией. Жена не могла поступить на работу без позволения мужа.

Женщина добровольно не могла развестись с мужем. Расторжение брака обставлялось гнусными формальностями, унижавшими достоинство женщины. Политические стеснения женщин наиболее рельефно выражались в том, что они были лишены избирательного права.

«Просвещение, культура, цивилизация, свобода, – все эти пышные слова, – писал В. И. Ленин в статье „Советская власть и положение женщины“, – соединяются во всех капиталистических, буржуазных республиках мира с неслыханно-подлыми, отвратительно-грязными, зверски-грубыми законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с „законнорожденным“, о привилегиях для мужчины, об унижении и оскорблении для женщины.

Иго капитала, гнет „священной частной собственности“, деспотизм мещанской тупости, мелкохозяйственной корысти – вот что мешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на эти грязные и подлые законы. Советская республика, республика рабочих и крестьян, смела эти законы сразу, не оставила камня на камне в постройках буржуазной лжи и буржуазного лицемерия.

Долой эту ложь! Долой лжецов, говорящих о свободе и равенстве для всех, пока есть угнетенный пол, пока есть угнетающие классы, пока есть частная собственность на капитал, на акции, пока есть сытые своими излишками хлеба, кабалящие голодных. Не свобода для всех, не равенство для всех, а *борьба* с угнетателями и эксплуататорами, *уничтожение возможности* угнетать и эксплуатировать. Вот наш лозунг! Свобода и равенство для угнетенного пола!» [4, с. 287].

Это закрепощение женщины не могло не сказаться на её культурном росте, на культурном развитии всего народа. 87 процентов всех женщин страны были неграмотными. Женщины до 1917 г. были лишены права поступления в университеты. Высшее образование

для женщин было по преимуществу медицинским и педагогическим. Доступ женщинам в другие отрасли науки был крайне ограничен. Среди технической интеллигенции женщины составляли редчайшее исключение.

Задача раскрепощения женщины была сформулирована В. И. Лениным в Речи на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия. Во всех цивилизованных странах, даже самых передовых, положение женщин таково, что недаром их называют домашними рабынями. Ни в одном капиталистическом государстве, даже самой свободной республике, нет полного равноправия женщин.

Задача Советской республики – в первую голову уничтожить все ограничения прав женщин. Источник буржуазной грязи, подавленности, приниженности – бракоразводный процесс – Советская власть уничтожила полностью. Скоро год, как существует совершенно свободное законодательство о разводе. Мы издали декрет, который уничтожил разницу в положении брачного и внебрачного ребенка и целый ряд политических стеснений; нигде так полно не осуществлены равенство и свобода трудящихся женщин. Мы знаем, что вся тяжесть устарелых правил взваливается на женщину рабочего класса» [5, с. 185].

Далее В. И. Ленин говорил: «Положение женщины до сих пор оставалось таковым, что его называют рабским; женщина задавлена своим домашним хозяйством, и от этого положения ее может спасти только социализм. Только тогда, когда мы от мелких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли, только тогда будет полное освобождение и раскрепощение женщин. Эта задача трудна, но теперь, когда образуются комитеты бедноты, наступает время, когда социалистическая революция укрепляется. Лишь теперь организуется беднейшая часть населения в деревне, и в них, в организациях бедноты, социализм приобретает прочную основу. Раньше часто бывало, что революционным становился город, а после него выступала деревня. Настоящий переворот опирается на деревню, и в этом его значение и сила. Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины. Советская власть делает все, чтобы женщина самостоятельно вела свою пролетарскую социалистическую работу» [5, с. 186].

18 декабря 1917 г. Центральным Исполнительным Комитетом и Совнаркомом принимаются декреты «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Декреты были опубликованы в центральных газетах за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. Этими декретами ликвидировалось неравноправное положение женщины. Советская республика провозгласила признание впредь лишь гражданских браков. Церковный брак объявлялся частным делом брачующихся. Внебрачные дети уравнивались с брачными в отношении прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям. Оформление расторжения брака, как и всё ведение делопроизводства актов гражданского состояния, изымалось из рук церкви и передавалось гражданским учреждениям. Брак мог расторгаться по просьбе обоих супругов или одного из них. Вопрос о том, у кого должны оставаться дети в случае расторжения брака, и о размере участия родителей в издержках по содержанию и воспитанию детей решался исходя из интересов детей.

В течение нескольких месяцев Советской власти было уничтожено неравноправное положение женщин в нашей стране. «Ни одно государство и ни одно демократическое законодательство, – говорил В. И. Ленин в 1919 г. в работе „О задачах женского рабочего движения в советской республике“, – не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования. Конечно, недостаточно одних законов, и мы никоим образом не удовлетворяемся одними декретами. Но в области законодательства мы сделали все, что от нас требовалось для уравнивания положения женщины с положением мужчины, и мы по праву можем этим гордиться. Положение женщины в Советской России теперь таково, что оно является идеальным с точки зрения самых передовых государств. Но мы говорим себе, что, конечно, это только еще начало. Положение женщины, при ее занятии домашним хозяйством, все еще остается стесненным. Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина.

Конечно, здесь речь идет не о том, чтобы уравнивать женщину в производительности труда, размере труда, длительности его,

в условиях труда и т. д., а речь идет о том, чтобы женщина не была угнетена ее хозяйственным положением в отличие от мужчины» [4, с. 201].

Октябрьская социалистическая революция подрезала корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не могла и не дерзала подрезать их ни одна революция в мире. От неравенства женщины с мужчиной по закону в Советской России не осталось и следа.

В. И. Ленин придавал исключительно большое значение раскрепощению женщины, видел в этом фактор огромного культурного значения. В работе «К международному дню работниц» он отмечал: «Советская республика России сразу смела *все без изъятия* законодательные следы неравенства женщины, сразу обеспечила ей полное равенство по закону.

Говорят, уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины. В этом изречении есть зерно глубокой истины. И с этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень. Новый, невиданно-могучий толчок женскому рабочему движению неизбежно связан поэтому с основанием (и упрочением) первой Советской республики, – а рядом с этим, и в связи с этим с Коммунистическим Интернационалом.

Раз речь идет о тех, кто капитализмом был угнетен прямо или косвенно, сплошь или отчасти, то именно советский строй и только советский строй обеспечивает демократию. Это ясно на положении рабочего класса и беднейших крестьян. Это ясно видно на положении женщины. Но советский строй есть последний решительный бой за *уничтожение классов*, за экономическое и социальное равенство. Демократии, даже демократии для угнетенных капитализмом, в том числе для угнетенного пола, – *нам мало*. Женское рабочее движение главной своей задачей ставит борьбу за экономическое и социальное равенство женщины, а не только формальное. Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего рабства», освободить ее от подчинения – оупляющего и принижающего – вечной и исключительной обстановки кухни, детской – вот главная задача. Это – борьба длительная, требующая коренной переделки и общественной техники и нравов. Но эта борьба кончится полной победой коммунизма» [6, с. 192–193].

Советская власть за несколько месяцев ликвидировала остатки феодализма, сословности и неравноправия во всех областях общественной жизни страны. Были разрушены до основания недемократические учреждения и институты. «А иного пути к социализму, – говорил В. И. Ленин в статье „Запуганные крахом старого и борющиеся за новое“, – кроме как через такое разрушение, нет и быть не может. Не хотят видеть, что за несколько недель на место империалистской лжи во внешней политике, затягивавшей войну и прикрывающей грабеж и захват тайными договорами, поставлена действительно революционно-демократическая политика действительно демократического мира, давшая уже такой крупный практический успех, как перемирие и увеличение во сто крат пропагандистской силы нашей революции. Не хотят видеть, что рабочий контроль и национализация банков начали проводиться в жизнь, а это именно и есть первые шаги к социализму» [7, с. 191].

Советская революция походя, попутно разрешила задачи буржуазно-демократической революции, «доделав» её так «чисто», как никогда ещё в мире. Советская революция разрешила задачу очистки социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма.

«Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 году? – ставил вопрос В. И. Ленин в статье „К четырехлетней годовщине Октябрьской революции“. И отвечал: Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей. Возьмите любую из этих „авгиевых конюшен“, – оставленных, к слову сказать, в изрядной мере всеми передовыми государствами в недочищенном виде при совершении ими *их* буржуазно-демократических революций, 125, 250 и больше (1649 в Англии) лет тому назад, – возьмите любую из этих авгиевых конюшен: вы увидите, что мы их вычистили начисто...

Возьмите религию или бесправие женщины или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции.

Пошляки мелкобуржуазной демократии восемь месяцев об этом болтали; нет *ни одной* из самых передовых стран мира, где бы *эти* вопросы были решены в *буржуазно-демократическом* направлении до конца.

У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. Мы с религией боролись и боремся по-настоящему. Мы дали *всем* нерусским национальностям *их собственные* республики или автономные области. У нас нет в России такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины, этого возмутительно-го пережитка крепостничества и средневековья, подновляемого корыстной буржуазией и тупой, запуганной мелкой буржуазией во всех, без единого изъятия, странах земного шара. Это все – содержание буржуазно-демократической революции» [3, с. 145–146].

В. И. Ленин считал эти завоевания Октябрьской революции, которая попутно решила задачи буржуазно-демократической революции, серьёзным достижением в политическом и культурном развитии народа. В. И. Ленин указывал, что очищение почвы общественной жизни России от варварских пережитков средневековья означало в то же время ликвидацию тормоза всякой культуры: «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране. И мы вправе гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем великая французская революция свыше 125 лет тому назад» [3, с. 144].

Быстрая, смелая, решительная чистка, проведённая революционным народом, подчёркивал В. И. Ленин, служила одним из источников нашей гордости, гордости советских людей, их жизнедеятельного патриотизма. Конечно, значение Октябрьской революции вообще, а для развития культуры нашей родины в частности велико не только и не столько тем, что она (Октябрьская революция) ликвидировала феодальные путы. Её всемирно-историческое значение состоит прежде всего в том, что она свергла иго капитализма в нашей стране, прорвала империалистическую цепь, утвердила советскую государственность и вывела трудящихся нашей страны на дорогу самостоятельного исторического творчества, на дорогу социализма. Но совершенно очевидно, что радикальная ломка капиталистических отношений не могла быть плодотворной без попутной ликвидации остатков средневековья. И путём этой ликвидации средневековья, как

видно из деятельности российского пролетариата, руководимого партией большевиков, В. И. Лениным и И. В. Сталиным, является не путь буржуазных преобразований, а путь социалистической революции.

Современный левый историк В. П. Булдаков отмечает, что «Постреволюционное время стало изучаться в рамках модной „истории обыденности“ и/или истории быта. Сам по себе такой подход перспективен. Приходится, однако, сожалеть, как иные авторы изучают обыденность: одни выдают за исследование бессистемное нагромождение бытовых несуразиц, другие, напротив, пытаются классифицировать их в более чем странных понятиях „нормы“ и „отклонения“. Порой „бытовая история“ словно гордится своим отказом от выхода в пространство большого исторического времени, отворачиваясь от познания ценностей и смыслов изучаемой эпохи. А между тем понятие „нормы“ может существовать разве что в мозгах ограниченного обывателя или доктринера; революционное и постреволюционное время „аномально“ по определению; психопатология прописана в пространстве большого исторического времени не менее основательно, чем периоды уравновешенной самодостаточности и самодовольства. Следовало бы задуматься и о другом. „Психопатология обыденной жизни“, о которой писал еще з. Фрейд, может получить концентрированное выражение в связи с „уплотнением“ исторического времени, вызванном разрушением традиционного общества» [8, с. 11].

В художественной литературе это двойное понимание исторических событий было описано так: «Чем только не занимаются люди! Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны „Мертвые души“, построена Волховская гидростанция, совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь „Уйди-уйди“, написана песенка „Кирпичики“ и построены брюки фасона „Полпред“. В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. У его обитателей стремление одно – как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода.

Маленькие люди торопятся за большими. Они понимают, что должны быть созвучны эпохе и только тогда их товарищ может найти сбыт. В советское время, когда в большом мире созданы идеологи-

ческие твердыни, в маленьком мире замечается оживление. Под все мелкие изобретения муравьиного мира подводится гранитная база коммунистической идеологии. На пузыре „Уйди-уйди“ изображается Чемберлен, очень похожий на того, каким его рисуют в „Известиях“. В популярной песенке умный слесарь, чтобы добиться любви комсомолки, в три рефрена выполняет и даже перевыполняет промфинплан. И пока в большом мире идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все готово: есть галстук „Мечта ударника“, толстовка „Гладковка“, гипсовая статуэтка „Купающаяся колхозница“ и дамские пробковые подмышники „Любовь пчел трудовых“» [9, с. 108–109]. Естественно, это цитата из девятой главы «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова.

В другой главе вечерний разговор о миллионах превращается в утренний обмен мнениями о других миллионах уже других пассажиров: «Рассказчики на миг смутились, но очарование неожиданных богатств, сыплющихся из карманов японских принцев, варшавских родственников или американских солдат, было так велико, что они снова стали хватать друг друга за коленки, бормоча:

– ...И вот, когда вскрыли мощи, там, между нами говоря, нашли на миллион... Утром, еще затопленный сном, Остап услышал звук отстегиваемой шторы и голос:

– Миллион! Понимаете, целый миллион...

Это было слишком. Великий комбинатор гневно заглянул вниз. Но вчерашних пассажиров уже не было. Они сошли на рассвете, в Харькове, оставив после себя смятые постели, просаленный листок арифметической бумаги, котлетные и хлебные крошки, а также веревочку. Стоявший у окна новый пассажир равнодушно посмотрел на Остапа и продолжал, обращаясь к двум своим спутникам:

– Миллион тонн чугуна. К концу года. Комиссия нашла, что завод может это дать. И что самое смешное, Харьков утвердил!» [9, с. 387].

Советская власть как живое творчество масс носит изначально революционный характер и как локомотив устремляет историю вперед – время при подходе к социализму уплотняется. В. П. Булдаков пишет: «Нелепость прошлой и нынешней историографической ситуации состоит в непонимании того, что на деле „советская“ власть (именуемая то социалистически-передовой, то тоталитарно-регрессивной) выросла (и существовала) именно на основе спонтанных – в зна-

чительной степени невербализованных – социально традиционных реакций снизу. Иных „устоев“, помимо подпорченных доктрин, после разгула революционной охлократии у нее и быть не могло. Да и вообще власть в России в пору „порушения сословий“ всегда возрождалась на основе „голоса народа“, энергетика которого определялась интенсивностью взаимодействия предрассудка и утопии. Так было и во времена пресловутого нэпа. Понять систему, болезненно переживающую переходный период, чрезвычайно сложно – синергетическая эпистемология „смуты“ в принципе не уживается ни с „новыми“, ни тем более старыми теоретическим установками» [8, с. 12].

Уничтожение сословности и неравноправия может привести к созданию либерального общества в духе западного постиндустриализма и постмодернистской культуры. Возможно иное развитие в сторону реставрации традиционного общества социальной справедливости с реставрацией элементов социализма. Столкновение этих двух типов обществ приведет либо к гибели либеральной сатанистской цивилизации, либо к рождению мобилизационной экономики в русле военного социализма и мобилизационной андрагогики. Этот прогноз автора книги следует развернуть в ряде отдельных публикаций.

Список использованной литературы

1. Трофимов Ж. А. Великое начало. М.: Мол. гвардия, (Молодогвардейская Лениниана).1990. – 333 с.
2. Об уничтожении сословий и гражданских чинов [Декрет, утвержденный Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5308>
3. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 44. – 725 с.
4. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 39. – 623 с.
5. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 37. – 748 с.
6. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 40. – 506 с.
7. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 35. – 600 с.
8. Буддаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. / В. П. Буддаков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 759 с. – (История сталинизма).
9. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. Красноярск: Красноярское кн. изд., 1993. – 414 с.

2.4. ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕРАВНОПРАВИА НАРОДОВ КАК ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛИЗМА: «ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ НАРОДОВ РОССИИ»

«Архитектор перестройки» и разрушитель СССР академик А. Н. Яковлев про-вал перестройки и либеральных реформ назвал расплатой за большевизм, а большевизм — драмой российской истории». На самом деле перед Советским государством встала задача овладеть культурным наследством прошлого, превратить прогрессивные завоевания культуры в общенародное достояние. Но развёртывание советского культурного строительства было невозможно без ликвидации режима национального гнёта, задержавшего развитие национальных культур. В ноябре 1917 г. принята «Декларация прав народов России», которой был разрушен режим национального гнёта и узаконялось свободное развитие народов России. Национальная политика Советской власти представляла все условия для подъёма культуры ранее угнетённых народов. Возвращение украинскому народу, мусульманам национальных реликвий, революционные события начала XX в., долго будут находиться в фокусе идеологизированных дискуссий. В этом обсуждении возможны новые расколы общества. Ситуация идейных споров начала прошлого столетия может повториться в расширенном масштабе. В 2022 г. году мы отмечаем 100-летие СССР и полезно будет вспомнить при восстановлении единого Отечества трудности и закономерности этого события всемирной истории. Большевики спасли Россию, культуру и народы планеты от гибели и нового мирового порядка.

«Архитектор перестройки» А. Н. Яковлев уже после перестройки раскрыл свои подлинные взгляды на историю России и ее будущее. В его представлении перестройка социализма плавно перетекала в либеральные реформы и разрушение советского общества. Многочисленные авторские и коллективные издания под редакцией А. Н. Яковлева изобилуют изысками в области партийной политики и деятельности Советской власти в первую очередь в сфере культуры – культуры политической и народной в первую очередь. Все, что произошло с нами в XX веке, А. Н. Яковлев называет «драмой российской истории». К одному из обращений к читателю он пишет: «До 1917 года Россия не знала иной формы правления, кроме самодержавия, если не считать слабых ростков парламентаризма в начале века. Не успело сложиться в стране и гражданское общество. Февраль 1917 года круто повернул жизнь миллионов. Казалось, был открыт путь к демократии.

Но Февралю положил конец Октябрь. Драма истории нашей страны не только в том, что в годы развязанной большевиками гражданской войны погибли миллионы людей, а остальное население было втянуто в кровавую смуту, насаждавшую ненависть, разруху, голод, но и в том, что диктатура большевизма уничтожила движение к демократии» [1, с. 5].

После патетического вступления бывший коммунист и член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев рисует свою, несомненно, воображаемую и предвзятую, анатомию большевистской политики: «В обстановке 1917 года популистская политика большевиков, как и их крайне упрощенный подход к реальности, находили отклик среди рабочих, солдат, крестьян, но прежде всего в среде маргинализованной и люмпенизированной массы. Демагогические лозунги о свободе и демократии ослепляли людей, делали их безотчетно покорными власти. Но как только большевики подобрали власть на холодных улицах Петрограда, всякие игры в демократию закончились, и началась жестокая реальность диктатуры. Большевики намеренно не считались с тем, что переход от одного социального качества к другому через классовую борьбу, физическое подавление и уничтожение победителями побежденным это больной вариант исторического развития. Для осуществления утопических целей пресекалось любое инакомыслие и безжалостно вырубались носители старого режима помещики, купцы, предприниматели, священнослужители, офицеры и вообще все подозрительные. Ленин яростно боролся против любой мысли, которая не укладывалась в концепцию революции, завоевания власти, диктатуры пролетариата. Морально то, что служит пролетариату. Потом Гитлер сделал эту мысль более обнаженной, сказав, что освобождает людей от химеры совести. В обществе активно культивировались образ врага народа, нетерпимость, доноительство. Шла, как писал Максим Горький, вульгаризация и без того примитивного сознания. Конечно, ни в научных исследованиях, ни в наших размышлениях об исторических событиях нельзя полностью объективно реконструировать прошлое» [1, с. 6]. Автор заключает свои изыскания признанием эволюции убеждений: «Я пришел к глубокому убеждению, что Октябрьский переворот есть контрреволюция, положившая начало созданию тоталитарного государства, державшегося не только на идеологии, но и на массовом терроре» [1, с. 7].

На самом деле перед молодым Советским государством в области культурного строительства прежде всего встала основная задача овладеть культурным наследием прошлого, превратить все прогрессивные завоевания культуры, все прогрессивные материальные и духовные культурные ценности в общенародное достояние. Но развёртывание советского культурного строительства было невозможно без ликвидации режима национального гнёта, задержавшего развитие национальных культур, без отмены привилегий церкви, контролировавшей дело народного образования; нельзя было и думать о серьёзном повышении культуры народа без ликвидации сословного строя и без раскрепощения женщины. Эти мероприятия были проведены Советской властью в первые месяцы её существования и оказали благотворное влияние на советское культурное строительство.

Режим национального гнёта и неравноправия национальностей в дореволюционной России отличался особой жестокостью. Политические притеснения народов России задерживали их духовное развитие. Национальный гнёт особенно остро проявлялся в области культуры. Национальная культура, язык и обычаи всячески притеснялись, просвещение трудящихся искусственно задерживалось. Многие народы России не имели своей письменности. Коренное население национальных районов не имело права свободно объясняться на родном языке в местных общественных судебных и государственных учреждениях. Школы, где допускалось обучение на национальных языках (по преимуществу духовные), давали лишь начатки грамоты и были немногочисленны. На языках народов допускалась к изданию главным образом религиозная литература. На территории Украины, например, из общего количества книг, издававшихся в 1913 г., на украинском языке выпускалось всего лишь 4 процента. В Белоруссии, Туркмении, Таджикистане и Киргизии литература на языках коренного населения совсем не издавалась.

Этот режим национального гнёта и преследования национальных культур, сковывавший развитие и просвещение народов России, был разрушен Советской властью до основания. 2 (15) ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял написанную И. В. Сталиным «Декларацию прав народов России», которой был разрушен режим национального гнёта и узаконялось свободное развитие народов России и полное их равноправие. Все даты по 14 февраля 1918 г. даны

по старому стилю, с 14 февраля 1918 г. – по новому стилю, даты к органам печати сохраняются в том виде, как они проставлены в газетах и журналах. Следующим шагом была «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая была принята III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г.

«Декларация прав народов России», опубликованная в центральных газетах за подписями В. И. Ленина и И. В. Сталина 3 ноября 1917 г., провозглашала наступление принципиально новых, равноправных взаимоотношений между народами России. На смену отношений господства и подчинения, на смену гнёта и насилия пришло полное равноправие. Декларация призывала к братскому доверию и дружбе, будила ранее угнетённые народы к творчеству во всех областях государственной, хозяйственной и культурной деятельности.

Вчитаемся в чеканные строки Декларации этого героического времени: «Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения. Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю – она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков.

Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно. В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы с одной стороны, рабство народов – с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России» [2, с. 1], провозглашалось в декларации. Советское правительство всенародно объявило основной своей деятельности в области национальной политики следующие начала:

- «1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [3, с. 40]. Подписано: «Именем Республики Российской Народный комиссар по делам национальностей Иосиф Джугашвили-Сталин. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Национальная политика Советской власти предоставляла все условия для подъёма культуры ранее угнетённых и подавленных народов. Программные требования коммунистической партии – право населения получать образование на родном языке, право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях, введение родного языка во всех местных общественных и государственных учреждениях – стали осуществляться на практике. Большевистское требование, что «только сами национальности имеют право уничтожать или развивать те или другие стороны своей национальной культуры» [4, с. 46], приобретало характер непреложной основы общественной жизни Советской республики. Именно так ставил вопрос И. В. Сталин в работе «Как понимает социал-демократия национальный вопрос».

Это положение разъяснялось в специально написанном И. В. Сталиным обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Обращение, утверждённое Совнаркомом, было опубликовано за подписями В. И. Ленина и И. В. Сталина в центральных газетах 22 ноября и напечатано отдельной листовкой в миллионах экземпляров на всех языках мусульманских народов. В обращении, призывавшем мусульман поддерживать революцию и советское правительство, объявлялось всем ранее угнетавшимся народам, верования, обычаи и культура которых попирались царями и угнетателями России: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов,

Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!

Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители!» [5, с. 3].

Доказательством правдивости и искренности этой политики советского правительства послужили предоставленные народам России и использованные ими свобода в решении вопроса государственного устройства и право на самоопределение. Эта политика находила своё повседневное подтверждение в деятельности Народного комиссариата по национальным делам, возглавляемого И. В. Сталиным. Она подтверждалась также рядом практических мероприятий в области культуры, предпринятых Совнаркомом по инициативе товарища Сталина. Одними из первых подобных мероприятий были возвращение украинскому народу его национальных реликвии и возвращение мусульманам «Священного корана Османа», находившегося в Государственной публичной библиотеке в Петрограде.

Через несколько дней после Октябрьского переворота в Народный комиссариат по национальным делам к И. В. Сталину обратился Украинский Военно-революционный штаб с просьбой о выдаче из государственных хранилищ Петрограда национальных реликвий Украины (знамёна, бунчуки, грамоты и прочее), отобранных у украинцев при Екатерине II. Эти реликвии, представлявшие для Украины большую культурно-историческую ценность, хранились в Петрограде, как символ национальной зависимости Украины, в наказание за свободолюбивые стремления украинцев. И. В. Сталин, согласовав вопрос с Народным комиссариатом просвещения, в чьём ведении находились Эрмитаж и Преображенский гвардейский собор, где хранились эти реликвии, незамедлительно дал согласие на их возвращение представителям Украины. 14 ноября в «Правде» была опубликована статья И. В. Сталина «О национальных реликвиях Украины», в которой говорилось, что советское правительство охотно удовлетворит просьбу украинцев, ибо удержание реликвий являлось бы «грубым нарушением неотъемлемых прав самоопределяющейся Украины». «Революционное Правительство Республики Российской, – писал И. В. Сталин, – торжественно возвра-

щает Украине её национальные реликвии, несправедливо отобранные у неё грубой рукой Екатерины II-й».

Общий текст был таким: «Украинский военно-революционный штаб в Петрограде обратился к нам с просьбой дать ему возможность выбрать из Эрмитажа и Преображенского гвардейского собора хранящиеся там украшения, национальные реликвии (знамёна, бунчуки, грамоты и пр.) и вернуть их Украине. Реликвии эти были отобраны у украинцев ещё в эпоху Екатерины Второй. Отобраны они были и привезены в Петроград в наказание за свободолюбивые стремления Украины. Оставление их в Петрограде, очевидно, является символом старой, ненавистной всем нам зависимости Украины. Оставление этих реликвий в Петрограде можно было ещё кое-как оправдать в эпоху господства буржуазии, в эпоху аннексионистской коалиции. Но теперь, после Октябрьской революции, когда оковы порваны, когда у власти стали рабочие и крестьяне, когда право самоопределения народов России (провозглашено перед лицом всего мира, удержание национальных реликвий украинцев теряет всякий смысл.

Больше того, такое удержание является грубым нарушением неотъемлемых прав самоопределяющейся Украины. Ввиду этого я, в согласии с тов. Луначарским, в ведении которого находится Эрмитаж и Преображенский гвардейский собор, счёл своим долгом удовлетворить просьбу Украинского военно-революционного штаба в Петрограде. Революционное правительство Республики Российской торжественно возвращает Украине её национальные реликвии, несправедливо отобранные у неё грубой рукой Екатерины II» [6].

16 ноября предложение И. В. Сталина о передаче украинцам их исторических ценностей было утверждено Совнаркомом. 24 ноября ВЦИК по докладу А. В. Луначарского принял решение провести передачу реликвий в торжественной форме, а вместе с реликвиями направить украинцам особую грамоту. В ней говорилось: «Братья Украинцы! В хранилищах Петербурга ваши знамёна, пушки и булава свидетельствуют о вашем угнетении – именем великорусского – угнетателями этого народа. Ныне нет больше угнетённых народов в свободной России. Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов возвращает вам трофеи, как память о вашей славной борьбе за свободу.

Народ великорусский и революционный Петербург с приветом посылает вольному Киеву священный дар в знак братства народов. Да славится и крепнет братский союз свободных народов России и всего мира, да исчезнет вражда и даже тень угнетения одной нации другою» [7, с. 62]. 24 ноября реликвии были переданы представителям украинского народа. Подобный же шаг был предпринят советским правительством по отношению к мусульманскому населению России. 1 декабря 1917 г. председатель исполкома Всероссийского мусульманского Совета был принят народным комиссаром по делам национальностей И. В. Сталиным и в беседе затронул вопрос о желании мусульман получить отобранный у них в прошлом «коран Османа». На это И. В. Сталин ответил, что советское правительство готово уважить просьбу мусульман. 4 декабря краевой мусульманский съезд Петроградского национального округа в письме на имя народного комиссара по национальным делам выразил желание всех мусульман России получить в распоряжение самих мусульман «Священный коран Османа».

И. В. Сталин распорядился о немедленной передаче Корана. Резолюция товарища И. В. Сталина «Выдать немедленно» была скреплена подписью Председателя Совнаркома В. И. Ленина. 9 декабря В. И. Ленин подписал официальное решение Совнаркома о передаче Корана, которое было направлено в Наркомпрос для исполнения и опубликовано за подписью В. И. Ленина на следующий день в центральных газетах («Правда», «Известия» и др.). Коран был выдан из Публичной библиотеки представителям мусульман и направлен ими в распоряжение мусульман Средней Азии. Этим актом советское правительство продемонстрировало своё глубокое уважение к национальным чувствам народов.

В этих актах, весть о которых облетела всю Россию, ярчайшим образом проявилась готовность советского правительства свято выполнить провозглашённую им национальную политику равноправия и взаимного уважения наций и народов малых и больших. Развернувшаяся деятельность Народного комиссариата по делам национальностей, возглавляемого товарищем И. В. Сталиным, была направлена в первый период на административно-политическое устройство народов и наций, что являлось первым условием политического, экономического и культурного подъёма народов в целях ликвидации их фактического неравенства.

Очевидно, что построение нового социалистического общества и история Советской власти перестает быть делом только узкоспециализированных историков и исторической науки в целом. Оно становится делом обществоведов и философов, делом всего российского народа, оказавшегося на исторической развилке в результате разрушительных реформ последнего тридцатилетия. Повторяется ситуация переосмысления истории, возникшая в Советском Союзе в атмосфере XX съезда КПСС. О. В. Волобуев во Введении к книге «Драма российской истории: большевики и революция» от имени коллектива авторов рассказывает, что произошло с историками и его отцом П. В. Волобуевым: «Постепенно в атмосфере XX съезда КПСС складывается академическая „группа историков – ревизионистов“, которая получает название „нового направления“ (А. Я. Аврех, А. М. Анфимов, П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, И. Ф. Гиндин, Л. М. Иванов, К. Н. Тарновский, и др.). Они выступали за многоукладное понимание экономики России (Гефтер, Тарновский, а также В. В. Адамов из Уральского университета), против преувеличения степени зрелости российского капитализма, который складывался на „почве правительственного вмешательства“ в создание монополий и банков (Волобуев, Гиндин, Тарновский), доказывали преобладание полукрепостнических отношений в сельском хозяйстве вплоть до 1917 г. (Анфимов), рассматривали русское крестьянство как социальную опору самодержавия (Аврех), в освещении революционных событий выявляли большую роль стихийности в поведении масс и временную потерю гегемонии пролетариата (П. В. Волобуев). Представители „нового направления“ пытались поставить вопрос об альтернативности исторического развития (в частности, проблема исчерпанности или наличия правительственного реформаторского потенциала). Отдел науки ЦК КПСС, возглавляемый С. П. Трапезниковым, с „новым направлением“ окончательно разделался в марте 1973 г. В принятых рекомендациях осуждались „ревизионистские концепции“, выдаваемые за „новое прочтение“ произведений Ленина. В частности, ученым инкриминировали „отступление от ленинского анализа движущих классовых сил в Октябрьской социалистической революции“, имея в виду известное ленинское положение о том, что в социалистической революции пролетариат действует лишь с беднейшим, а не со всем крестьянством. Последовали и административные меры: был снят решением

ЦК КПСС с должности директора Института истории СССР АН СССР П. В. Волобуев» [8, с. 14].

Далее сообщается: «авторы понимают, что революционные события начала XX в., особенно Октябрьские 1917 г., еще долго будут находиться в фокусе идеологизированных дискуссий, как это до сих пор происходит с Великой Французской революцией конца XVIII века» [8, с. 21]. В этом обсуждении возможны расколы общества и общественного мнения. Ситуация начала прошлого столетия может повториться в расширенном масштабе. Что вспоминать об остроте полемике, когда даже правящая партия большевиков не могла сдержать страсти. При обсуждении принципов создания Советского Союза, например, грузинские руководители требовали, чтобы их республика вошла в Союз не в составе Закавказской федерации, а самостоятельно. Такому прямому вхождению Грузии в Советский Союз, ссылаясь на сложную национальную обстановку на Кавказе, противились И. В. Сталин и его представитель в Тифлисе Г. К. Орджоникидзе. Во время одной из дискуссий страсти накалились до такой степени, что Г. К. Орджоникидзе ударил оппонента. Узнав об этом, В. И. Ленин написал 30 декабря 1922 г. письмо грузинским большевикам, в котором объявил войну любым проявлениям великорусского шовинизма.

Тяжелобольной В. И. Ленин из Горок направил письмо Л. Д. Троцкому с просьбой «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии» [9, с. 329]. Тогда же он направил письмо руководителям грузинских большевиков и выразил им свою поддержку: «Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского» [9, с. 330]. Это был последний документ, продиктованный В. И. Лениным, и совпавший по времени с образованием Союза ССР. В этом году мы отмечаем 100-летие СССР, советского народа как новой исторической общности, и полезно будет вспомнить при восстановлении единого Отечества трудности, случайности и объективные закономерности этого великого события новейшей истории.

Вернемся к А. Н. Яковлеву – выглядит очень странно, когда главный партийный стратег развала СССР объявляет в зрелом возрасте большевизм «социальной болезнью XX века». Получается, как если бы Ч. Дарвин в конце жизни отказался от теории эволюции, а А. Эйнштейн отрекся от теории относительности. В «Черной книге комму-

низма. Преступления, террор, репрессии», издании, выпущенном при содействии «Союза правых сил» для распространения в муниципальных, сельских, школьных и вузовских библиотеках есть предисловие А. Н. Яковлева «Большевизм – социальная болезнь XX века». Этот виднейший антикоммунист сообщает: «я неоднократно обращался к российской и мировой общественности, к Президенту России, к Правительству, Генеральной прокуратуре, Федеральному собранию, в Конституционный суд с призывом возбудить преследование фашистско-большевистской идеологии и ее носителей. Никто мне не ответил, кроме коммунистов, которые обратились в Генпрокуратуру с требованием привлечь меня к ответственности за посягательство на свободу слова. Не смешно ли? Большевизм не должен уйти от ответственности за насильственный и незаконный государственный переворот в 1917 году и начавшуюся вслед за ним политику „красного террора“. Большевизм не должен уйти от ответственности за развязывание братоубийственной гражданской войны, в результате которой была разрушена страна, а в ходе бессмысленных и кровавых боев было убито, умерло от голода, эмигрировало более 13 миллионов человек. Большевизм не должен уйти от ответственности за уничтожение российского крестьянства» [10, с. 11]. И далее в том же маниакальном стиле «Большевизм не должен уйти от ответственности» у автора идут еще две страницы.

Вместе с тем А. Н. Яковлев выдает план уничтожения большевизма, ленинизма и социализма. Этот план был выработан им после XX съезда «в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников». Был выработан простой план: «Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды „идей“ позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о „гениальности“ позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому „плану строительства социализма“ через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и „нравственным социализмом“ – по революционаризму вообще» [10, с. 14]. «Архитектор

перестройки» А. Н. Яковлев провал перестройки и либеральных реформ назвал расплатой за большевизм, а большевизм – «драмой российской истории». И автор после краха перестройки и реформ предлагает новый план: «В целях кардинального изменения социального бытия, на мой взгляд, необходимо сосредоточить всю деятельность по направлениям, способным определить уход коммунизма и придать качественно новый облик обществу. Эти направления я символически называю „Семь Д“: Депаразитация; Демилитаризация; Денационализация; Деколлективизация; Демонополизация; Деиндустриализация – экологическая; Деанархизация» [10, с. 24]. Встает вопрос – что было бы с Россией, если персонажи с проектами «Семь „Д“» пришли к власти столетие назад! Большевики действительно спасли Россию, культуру и мир на планете от нацистских концентрационных лагерей нового мирового порядка.

Список использованной литературы

1. Яковлев А. Н. К читателю. Драма российской истории: большевики и революция. Под редакцией академика А. Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. – 449 с. (Россия. XX век. Исследования).
2. «Правда» № 178, 16 (3) ноября 1917 г.
3. СССР. Законы. Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. т. I.
4. Сталин И. В. Соч., М.: ГИПЛ, 1951. т. 1. – 427 с.
5. «Правда» № 189, 27 (14) ноября 1917 г.
6. «Известия ЦИК». № 224, 13 ноября 1917 г.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942. Распубликовано в № 22 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 1 декабря 1917 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/28046>
8. Волобуев О. В. Введение // Драма российской истории: большевики и революция. Под редакцией академика А. Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. (Россия. XX век. Исследования). с. 8–27.
9. Ленин В. И. Полное Собрание Сочинений. М.: ИПЛ, 1975. т. 54. – 863 с.
10. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М.: Издательство «Три века истории», 2001, 2-е издание, исправленное. – 780 с.

2.5. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ КАК РЕСТАВРАЦИЯ: ПРОБЛЕМА РОЖДЕНИЯ БУДУЩЕГО

В. И. Ленин на практике показал благородный патриотизм русских большевиков, их национальную гордость русским народом, демократическими традициями культуры русских рабочих. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм – это заявление В. И. Ленина выражает общий смысл платформы советской власти в культурном строительстве. Культурная контрреволюция, пришедшая на смену культурной революции большевиков, имела обратное направление развитие – инволюцию. Революцию совершали большевики, а культурную контрреволюцию – коммунисты. Такая революция сверху в отношении к движению масс выступает как контрреволюция, превратившаяся в постперестроечные реформы, ставшие Реставрацией. Главный урок превращения культурной контрреволюции в Реставрацию и начала нового революционного цикла в том, что не может быть капиталистического решения для исторических проблем России. Будущее общество рождается в повторяющемся цикле культурной революции, культурной контрреволюции и реставрации, то есть прогресса, регресса и повторения.

В. И. Ленин отмечал, что большевизм как течение общественной мысли и как политическая партия возник на самой прочной базе передовой теории современности – теории марксизма. В. И. Ленин подчёркивал, что русская культура пришла к марксизму путём длительных исканий лучших умов России, путём неустанной и тяжёлой борьбы за прогресс и демократию, борьбы за социализм. Большевизм как глубокое культурное явление и возглавил первую в мире культурную революцию как составную часть построения социализма. В. И. Ленин писал: «Большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой – и только этой – революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием

и тщательностью за всяким и каждым „последним словом“ Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [1, с. 7–8].

Ещё в 1897 г. в работе «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин в развёрнутой форме изложил отношение русской революционной социал-демократии к демократическим цивилизационным завоеваниям русской общественной мысли. В знаменитой книге «Что делать?» В. И. Ленин установил непосредственную связь между идеологическими основами большевизма и демократическими традициями русской общественной мысли и литературы, а тем самым и русской прогрессивной культуры в целом. Обосновывая одно из основных положений идеологии большевистской партии о руководящей роли революционной теории в преобразовательной деятельности пролетариата и его партии, В. И. Ленин писал: «Теперь же мы хотим лишь указать, что *роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский „и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература“ ...» [2, с. 25].

В замечательной статье «О национальной гордости великороссов», написанной в начале империалистической войны (декабрь 1914 г.), когда империалистическая буржуазия России стремилась отравить массы ядом буржуазного национализма, а её лакеи – социал-шовинисты, социал-оборонцы – клеветали на большевиков как на людей, будто бы лишённых национальной гордости, В. И. Ленин показал благородный патриотизм русских большевиков, их глубокую национальную гордость русским народом, демократическими прогрессивными традициями его культуры, его неоценимым вкладом в общее дело борьбы за демократию и социализм. «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? – писал В. И. Ленин. – Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою роди-

ну, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов» [3, с. 107].

Патриотизм партии большевиков был порождён её глубочайшими связями с народными массами, с многомиллионными массами рабочих и трудящихся крестьян. Патриотизм партии большевиков не созерцателен, а действителен, он питал революционную энергию борцов за освобождение трудящихся нашей родины от царизма и буржуазно-помещичьего гнёта. Глубочайшая любовь русских большевиков к прекрасному русскому языку, к своей родине позволяла им преодолевать все препятствия на пути к полному освобождению трудящихся, на пути к завоеванию отечества для народа. Вся деятельность большевиков есть непримиримая борьба в защиту отечества от ига эксплуататоров, от «патриотов» кошелька, от всех непримиримых врагов народа: «Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика» [3, с. 107].

В. И. Ленин подчёркивал историческую преемственность в развитии освободительных идей русской культуры, в освободительных революционно-демократических и социалистическом движениях России, питающих национальную гордость и русского и всего российского пролетариата. «Мы полны чувства национальной гордости, – писал В. И. Ленин, – ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...» [3, с. 108]. Эту национальную гордость русских рабочих И. В. Сталин назвал революционной национальной гордостью, которая способна двигать горами, способна творить чудеса.

Либеральная буржуазия под флагом борьбы за национальную культуру в условиях царской России пыталась разъединить рабочих, отвлечь их от классовой борьбы. Большевики, руководимые В. И. Ленин,

выступая за подлинно интернациональную, пролетарскую культуру, не отвергали её национальных форм. Большевики разъясняли, что национальная культура в условиях дореволюционной России по преимуществу носила буржуазный характер. Пролетариат же черпает из каждой национальной культуры и её наследства лишь демократические и социалистические элементы. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре, – писал В. И. Ленин в работе „Критические заметки по национальному вопросу“. – Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, – но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» [4, с. 129].

Постоянно напоминая об интернациональном долге, В. И. Ленин учил большевиков и русский рабочий класс глубокому уважению национальных чувств трудящихся, ибо пролетарский интернационализм не имеет ничего общего с безродностью, с национальным нигилизмом, ведущим к буржуазному космополитизму. Империалистическая буржуазия в интересах сохранения своего господства культивирует идеологию звериного национализма, растрavляющего вражду народов. Обратной стороной этой идеологии является идеология безродного космополитизма. Буржуазный космополитизм призывает к отказу от своей национальности, от своей родины, от связи со своим народом. Буржуазный космополитизм, спекулируя ложно истолкованным понятием интернационализма, стремится ослабить национальные и международные связи рабочих, чтобы облегчить господство империалистических монополий, мировое господство агрессоров империалистической реакции. Буржуазный космополитизм призывает к отказу от национального суверенитета, от прогрессивных традиций национальных культур, хочет обратить трудящихся в безликих рабов капиталистического мира.

В. И. Ленин разоблачал скрытых агентов буржуазного национализма и космополитизма в рядах рабочего класса, тех, кто выступал против большевистского лозунга права наций на самоопределение, тех, кто из тенденций империализма к мировому господству делал предательский вывод и призывал к отказу от своей родины, родного языка и культуры, к отказу от борьбы за самоопределение наций на путях пролетарской революции.

Партия большевиков воспитывала рабочий класс России в духе пролетарского интернационализма, в духе дружбы народов и уваже-

ния национального суверенитета больших и малых народов и наций. Интернационализм является органической чертой большевизма – высшего достижения общественной мысли и революционного движения современности. В. И. Ленин учил, что интернационализму пролетарской культуры в корне враждебно нигилистическое отношение к национальным культурам, что интернационализм пролетарской культуры связан с демократическими и социалистическими традициями и потенциальными культурными возможностями каждой нации. В. И. Ленин также учил, что укрепление интернациональных качеств пролетарской культуры зависит от укрепления этих традиций, от укрепления руководящей роли социалистических элементов внутри национальных культур.

Строя новую, социалистическую культуру, партия и Советская власть исходили из незыблемого ленинского положения о том, что прогрессивные завоевания буржуазной культуры пролетариат не отвергает, а берёт в свой арсенал, критически осваивает и использует их для построения социалистического общества. «Советский аппарат значит, что трудящиеся объединены так, чтобы весом своего массового объединения раздавить капитализм. Они его и раздавили. От раздавленного капитализма сыт не будешь, – говорил В. И. Ленин. – Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм» [5, с. 55]. Это заявление В. И. Ленина как нельзя лучше выражает общий смысл платформы Советской власти в культурном строительстве.

Но осуществление этой платформы, проведение её в жизнь, далось не без борьбы. Эта борьба приобрела острые формы в особенности в первое пятилетие Советской власти. В Советской стране нашлись люди, организовавшие ещё до Октябрьской революции специальное общество – «Пролеткульт», поставившие своей задачей создать «особую пролетарскую культуру», не связанную с прогрессивным культурным наследством предшествующих поколений. Они-то и провозгласили себя стопроцентными выразителями взглядов советской общественности на культуру.

С точки зрения поверхностного описания западные ученые полагают, что «культурная революция давала радикальной молодежи возможность взять реванш и, как выразился один автор, найти выход переполнявшей ее энергии. С этой точки зрения культурная револю-

ция представляла собой иконоборческое и воинственное молодежное движение, активисты которого, как и хунвэйбины, заявившие о себе во время китайской „культурной революции“ 1960-х гг., ни в коем случае не были послушным орудием в руках партийного руководства» [6, с. 258].

Действительно, внешне все выглядело как эпатаж и скандал: «Молодые энтузиасты свистом и шиканьем срывали исполнение „буржуазных“ пьес в государственных театрах. В области литературы воинствующие РАППовцы организовали кампанию против уважаемого (хотя и не вполне пролетарского) писателя Максима Горького как раз в тот момент, когда Сталин и другие вожди партии пытались убедить его вернуться из итальянской эмиграции. Радикалы следовали своим путем даже в сфере политической теории. Подобно многим восторженным коммунистам в годы Гражданской войны, они верили в неизбежность перемен апокалиптического характера: государство отомрет, а вместе с ним прикажут долго жить такие знакомые институты, так право и школа. В середине 1930 г. Сталин весьма четко дал понять, что такие ожидания ошибочны. Но его заявление практически игнорировалось до тех пор, пока партийное руководство спустя год с лишним не предприняло серьезную попытку призвать к дисциплине активистов культурной революции и положить конец их „фантазерству“» [6, с. 259–260].

На самом деле, хотя культурная революция описывалась как революция пролетарская, это не следует понимать буквально. Например, в литературе молодые активисты РАППа использовали термин «пролетарский» как синоним слова «коммунистический»: говоря об установлении «пролетарской гегемонии», они выражали свое желание главенствовать на литературном поле и получить признание в качестве единственных полномочных представителей Коммунистической партии среди литературных организаций [6, с. 261].

Культурная контрреволюция, пришедшая на смену культурной революции большевиков, имела обратное направление развития – инволюцию. Революцию совершали большевики, а культурную контрреволюцию – коммунисты, что исторически соответствует старому антисоветскому анекдоту, чем отличаются большевики от коммунистов, членов партии. Ни М. С. Горбачёв, ни расставленная им перестроечная партийная команда не собирались сохранять социализм при всех

клятвах верности делу Ленина. М. С. Горбачёв, став генеральным секретарем КПСС в 1985 г., начал прежде всего с чистки верхушки её кадров. Почти два года М. С. Горбачёву не удавалось провести в руководство партией А. Н. Яковлева – этому противилось руководство КГБ СССР. В КГБ были донесения на А. Н. Яковлева как о завербованном агенте ЦРУ, но документально доказать это не было возможности. Пользуясь этим аргументом и слабостью КГБ, М. С. Горбачёв в итоге назначил его одним из организаторов перестройки. И эти организаторы начали разваливать политическую и экономическую систему страны.

Когда М. С. Горбачев говорил «революция продолжается» и определял перестройку как революцию, не имел ли он в виду то что в исторической традиции понимается как «революции сверху» или, как выражался итальянский марксист А. Грамши, «пассивная революция»? Однако настоящие революции сверху происходят, когда исторически назревшие преобразования, которые не были осуществлены массовым движением, в конечном счете, осуществляются элитами. Но речь идет именно о революции, которая имеет отношение к прогрессу. Такая революция сверху в отношении к движению масс выступает как контрреволюция. Даже в виде контрреволюции революция сверху всегда прогресс, или, как полагали марксисты и научные социалисты, это «локомотивы истории». Однако в перестройку это была не революция сверху и даже не контрреволюция по аналогии со сталинской контрреволюцией. После горбачевской контрреволюции сверху началась ельцинская Реставрация.

Мы согласимся здесь с позицией Б. Ю. Кагарлицкого, определившего постперестроечные преобразования не как реформы, но как Реставрацию: «В 1990–99 гг. в России происходила не „реформа“ и уж тем более не „революция“. Это была Реставрация. Эта Реставрация была закономерным продолжением политического цикла, начатого русской революцией 1917 г. Ельцинская Россия, объявив себя преемником России царской, повторила многие черты ее отсталости. Режим реставрации оказался во многом пародийным, фарсовым. Его лидеры – комическими, почти опереточными персонажами. Но миллионам людей, оказавшихся под их властью, было явно не до смеха» [7, с. 5]. Сотни миллионов людей в одночасье, если судить по аналогии с Веймарской Германией, оказались в Беловежской России. В одно-

часье – в одну ночь, в один 1991 год, когда состоялся и референдум о сохранении СССР, и когда СССР был разрушен.

Прогноз, который в 2000 г. дал Б. Ю. Кагарлицкий, через два десятилетия получает подтверждение: «Режим реставрации естественным образом превращается из либерального в консервативный, из „реформаторского“ в традиционалистский. Он становится все более авторитарным, ибо иным способом он выжить не может. Все это так же закономерно, как и крушение советской системы. Но история продолжается. Реставрация по-своему продолжает развитие революции, создавая предпосылки для нового революционного цикла. После реставрации и в Англии и во Франции последовали „славные революции“ (во Франции даже несколько революций в течение полувека). Россия явно не будет в этом смысле исключением» [7, с. 11]. Главный урок событий превращения контрреволюции в Реставрацию и начало нового революционного цикла в том, что «нет капиталистического решения для проблем России» [7, с. 373].

Не согласимся со многими современными учеными, полагающими, что любая успешная попытка преодоления кризиса неизбежно приведет к социализму: мы знаем – социализм автоматически не придет как восход солнца. Любое новое общество приходит в результате новых революционных циклов истории. Будущее общество рождается в повторяющемся цикле культурной революции, культурной контрреволюции и реставрации, то есть прогресса, регресса и повторения. Или, говоря языком диалектики, будущее рождается, а прошлое погибает как моменты единого процесса возникновения и прехождения в результате прогрессивного тезиса как утверждения, реакционного антитезиса как отрицания и синтеза как повторения на новом этапе прошедших стадий развития.

Б. Ю. Кагарлицкий, объявленный иностранным агентом в 2022 г., на самом деле был врагом левых сил и российской государственности. Парадоксально, что коммунистическая КНДР и капиталистическая Россия оказались в 2023 г. в одном окопе антиимпериалистической борьбы и это обстоятельство не мог предвидеть Б. Ю. Кагарлицкий, хотя и сводил особенности современной классовой борьбы к борьбе дискурсивной.

В книге 2017 г. он писал, в частности, о происхождении БРИКС: «Элиты России, Китая, Индии и Бразилии, преодолев первоначальную панику, вызванную событиями 2008 г., настроены были исполь-

зывать кризис для пересмотра в свою пользу глобального баланса политических сил. Основание для таких надежд давали не только сравнительно высокие (особенно на фоне стагнации Запада) темпы роста промышленности, но и масштабы производства, относительная стабильность валют и размеры рынков в этих странах, а также претензии на региональную гегемонию. Все перечисленные государства оставались региональными лидерами, обладающими значительным военным, политическим и интеллектуальным потенциалом. Западные журналисты объединили эти страны в единую группу БРИК: Бразилия, Россия, Индия, Китай. Позднее сюда же присовокупили и Южную Африку, после чего возникла новая аббревиатура – БРИКС (BRICS, где „S“ for South Africa).

Лидеры перечисленных стран отнеслись к изобретению журналистов с крайней серьезностью, начав проводить многосторонние консультации, встречи на высшем уровне и запустив совместные проекты. Было принято решение организовать совместный банк и другие структуры, призванные в перспективе стать если не заменой, то во всяком случае дополнением к системе институтов, созданных Западом после Второй мировой войны. Однако несмотря на постоянно звучавшую критику существующего мирового порядка, оставалось совершенно неясным, чем этот порядок должен быть заменен, на каких основаниях реформирован. Подобное противоречие являлось совершенно закономерным следствием положения самих правящих классов и господствующих элит БРИКС» [8, с. 10–11].

Автор известен в узких кругах западных гошистов и отечественных леваков – на обложках его книг отмечено: «директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО), профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН) и главный редактор интернет-журнала „Рабкор“, автор книг по политологии, социологии и истории». Между тем президент РФ его не знает. ТАСС сообщило: «Президент РФ Владимир Путин заявил, что никогда не слышал фамилий политолога Бориса Кагарлицкого (признан в РФ иноагентом) и режиссера Евгении Беркович, об аресте которых его спросили. „Я могу честно сказать – я не знаю даже, о ком вы говорите. Я фамилии эти слышу в первый раз и не очень понимаю, что они сделали, что с ними сделали“, – ответил он на вопрос об аресте Кагарлицкого и Беркович.

«У нас 2023 [год], и Российская Федерация находится в состоянии вооруженного конфликта с соседом. Думаю, что определенное отношение к тем людям, которые наносят определенный ущерб внутри страны, должно быть», – сказал он, отвечая на вопрос о том, что Кагарлицкого и Беркович арестовали «за написанные слова».

„На Украине за это расстреливают, ну не за это, а за подобное – вы знаете о том, что там просто убили несколько человек, стоило им только рот открыть, даже участника переговорной группы со стороны Украины“, – отметил президент» [9].

Директор Института США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН В. Н. Гарбузов (снят с должности 1 сентября 2023 г.), член-корреспондент РАН написал скандально известную статью предателя-власовца об утраченных иллюзиях уходящей эпохи. Статья названа претенциозно: «Для самопознания России необходимы знания, а не мифы» [10]. Автор обвиняет Россию во внешнеполитическом экспансионизме, в СССР – в советской мифологии и распространении мифа о мировом коммунизме. Он пишет: «Каждый раз идеологические шараханья несменяемой советской партийно-государственной верхушки, погружая общество в мир иллюзий, вели к созданию ложной картины мира». Говоря об изменении природы современного капитализма в лучшую сторону, автор показывает себя антикоммунистом, антисоветчиком, прокапиталистом и русофобом. И не надо четырех слов – это одно и то же. Антисоветизм и есть русофобия.

Антикоммунизм автора малограмотный – полное непонимание диалектического и исторического материализма, незнание основ научного коммунизма делает его пещерным антисоветчиком. Незнание основ марксизма ставит вопрос о всех прочих идеологических выводах автора. Вот что он пишет: «Главными отрядами антиимпериалистического движения объявлялись три основных освободительных потока: страны социалистического лагеря, мировое коммунистическое движение и национально-освободительное, антиколониальное движение, усилиями которых и должна быть разрушена мощная империалистическая плотина, препятствующая прогрессу человечества». Терминология тут просто неверная: никакого «антиимпериалистического движения» партия не фиксировала, об отрядах этого движения не могло быть и речи, «три основных освободительных потока» филологический неологизм автора. «Страны социалистиче-

ского лагеря» – использовался термин мировая система социализма. «Мировое коммунистическое движение» – так не говорилось, только международное коммунистическое движение. Автор не упоминает международное рабочее движение, а «национально-освободительное, антиколониальное движение» именовалось только как национально-освободительное движение. Такие смысловые и терминологические ошибки обнаруживаются и в сфере авторского понимания эволюции капитализма. И так до конца статьи, которая государственными органами России была оценена по достоинству. Впрочем, в советскую эпоху за такие выступления применялась иная мера наказания как высшая мера социальной защиты.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1981. т. 41. – 696 с.
2. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ГИПЛ, 1963. т. 6. – 619 с.
3. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 26. – 590 с.
4. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1973. т. 38. – 567 с.
5. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 38. – 726 с.
6. Фицпатрик Ш. Русская революция / пер. с англ. Н. Эдельмана. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 320 с.
7. Кагарлицкий Б. Ю. Реставрация в России. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 376 с. (Иностраннный агент)
8. Кагарлицкий Б. Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 280 с. – (Политическая теория).
9. Путин заявил, что никогда не слышал фамилий Кагарлицкого и Беркович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/18404229?ysclid=lkvzfzvjct5423523292>
10. Гарбузов В. Н. Для самопознания России необходимы знания, а не мифы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/ideas/2023-08-29/7_8812_illusions.html

2.6. О ЗНАЧЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДСТВА И НЕОБХОДИМОСТИ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Весь XX век в истории шло соревнование двух миров. Оба общественных устройства были исторически обречены и социализм, двинувшись в сторону капитализма погиб, а капитализм двигаясь к социализму модернизировался и уничтожил рыночную экономику. Сегодня в дни XX съезда КПК очевидна не стабилизирующая роль рыночной экономики, но руководящая роль партии в построении социалистического общества с элементами коммунизма. Именно по этому пути после Октябрьской революции пошли социалистические цивилизации Азии. Спасет ли Россию политический поворот влево и новый экономический курс – смешанная рыночная экономика, регулируемая государством? Эти меры расположены в русле капиталистического развития, а ведь история уже более столетия о связывал силу и мощь социалистического государства с развитием новой культуры, с организационной и культурной мощью рабочего класса. Продвижение России и иных стран к социализму можно осуществить лишь постепенно, по мере повышения культурного уровня населения.

На протяжении всего XX столетия шло соревнование двух миров. «Два мира – две системы»: такая рубрика часто присутствовала в советских газетах. Материалы в ней свидетельствовали о двух противоположных образах жизни и предполагалось, что в этом соревновании развивающегося социализма и умирающего капитализма есть predetermined историей исход. К концу перестройки появились парадоксальные оценки этого состязания: «две дороги – к одному обрыву» (И. Р. Шафаревич) [1]. Затем патриотические ученые и публицисты стали полагать, что обе дороги ведут к «схватке скелетов над пропастью» и в наши дни у А. И. Фурсова с учетом того обстоятельства, что наша Родина стала капиталистической возникает иной образ гибельности капиталистического развития: «Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью?» [2].

Оба общественных устройства были обречены, как считает А. П. Бутенко: «их дальнейшее функционирование не обеспечивало уже возможного и необходимого общественного прогресса, но эта обреченность тут и там была неодинаковой. Если капитализм шел

к своему закату из-за естественноисторического исчерпания еще имевшихся возможностей своей экономической основы – рыночной экономики, то в отличие от этого общественное устройство, называвшее себя социализмом, было обречено на фиаско совсем по другой причине – из-за исторического забегания, когда преждевременное и насильственное упразднение рынка, рыночной экономики, еще не изжитой здесь, лишило это общественное устройство адекватной экономической основы, содержащей необходимые механизмы поступательного развития» [3].

У автора получается, что XX в. заполнен странностями этого «предсмертного состязания», когда отживший строй пытается «омолодиться», успешно заимствуя у будущего кое-какие механизмы (социальную политику, государственное регулирование экономики и т. п.), а только возникающее в муках преждевременных родов общественное устройство оздоравливает и укрепляет себя, периодически возвращаясь к механизмам и принципам столь непродуманно оставленного и разрушенного прошлого.

Корреспондент «Литературной газеты» еще в 1996 г. задал вопрос американскому экономическому аналитику критику рыночного капитализма Илье Ставинскому: «что же получается – мы идем к капитализму, а вы – Запад – к социализму? На это экономист ответил в том духе, что дуракам закон не писан! И тогда наш обескураженный корреспондент, стремясь как-то уязвить И. Ставинского, снова спросил: не добивается ли И. Ставинский создания в США Госплана?» Собеседник ответил: «Госплан пытался планировать все производство через денежные фонды, отпускаемые каждому предприятию. Госплан приветствовал стоимостное перевыполнение плана, которое нередко выливалось в производство товаров, не удовлетворявших запросы общества или попросту ему не нужных. Общественный капитал (который, по мнению И. Ставинского, должен заменить частный капитал) планирует производство предметов потребления и средств труда не в стоимостной, а натуральной форме» [4].

Что здесь правда? Правда то, что наши предки – творцы Великого Октября были уверены, что рыночная экономика и капиталистическое общество исчерпали свой лимит в истории. Ложно то, что эта вера была ненаучна и иллюзорна. Неверно то, что мировой социализм вырос из этой веры – на самом деле он родился в ходе практической

деятельности масс под руководством коммунистических партий и социалистических государств. Неверно, следовательно, объявление мирового социализма как «преждевременного порождения человеческой истории». Автор уверяет, что рыночная экономика еще не изжила себя тогда, и значит через столетие она также необходима. Аргументация автора такова: «наука еще только становилась непосредственной производительной силой». Сомнительный вывод автора основан на том, что в СССР в принципе не было рыночной экономики: «Как теперь очевидно, гражданам Советского Союза, да и других стран пришлось дорого заплатить за неудачный опыт (1917–1985 гг.) преждевременного отказа от рыночной экономики, а в 1985–1997 гг. за бездарность тех, кто не понял смысла необходимого возвращения. Ведь совершенно ясно, что главная беда наша состояла в исторически слабом развитии индивидуального потребления, в его нерыночном регулировании. Восстанавливая рыночную экономику, это следовало делать именно посредством расширения индивидуального потребления большинства граждан, спрос которых – ключевая часть внутреннего рынка. Ельцинско-гайдаровская команда реформаторов не поняла этого!» [3].

А. П. Бутенко уже не застал в цветущем виде опыт развития социализма с китайской спецификой. И сегодня в год исторического XX съезда КПК (октябрь 2022 г.) очевидна не стабилизирующая роль рыночной экономики, но руководящая роль партии в построении счастливого социалистического общества с элементами коммунизма. Именно по этому пути пошли социалистические цивилизации Азии и именно этим путем в отличие от Мировой системы социализма Восточной Европы уже построены первые окончательно победившие внутренних врагов социалистические общества.

Спасет ли Россию политический поворот влево и новый экономический курс или если как считают американские экономисты нам нужно отбросить курс принудительной капитализации и отказаться от вестернизации? Спасет ли социально ориентированная смешанная рыночная экономика, регулируемая государством? Мы полагаем, что все эти меры расположены в русле капиталистического развития, а ведь В. И. Ленин непосредственно связывал силу и мощь нашего государства с развитием советской культуры, с организационной и культурной мощью рабочего класса. В своём плане политического доклада на XI съезде партии В. И. Ленин раскрыл по-

нятие Советского государства так: «государство = рабочий класс, его авангард, его выкристаллизованная организационная и культурная мощь». В контексте набросков плана это звучит следующим образом: «Госкапитализм». Схоластическое понимание? Нет. Не тот, который был при капитализме, а новое понятие, ибо новое явление. Государство = рабочий класс, его авангард, его выкристаллизованная организационная и культурная мощь» [5, с. 412]. Мы видим здесь блестящее решение проблемы В. И. Лениным – государство понимается как новый госкапитализм, управляемый рабочим классом.

Вопросу об отношении пролетариата и его партии, партии большевиков, к культурному наследству прошлого В. И. Ленин придавал всегда огромное значение. Зарубежные исследователи в отличие от бывших советских марксистов и научных коммунистов дают более научно обоснованную и не идеологизированную картину построения социализма. Так, Ш. Фицпатрик пишет: «в конце 1920-х гг. Россию постигло новое потрясение – сталинская „революция сверху“, включавшая ускоренную индустриализацию в годы Первой пятилетки, коллективизацию сельского хозяйства и „культурную революцию“, направленную в первую очередь против старой интеллигенции, – которое оказало на общество даже большее влияние, чем Февральская и Октябрьская революции 1917 г. и Гражданская война 1918–1920 гг. Лишь после того, как в начале 1939 г. это потрясение завершилось, стали заметными признаки классического Термидора: снижение революционного пыла и воинственности, новый политический курс, направленный на восстановление порядка и стабильности, возрождение традиционных ценностей и культуры, укрепление новой политической и социальной структуры» [6, с. 16]. Она отмечает далее, что «По мнению некоторых исследователей, Ленин в последние годы своей жизни (он умер в 1924 г.) пришел к убеждению в том, что дальнейшее продвижение России к социализму можно осуществить лишь постепенно, по мере повышения культурного уровня населения» [6, с. 17].

Исторически мотивом к культурной революции было объявлено «предательство буржуазной интеллигенции», о котором заявил И. В. Сталин в связи с Шахтинским делом. Ш. Фицпатрик в связи с этим четко зафиксированным историческим обстоятельством пишет: «Пролетарский аспект культурной революции получал серьезное

содержание в связи с политикой „пролетарского выдвижения“ (советской программой „позитивной дискриминации“ в пользу рабочих и крестьян), энергично осуществлявшейся режимом в те годы. Как заявил Сталин по поводу Шахтинского дела, предательство буржуазной интеллигенции сделало необходимым ее скорейшую замену кадрами пролетарского происхождения. От старой дихотомии „красные – специалисты“ следовало отказаться. Настало время для того, чтобы советский режим обзавелся своей собственной интеллигенцией (под этим термином Сталин понимал и административную элиту, и специалистов), причем источником этой новой интеллигенции должны были стать низы общества, и в первую очередь городской пролетариат» [6, с. 261–262].

Ранее она показывала: «Культурная революция была инициирована партийным руководством – или, точнее, сталинской фракцией в руководстве, – весной 1928 г., когда объявление о предстоящем Шахтинском процессе было дополнено призывом к коммунистической бдительности в культурной сфере, переоценке роли буржуазных специалистов и пресечению претензий старой интеллигенции на культурное превосходство и лидерство. Эта кампания была тесно связана с борьбой Сталина против правых. Правых уклонистов выставляли защитниками буржуазной интеллигенции, чрезмерно полагавшимися на советы беспартийных специалистов, слепыми к влиянию специалистов и бывших царских чиновников на управленческие структуры и склонными к заражению „гнилым либерализмом“ и буржуазными ценностями. Предполагалось, что они отдают предпочтение бюрократическим методам перед революционными и ставят государственный аппарат выше партии. Более того, в них видели возможных европеизированных интеллектуалов, утративших контакт с пролетарскими низами партии» [6, с. 257].

Задача заключалась в призывании широких низов истории к сознательному участию в сознательном творчестве нового общества. В. И. Ленин разоблачал противников марксизма, приказчиков буржуазии из лагеря ревизионистов, изо всех сил старавшихся доказать, что марксисты нигилистически относятся к завоеваниям культуры, к городам, как средоточиям и центрам культуры. В. И. Ленин разоблачил жульнические махинации «критиков» марксизма, их бесплодные потуги представить марксистский идеал об уничтожении противо-

положности между городом и деревней как желание низвести городскую культуру до уровня отсталой деревни. Как раз наоборот, говорил Ленин, марксистский идеал ликвидации противоположности между городом и деревней означает ликвидацию деревенской отсталости, отчужденности от культуры.

«Что социал-демократы умеют ценить историческую заслугу великих центров энергии и культуры, – писал Ленин в работе „Аграрный вопрос и „критики Маркса“, – это они доказывают своей непримиримой борьбой против всего, что прикрепляет к месту население вообще, крестьян и сельских рабочих в частности... Но решительное признание прогрессивности больших городов в капиталистическом обществе несколько не мешает нам включать в свой идеал... уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал „идиотизмом деревенской жизни“» [5, с. 150].

В своих трудах В. И. Ленин доказал, что пролетариат не может выполнить исторической роли авангарда в борьбе за демократию и социализм, если он не будет опираться в революционной, преобразовательной деятельности на все прогрессивные завоевания человеческой культуры. Доклад «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификацией, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства» председателя КНР Си Цзиньпина на 20 Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. акцентировал внимание во втором пункте краткого текста отчетного доклада на требованиях и перспективе «открывать новые горизонты в китаизации и осовременивании марксизма» [7]. Полный текст доклада опубликован позднее, и это станет важнейшим событием в политической и культурной жизни Красного Китая, мирового сообщества суверенных стран, противостоящих всем формам гегемонизма, гибридной войны и вмешательства в жизнь народов.

Список использованной литературы

1. Шафаревич И. Р. Русофобия; Две дороги – к одному обрыву / И. Р. Шафаревич. – М.: Товарищество рус. художников, 1991. – 142 с.
2. Фурсов А. И. Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью? Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospisatel.ru/fursov2.htm>
3. Бутенко А. П. Философия истории и XX столетие (эскиз новой концепции) // Философия и общество. Выпуск № 5. 1997.
4. Чепоров Э. Мировая экономика беременна общественным капиталом. Американский экономист выдвинул идею неизбежных перемен в эпоху роботизации // Литературная газета, 7 февраля 1996 г.
5. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 45. – 726 с.
6. Фицпатрик Ш. Русская революция / пер. с англ. Н. Эдельмана. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 320 с.
7. Доклад председателя КНР Си Цзиньпина на 20 Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года – Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификацией, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kt.kz/rus/press-materialy/doklad_na_20_vsekitayskom_s_езде_kommunisticheskoy_partii_1377941342.html

Глава 3. ПУТИ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

3.1. Планы и пути строительства социализма: ОПЫТ ИСТОРИИ И ВОЗМОЖНОСТИ БУДУЩЕГО

После революции советская республика оказалась перед выбором: идти к рыночному социализму и на этом пути преодолевать частную собственность, или устранять рыночную экономику и отменять частную собственность. Большевики были вынуждены прибегнуть к военному коммунизму, так же как затем они применили методы НЭПа для оживления экономики. В. И. Ленин в статье «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» обратил внимание на поверхностное представление о «введении социализма», которое как кажется пошлякам, предполагает два пути к социализму: товарное и бестоварное административное. Запуганные крахом старого буржуа пользовались представлением о «введении социализма», которое они приобрели «понаслышке», хватая обрывки социалистического учения. И через столетие эта концепция приписывает классикам марксизма надежду, что освобождение труда приведет к утверждению бестоварного нерыночного социализма и коммунизма. Но классики не использовали термин социализм и не связывали социализм с бестоварным обществом. Мы видим здесь либеральную критику социализма как неправильного и призыв к respectable социализму – товарному и не нуждающемуся в командно-административной системе. На самом деле концепция социализма сформулирована во второй программе партии и не менялась в зависимости от вынужденности военного коммунизма и НЭПа, а И. В. Сталин допускал развитие денег и товарного производства при социализме с ограничением частной собственности.

Ленинское положение о решающей роли большевистской партии, Советского государства в строительстве новой социалистической культуры и руководстве ею было подтверждено всем опытом культурного строительства в СССР. Через 70 лет крушение СССР совпало в общественных науках с объявленным упадком сталинской «формационной пятичленки»: эти события были поняты как окончательная гибель социализма и крушение Марксовой философии истории

в объявленном Ф. Фукуямой «конце истории». На этом фоне не замеченным оказалось быстрое движение к гибели частной собственности и рыночной экономики Запада.

Само движение российской истории было таковым, что после Красного Октября в условиях иностранной интервенции и гражданской войны молодая советская республика оказалась перед выбором: идти к рыночному социализму и на этом пути преодолевать частную собственность (в гегелевском смысле – *Aufhebung*), или устранять рыночную экономику и на этой основе отменять частную собственность? В обстановке гражданской войны и костлявой руки голода большевики завершили задачи демократической революции с помощью рыночной экономики и госкапитализма, создающих европейские цивилизационные предпосылки для перехода к социализму.

В статье для газеты «Правда» с симптоматическим названием «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» В. И. Ленин писал: «Большевики уже два месяца у власти, а вместо социалистического рая мы видим ад хаоса, гражданской войны, еще большей разрухи». Так пишут, говорят и думают капиталисты вместе с их сознательными и полусознательными сторонниками. Большевики только два месяца у власти, – ответим мы, – а шаг вперед к социализму сделан уже громадный. Не видит этого тот, кто не хочет видеть или не умеет оценивать исторические события в их связи. Не хотят видеть, что за несколько недель разрушены почти до основания недемократические учреждения в армии, в деревне, на фабрике. А иного пути к социализму, кроме как через такое разрушение, нет и быть не может. Не хотят видеть, что за несколько недель на место империалистской лжи во внешней политике, затягивавшей войну и прикрывающей грабеж и захват тайными договорами, поставлена действительно революционно-демократическая политика действительно демократического мира, давшая уже такой крупный практический успех, как перемирие и увеличение во сто крат пропагандистской силы нашей революции. Не хотят видеть, что рабочий контроль и национализация банков начали проводиться в жизнь, а это именно и есть первые шаги к социализму.

Не умеют понять исторической перспективы те, кто придавлен рутиной капитализма, оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, „хаосом“ (кажущимся хаосом) разваливающихся и проваливающихся вековых построек царизма и буржуазии, запуган доведением

классовой борьбы до крайнего обострения, ее превращением в гражданскую войну, единственно законную, единственно справедливую, единственно священную, – не в поповском, а в человеческом смысле слова священную войну угнетенных против угнетателей за их свержение, за освобождение трудящихся от всякого гнета. В сущности, все эти придавленные, оглушенные, запуганные буржуа, мелкие буржуа и „служащие при буржуазии“ руководятся, часто сами не сознавая этого, тем старым, нелепым, сентиментальным, интеллигентски-пошлым представлением о «введении социализма», которое они приобрели „понаслышке“, хватая обрывки социалистического учения, повторяя перевираание этого учения невеждами и полужайками, приписывая нам, марксистам, мысль и даже план „ввести“ социализм» [1, с. 191–192].

Ревизионисты, оппортунисты и левые уклонисты-троцкисты исто-во верили в существование плана введения социализма. «Теоретическая ошибка правящей партии, – писал Л. Д. Троцкий в 1936 г., – останется, однако, совершенно необъяснимой, если оставить без внимания, что все тогдашние расчеты строились на ожидании близкой победы революции на Западе. Считалось само собой разумеющимся, что победоносный немецкий пролетариат, в кредит под будущие продукты питания и сырье, будет снабжать советскую Россию не только машинами, готовыми фабричными изделиями, но и десятками тысяч квалифицированных рабочих, техников и организаторов. И, нет сомнения, если б пролетарская революция восторжествовала в Германии, – а ее победе помешала только и исключительно социал-демократия, – экономическое развитие Советского Союза, как и Германии, пошло бы вперед столь гигантскими шагами, что судьба Европы и мира сложилась бы к сегодняшнему дню неизмеримо более благоприятно» [2, с. 22–23].

Сам В. И. Ленин далее продолжил мысль об отсутствии таких планов: «Нам, марксистам, такие мысли, не говоря о планах, чужды. Мы всегда знали, говорили, повторяли, что социализма нельзя „ввести“, что он вырастает в ходе самой напряженной, самой острой, до бешенства, до отчаяния острой классовой борьбы и гражданской войны, – что между капитализмом и социализмом лежит долгий период „родовых мук“, – что насилие всегда бывает повивальной бабкой старого общества, – что переходному периоду от буржуазного к социалистическому обществу соответствует особое государство

(т. е. особая система организованного насилия над известным классом), именно: диктатура пролетариата. А диктатура предполагает и означает состояние придавленной войны, состояние военных мер борьбы против противников пролетарской власти. Коммуна была диктатурой пролетариата, и Маркс с Энгельсом ставили в упрек Коммуне, считали одной из причин ее гибели то обстоятельство, что Коммуна недостаточно энергично пользовалась своей вооруженной силой для подавления сопротивления эксплуататоров» [2, с. 192].

Переход от «военного коммунизма» к НЭПу, по видимости к рыночному социализму, на самом деле не менял сущность концепции социализма во второй программе партии. Военного коммунизма как насильственное введение социализма – это видимость и поверхность общественной жизни. В этой видимости существуют профессора, метущие метлами улицы, городские обыватели на разгрузке вагонов, продрозверстка. Аналогично и НЭП не был возвратом к рыночной экономике. А. П. Бутенко в статье «Философия истории и XX столетие (эскиз новой концепции)» строит свою концепцию двух путей к социализму на том, что принимает явление за сущность: «Найденный с помощью НЭПа путь преодоления *исторического забегания* был заменен сталинской схемой „построения социализма любой ценой“, посредством насильственного устранения неизжитых социально-экономических форм и утверждения сталинского тоталитаризма в СССР и за его рубежами. Этот выход на бездорожье вел к неизбежному фиаско этого псевдосоциалистического общества» [3].

Концепция имеет изъян в том, что приписывает классикам марксизма надежду, что освобождение труда в результате социальной революции приведет к «утверждению бестоварного нерыночного социализма и коммунизма». Дело в том, что классики не использовали термин социализм и не связывали тем более социализм с бестоварным обществом. Автор пишет: «Надежды Маркса и Энгельса на то, что уже в XIX в. будут налицо условия для исчерпания возможностей рыночной экономики и капитализма, что социальная революция рабочего класса, осуществляя освобождение *труда*, вот-вот приведет к утверждению бестоварного нерыночного социализма и коммунизма, не соответствовали уровню развития производительных сил и тем возможностям их дальнейшего прогресса, которыми еще располагал капитализм. Еще в большей мере не соответствовали реальным

условиям утопические надежды осуществить идеалы бестоварного, нерыночного социализма в Советском Союзе на фундаменте тогдашнего уровня его производительных сил» [3].

Такая конструкция обвинения социализма как сталинской версии командно-административной системы с отрицанием товарности нужно для объяснения метаморфозы капитализма: «Маркс предполагал, что гибель капитализма в силу его внутренних антагонизмов и исчерпание возможностей рыночной экономики из-за превращения науки в непосредственную производительную силу, главный двигатель общественного прогресса и главный создатель общественного богатства – совпадут по времени. Именно поэтому социализм рисовался как нерыночное бестоварное хозяйство. Но жизнь не подтвердила это предположение: капитализм стал рушиться раньше, чем исчерпала себя рыночная экономика. Вовсе не утопизм социализма, о чем постоянно твердят прилипшие к микрофонам и телекамерам официальные демократы, а историческое забегание в продвижении к нему России, где не было ни объективных, ни субъективных предпосылок для „введения социализма“ (о чем на протяжении всего 1917 г. говорил и писал Ленин), стало исходным пунктом драматического послеоктябрьского развития революционных сил в XX в. Беды нашей истории не опровергли, а подтвердили марксизм, мысли Маркса и Энгельса о том, что любая страна, где частная собственность и рынок не изживают себя, а насильственно и преждевременно упраздняются, вовсе не встает на путь к социализму, а уходит от него, оказывается на бездорожье, превращается в пленницу „казарменного коммунизма“, где внешние атрибуты социализма сочетаются с повсеместным отрицанием личности человека» [3].

Для автора административно организованное устройство общества несет новые – государственно-бюрократические формы эксплуатации и гнета, низводящие личность до выдрессированной рабочей силы, «винтика» бюрократической машины. Автор настаивает: подобный псевдосоциализм обречен! Он должен был пасть и пал во всех европейских странах «реального социализма», не сумевших вовремя восстановить еще не изжитую рыночную экономику, ее принципы хозяйствования и столь необходимые здесь механизмы устойчивого экономического роста, и соответствующие политические структуры. Мы видим здесь чисто либеральную идеологическую критику соци-

ализма как неправильного и призыв к респектабельному социализму – товарному и не нуждающемуся в командно-административной системе. Теперь посмотрим на термин социализм, который классики марксизма никогда не употребляли даже для обозначения неразвитого незрелого коммунизма.

Ф. Энгельс писал в Предисловии к английскому изданию «Манифеста коммунистической партии» 30 января 1883 г., то есть уже после кончины К. Маркса: «И все же, когда мы писали его, мы не могли назвать его социалистическим манифестом. В 1847 г. под именем социалистов были известны, с одной стороны, приверженцы различных утопических систем: оуэнисты в Англии, фурьеристы во Франции, причем и те и другие уже выродились в чистейшие секты, постепенно вымиравшие; с другой стороны, – всевозможные социальные знахари, обещавшие, без всякого вреда для капитала и прибыли, устранить все социальные бедствия с помощью всякого рода заплат. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у „образованных» классов. А та часть рабочего класса, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и провозглашала необходимость коренного переустройства общества, называла себя тогда коммунистической. Это был грубоватый, плохо отесанный, чисто инстинктивный вид коммунизма; однако он нащупывал самое основное и оказался в среде рабочего класса достаточно сильным для того, чтобы создать утопический коммунизм: во Франции – коммунизм Кабе, в Германии – коммунизм Вейтлинга. Таким образом, в 1847 г. социализм был буржуазным движением, коммунизм – движением рабочего класса.

Социализм, по крайней мере на континенте, был «респектабельным», коммунизм – как раз наоборот. А так как мы с самого начала придерживались того мнения, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», то для нас не могло быть никакого сомнения в том, какое из двух названий нам следует выбрать. Более того, нам и впоследствии никогда не приходило в голову отказываться от него [4, с. 366–367]. Уточним, что В. И. Ленин объявил себя коммунистом с 1914 г. Это было связано с началом Первой Мировой войны, когда германские социал-демократы поддержали в рейхстаге кайзеровское правительство, проголосовали за войну. В результате этого потрясающего социалистов всего мира события

встал вопрос о квалификации социализма в новом XX столетии. Поверхностные подходы невозможны и тут начинается исследование новых исторических процессов. А. А. Майсурия передает первый вывод В. И. Ленина так: «Это конец II Интернационала, – сказал Ленин. – С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом» [5, с. 184]. С этого момента поверхностные оценки социализма становятся невозможными в науке, но в общественном сознании и публицистике они начинают превалировать.

Югославский ревизионист М. Джилас в Предисловии к известной книге М. Восленского «Номенклатура» писал: «Я хотел бы присоединиться к М. С. Восленскому, сказав: советская система не располагает никакими сколько-нибудь значительными или обнадеживающими внутренними способностями к подлинно радикальной реформе этой системы, а отсталость и коррупция неумолимо толкают ее к экспансии» [6, с. 11]. Как он дошел до этого вывода? Вот путь схоластического метафизического мышления бывшего соратника маршала Тито, М. Джиласа не о социализме, но о диктатуре как средстве его построения: «С самого начала идея власти, диктатуры стала характерной чертой советской системы во всех ее проявлениях. Ленин определяет государство как дубинку, как инструмент создания нового, социалистического общества и нового человека эпохи социализма. Вообще говоря, эта теория основана на идеях Маркса, на его учении о производительных силах и производственных отношениях как основе не только общественной структуры, но и самого существования человека. Однако ленинская теория отходит от идей Маркса, как только начинает рассматривать в качестве фундамента марксистской доктрины революции и власть – „диктатуру пролетариата“, а не преодоление бесчеловечных, гнетущих условий жизни общества. Признав принцип, что власть – основа всего в обществе, и узаконив насилие (Ленин определял диктатуру как власть, не ограниченную никакими законами), нельзя было построить ничего иного, как общество, в котором властители – партийная бюрократия, номенклатура превращаются в привилегированную монополистическую касту. Конечно, Ленин считал это лишь временной формой, которая исчезает с „отмиранием“ государства» [6, с. 9].

Такой же формальный ход анализа был предпринят в работах А. П. Бутенко. Со времен перестройки автор, говоря, что «Сегодня нет

недостатка в признании того», что В. И. Ленин совершил ошибку сделав ставку на бестоварный социализм и насильственно вводя военный коммунизм [7, с. 67]. А. П. Бутенко полагает, что признать эту ошибку не представляет труда, поскольку сам вождь ее признал, но интересно, что автор обнаруживает две причины ошибки: гражданская война, голод, разруха и то что «В. И. Ленин следовал теории бестоварного социализма К. Маркса». И утверждает: «Эта причина раньше скрывалась или замалчивалась. Серия статей А. С. Ципко „Истоки сталинизма“ сломала лед в этой сфере» [7, с. 69]. Однако антикоммунист А. С. Ципко своими статьями в журнале «Наука и жизнь» [8] перенес внимание с того, что советский бестоварный социализм ведет свое начало от К. Маркса на «обвинение Маркса и марксизма в нашей казарменности». Круг замкнулся – творческий марксист и антикоммунист оказались бывшими неграмотными марксистами. К. Маркс никогда не говорил о нетоварном социализме и вообще не употреблял термин социализм – только коммунизм. Напомним, что с 1914 г. В. И. Ленин заявил о себе как о коммунисте и уже в 1919 г. был созван первый конгресс Коммунистического Интернационала. Кроме того, И. В. Сталин допускал развитие денег и товарного производства при социализме с ограничением частной собственности на средства производства. Нам предстоит провести более детальное изучение проблемы конкуренции двух формаций по поле товарного производства и обнаружить преимущества коммунистической формации по фоне изживания частной собственности и рынка по мере заката позднего капитализма.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 35. – 600 с.
2. Преданная революция / Л. Троцкий. – М.: НИИ культуры, 1991. – 254 с.
3. Бутенко А. П. Философия истории и XX столетие (эскиз новой концепции) // Философия и общество. Выпуск № 5. 1997.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1961. т. 21. – 745 с.
5. Майсурия А. А. Другой Ленин. М.: Вагриус, 2006. – 480 с.
6. Джилас М. Предисловие // Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Лондон. 1984. с. 7–12.
7. Бутенко А. П. Откуда и куда идем: Взгляд философа на историю советского общества / А. П. Бутенко. – Л.: Лениздат, 1990. – 287 с.
8. Ципко А. С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. № 11, 12. 1988. № 1,2,3. 1989.

3.2. ПЕРЕВОСПИТАНИЕ СТАРЫХ ПОКОЛЕНИЙ И ВОСПИТАНИЕ НОВЫХ: ОПЫТ СТАРОГО СОЦИАЛИЗМА И ЗАДАЧИ НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Переделка сознания людей, избавление их от вредных пережитков культур прошлого, от пережитков капитализма находит своё разрешение в условиях диктатуры пролетариата, в процессе социалистического строительства. Культурная революция явилась органической частью всего процесса построения социализма. Развитие социалистической культуры не стихийный процесс, а планомерно организованный и направляемый партией и советским государством. Руководство процессом культурного строительства показывает, что безграмотность не уживается с задачей восстановления творческих способностей поколений стремящихся к знанию мужчин и женщин, выросших при старом режиме и не получивших образования. Против руководящей роли партии и советского государства в культурном строительстве выступали пролеткультовцы, проводники идеалистической философии махизма. Исторический цикл развития капитализма не завершился столетие назад, ныне поздний капитализм представляет глобальную угрозу человечеству.

Классики марксизма-ленинизма, рассматривая пути созидания новой социалистической культуры, оставили нам образцы подлинно научного подхода к проблеме перевоспитания трудящихся и самого пролетариата. Диктатура пролетариата получает от капитализма не «чистеньких», «хорошеньких», социалистически воспитанных и культурных людей. Известно, что капитализм портит, калечит людей духовно, нравственно и физически, развращает их буржуазной идеологией. С этими людьми завоевавший власть пролетариат приступает к строительству новой жизни, ибо он твёрдо знает, что многомиллионные трудящиеся массы могут быть его союзниками в строительстве коммунизма несмотря на то, что они несут на себе родимые пятна крепостничества и капитализма. Задача диктатуры пролетариата состоит в том, чтобы привлечь к строительству социализма «тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе» – писал В. И. Ленин в 1919 г. в статье «Успехи и трудности Советской власти» [1, с. 54]. В контексте это звучит так: «Мы хотим построить социализм из тех людей,

которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз большие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов угнетенных крестьян, темных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведет умелую тактику, вокруг него объединиться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным мирозерцанием, есть военные специалисты, которые воспитались в буржуазных условиях, – и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических. Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя – все они брались из имущего класса; не из воздуха они упали!

Неимуший пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника – для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой» [1, с. 54].

Переделка сознания людей, избавление их сознания от вредных пережитков прошлых культур – от пережитков капитализма – всё это находит своё исторически оправданное разрешение в условиях диктатуры пролетариата, в процессе социалистического строительства. Великое историческое значение диктатуры пролетариата для создания новой культуры подчеркивает И. В. Сталин. Он рассматривал диктатуру пролетариата как целую историческую эпоху, преобразующую общественную жизнь людей. «Эта историческая эпоха, – писал И. В. Сталин, – необходима не только для того, чтобы создать хозяйственные и культурные предпосылки полной победы социализма, но и для того, чтобы дать пролетариату возможность, во-первых – воспитать и закалить себя, как силу, способную управлять страной, во-вторых – перевоспитать и переделать мелкобуржуазные слои в направлении, обеспечивающем организацию социалистического производства» [2, с. 112].

Одновременно с переустройством общественных условий жизни советских людей протекал процесс изменения их общественного

сознания. Ломались старые взгляды на государство, на собственность и труд, на семью и отношение к женщине, на взаимоотношения между людьми. Возникали новые взгляды и представления, новые устои морали, новые понятия человеческого достоинства. Облик советского человека, постепенно очищаясь от пережитков прошлого, приобретал всё более благородный характер. Опыт советской государственности и социалистического строительства, складывающиеся новые общественные отношения порождали новые представления, взгляды и понятия, новое мироощущение и миропонимание.

Коммунистическое мировоззрение стало входить в повседневную жизнь формирующегося советского народа. У широких слоев трудящихся в этот исторический момент строительства социализма из наличного культурного и человеческого материала возникает потребность осмыслить свою общественную деятельность, желание понять исторический путь, мысленно проникнуть в будущее. И перед советской интеллигенцией, перед работниками культуры раскрылись необъятные просторы деятельности и в момент построения основ социализма создаётся небывало благоприятная обстановка для образования новых материальных и духовных культурных ценностей, для научного и художественного творчества.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что развитие социалистической культуры после завоевания власти пролетариатом зависит прежде всего от хозяйственных успехов Советского государства, от наличия известных материальных средств производства, известной материальной базы. Построение этой базы и есть создание основ социализма, полной победы социализма. Окончательная победа социализма была объявлена после нашей победы в Великой Отечественной войне.

Таким образом, культурная революция явилась органической частью всего процесса построения социализма: только в процессе социалистического строительства находят своё разрешение основные проблемы культурной революции. Развитие общественного сознания, как известно, определяется материальными условиями жизни общества и отстаёт от развития экономики, ибо новые общественные отношения не сразу становятся понятными во всей их глубине и полноте всеми членами социалистического общества, не автоматически входят в быт, в сознание людей, в культуру. Нужно известное время

на осмысливание изменений, происшедших в материальных условиях жизни общества, на опосредствование и отражение новых условий в духовной культуре. Необходимо известное время на преодоление пережитков капитализма в сознании людей, после того как причины, породившие эти пережитки, уже перестали существовать.

С другой стороны, социалистическая сознательность, организованность и культурность народных масс в условиях диктатуры пролетариата оказывают огромное обратное воздействие, влияют на укрепление силы и мощи социалистического государства, на укрепление материальной базы социализма. И. В. Сталин учил партию и современников, что новые, передовые общественные идеи и теории имеют огромную организующую, мобилизующую и преобразующую силу. Надстройка, как писал И. В. Сталин, «становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис...» [3, с. 7].

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин отмечал: «Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому я имею прямое отношение. Поэтому я согласился дать ответ на ряд вопросов, поставленных товарищами.

Вопрос. Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?

Ответ. Нет, неверно.

Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка – это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения.

Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический – свою. Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка. Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки» [4, с. 104].

Далее И. В. Сталин утверждает, что надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего

базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно действует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы. Иначе и не может быть. Надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться от этой ее служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла свое качество и перестала быть надстройкой.

Считалось, что советская культура обслуживает социалистический базис, укрепляет советское общество, помогает нашему народу, решать великое дело построения коммунизма. Утверждалось, что советская культура воспитывает трудящихся в духе социалистической идеологии, братства и дружбы народов, в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, в духе беззаветной преданности делу коммунизма.

Развитие социалистической культуры – не стихийный процесс, а планомерно организованный и направляемый коммунистической партией и Советским государством. Клара Цеткин полагала, что «он был величайшим, гениальнейшим реальным политиком-революционером всех стран и времен» [5, с. 10]. Она вспоминает: В. И. Ленин в беседе с ней в 1920 г. указывал, что мы не можем стоять, сложа руки, и давать процессу развиваться, куда хочешь; мы должны вполне планомерно руководить процессом культурного строительства и формировать его результаты. Остановимся на этих ключевых в теоретическом отношении и малоизвестных воспоминаниях подробнее:

«Красный Октябрь, – сказал он мне однажды, – открыл широкий путь для культурной революции величайшего масштаба, которая осуществляется на основе начавшейся экономической революции, в постоянном взаимодействии с ней. Представьте себе миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к различным национальностям и расам и стоящих на различных ступенях культуры, – все они теперь устремились вперед, к новой жизни. Грандиозна задача, стоящая

перед советской властью. Она должна за годы, за десятилетия загладить культурный долг многих столетий. Кроме советских органов и учреждений, действуют для культурного прогресса многочисленные организации и объединения ученых, художников и учителей. Громаднейшая культурная работа проводится нашими профсоюзами на предприятиях, нашей кооперацией в деревне» [5, с. 25].

Далее автор повествует: «Случайно Ленин коснулся обсуждения одной блестящей балетной постановки в Большом театре. – Да, – с улыбкой заметил он, – балет, театр, опера, выставки новой и новейшей живописи и культуры – все это служит для многих за границей доказательством того, что мы, большевики, вовсе не такие ужасные варвары, как там думали. Я не отрицаю этих и подобных им проявлений общественной культуры, – я их вовсе не недооцениваю. Но, признаюсь, мне больше по душе создание двух-трех начальных школ в захолустных деревнях, чем самый великолепный экспонат на выставке. Подъем общего культурного уровня масс создаст ту твердую, здоровую почву, из которой вы растут мощные, неисчерпаемые силы для развития искусства, науки и техники. Стремление создавать культуру, распространять ее у нас необычайно сильно. Нужно признать, что при этом у нас делается много экспериментов, – наряду с серьезным у нас много ребяческого, незрелого, отнимающего силы и средства. Но, по-видимому, творческая жизнь требует расточительности в обществе, как и в природе. Самое важное для культурной революции со времени завоевания власти пролетариатом уже имеется: это пробуждение, стремление масс к культуре. Растут новые люди, созданные новым общественным строем и творящие этот строй» [5, с. 26].

К. Цеткин сообщает, и это очень важно, что «Ленин был проникнут сердечным, искренним сочувствием к этим широким массам. Их нужда, их страдания от болезненного булавочного укола до жестоких ударов дубиной, в их повседневной жизни, – все это болью отзывалось в его душе. Каждый отдельный случай, о котором он узнавал, свидетелем которого он был, являлся для него отражением участи многих, бесчисленных. С каким волнением рассказывал он мне в начале ноября 1920 г. о крестьянских ходаках, незадолго перед тем побывавших у него: Они были в лохмотьях, с тряпками на ногах и в лаптях. При теперешнем ненастье ноги их совсем промокли, посинели, замерзли. Разумеется, я распорядился чтобы им принесли обувь из военного

склада. Но разве этим можешь? Тысячи, десятки тысяч крестьян и рабочих ходят теперь с израненными ногами, невозможно всех их обути за счет государства. Из какого глубокого и страшного ада должен подняться, выбиться наш бедный народ! Дорога к его освобождению значительно труднее, чем дорога вашего германского пролетариата. Но я верю в его героизм, он выбьется! Ленин говорил сначала тихо, почти шепотом. Последнюю фразу он произнес громко, сжав губы, с выражением твердой решимости» [5, с. 28].

Очевидно, что руководящая роль партии и Советского государства в области формирования новой, социалистической культуры состоит прежде всего в утверждении и пропаганде научного мировоззрения пролетариата – марксизма-ленинизма как государственной идеологии, в дальнейшем обогащении революционной теории обобщённым опытом социалистического строительства и классовой борьбы. В этом процессе созидания нового общества партия и советское государство борются против враждебных идеологий и помогают деятелям культуры и широким кругам трудящихся нашей страны понять и усвоить коммунистические идеи. Советское государство сосредоточивает в своих руках все основные рычаги принципиального и практического руководства строительством социалистической культуры.

Созданию новых материальных и духовных культурных ценностей в нашей стране благоприятствовало то обстоятельство, что Советское государство заботилось о материальных интересах творческих работников науки и искусства. Деятели культуры в советских условиях свободны от необходимости приспособляться в своём творчестве к запросам капиталистического рынка, к вкусам эксплуататоров. Они имели полную возможность посвятить своё творчество народу, отдать свои способности делу построения коммунистического общества. По воспоминаниям Клары Цеткин В. И. Ленин в беседе с ней говорил, что в обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях; советская революция освободила художников от гнёта этих весьма прозаических условий, превратила Советское государство в их защитника и заказчика.

В тексте это звучит так: «Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры

мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий. Она превратила советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник, всякий, кто себя таковым считает, имеет право творить свободно, согласно своего идеала, независимо ни от чего. Но, понятно, мы – коммунисты. Мы не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты. Мы еще далеки от этого, очень далеки» [5, с. 33].

Сам В. И. Ленин полагал себя и партию свободными от требований буржуазных условностей и ожидания быть на уровне современных требований к искусству: «Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим „на высоте современной культуры“. Я же имею смелость заявить себя „варваром“. Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих „измов“ высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости» [5, с. 34].

Далее он говорил: «Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе. Я понимаю это, само собою разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры. Для того, чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень» [5, с. 35].

Далее в тексте идет буквально стенографический пересказ этого ночного разговора вождя: «Необъятно велика разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень. А, между тем, мы народ нищий, совершенно нищий. Конечно, мы ведём настоящую упорную войну с безграмотностью. Устраиваем библиотеки, „из-

бы-читальни“ в крупных и малых городах и сёлах. Организуем самые разнообразные курсы. Устраиваем хорошие спектакли и концерты, рассылаем по всей стране „передвижные выставки“ и „просветительные поезда“. Но я повторяю: что это может дать тому многомиллионному населению, которому недостает самого элементарного знания, самой примитивной культуры? В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек, а завтра ещё новых десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре, миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать своё имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и не колдуны совместно с „отцом небесным“» [5, с. 35–36].

Необыкновенно интересен спор Клары Цеткин с В. И. Лениным: «Товарищ Ленин, не следует так горько жаловаться на безграмотность, – заметила я. В некотором отношении она вам облегчила дело революции. Она предоохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями и захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву. Легче сеять и пожинать там, где не приходится предварительно выкорчёвывать целый первобытный лес.

– Да, это верно, – возразил Ленин. – Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определённого периода нашей борьбы. Безграмотность уживалась с борьбой за власть, с необходимостью разрушить старый государственный аппарат. Но разве мы разрушаем единственно ради разрушения? Мы разрушаем для того, чтобы воссоздать нечто лучшее. Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восстановления. Последнее ведь, согласно Марксу, должно быть делом самих рабочих и, прибавлю, крестьян, если они хотят добиться свободы. Наш советский строй облегчает эту задачу. Благодаря ему в настоящее время тысячи трудящихся из народа учатся в различных советах и советских органах работать над делом восстановления. Это мужчины и женщины „в расцвете сил“, как у вас принято говорить. Большинство из них выросло при старом режиме и, следовательно, не получило образования и не приобщилось к культуре, но теперь они страстно стремятся к знанию. Мы самым решительным образом ставим себе целью привлекать к советской

работе всё новые пласты мужчин и женщин и дать им известное практическое и теоретическое образование» [5, с. 36].

Объективно, плодотворность деятельности работников советской культуры в решающей мере зависит от того, насколько глубоко они проникнутся идеями коммунизма и насколько прочно встанут на партийные позиции в своём творчестве. В. И. Ленин, утверждая идею партийности культуры, подчёркивал, что пролетарская, социалистическая культура воплощает в себе лучшие стремления человечества. Большевистская партия, учили В. И. Ленин и И. В. Сталин, – это мозг и душа Советского государства, его организующая и руководящая сила. Высокая социалистическая сознательность, большевистская партийность должны определять идейный уровень работников науки и культуры социалистического общества. Партийность в научном и художественном творчестве означает открытое, честное и самоотверженное служение народу, Советскому государству, великому делу освобождения трудящихся.

Задолго до Октябрьской революции, еще в 1905 г., в статье «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленин писал о литературе, сознательно выражающей большевистскую партийность. Советское государство предоставило все условия для формирования литературы, появление которой предсказал В. И. Ленин. «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды, – писал Ленин. – Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения „верхним десяти тысячам“, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)» [6, с. 104].

В беседе с К. Цеткин и «двумя другими женщинами», как она с юмором написала (а на самом деле присутствовала Н. К. Крупская и большая кошка) уже поздней ночью было заключено: «Многие ис-

крenne убеждены в том, что *panem et circences* („хлебом и зрелищами“) можно преодолеть трудности и опасности теперешнего периода. Хлебом – конечно! Что касается зрелищ, – пусть их! Не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне нисколько не напоминают римского люмпен-пролетариата. Они не содержатся на счёт государства, а содержат сами трудом своим государство. Они „делали“ революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры, конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешён. На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию. На этом пути нашим „интеллигентам“ предстоит разрешить благородные задачи огромной важности. Поняв и разрешив эти задачи, они покрыли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери, ведущие их на простор из тех низменных жизненных условий, которые так мастерски характеризованы в „Коммунистическом манифесте“» [5, с. 38].

Против руководящей роли партии и Советского государства в культурном строительстве выступали в своё время так называемые пролеткультовцы, проводники реакционной субъективно-идеалистической философии – махизма. Оторванные от жизни народа, они отрицали руководящую роль партии и государства в деле формирования новой культуры, объявляли свои организации автономными от государства, противопоставляли свою деятельность Наркомпросу. Эта линия «Пролеткульта» объективно вела к подрыву позиций диктатуры пролетариата, к подрыву строительства социалистической культуры.

В. И. Ленин беспощадно разоблачил враждебные марксизму взгляды идеологов «Пролеткульта», их сепаратистские, антигосударственные тенденции. В своём широко известном проекте резолюции «О пролетарской культуре» и предшествовавших ему предварительных материалах В. И. Ленин подчеркнул необходимость строгой централизации руководства культурным строительством в нашей стране,

указал, что культурные организации должны рассматривать свои задачи, как «часть задач пролетарской диктатуры».

Однако результаты культурной революции не сохраняются вечно. И новые опасности, исходящие от позднего капитализма с его постмодернизмом и обществом потребления, должны быть обнаружены заранее – на дальних подступах. Западные марксисты видели эти опасности. Так, американский теоретик культуры Ф. Джеймисон в работе «О советском магическом реализме» 1992 г. писал: «Сила не исчезает, оттого что ее игнорируют, Запад остается рядом, поздний капитализм навис над земным шаром, как рок, и сегодня, когда эта маленькая басня преобразуется Историей, она становится таинственной и непознаваемой без учета силы (силы более высокой цивилизации и технологии), которая непостижимым образом ставит границы практике неокOLONиальных субъектов. Между тем над страной Советов нависла опасность стать одним из них» [7, с. 393]. Повторим великолепное сравнение автора: «поздний капитализм навис над земным шаром, как рок». Деда не смогли завершить исторический цикл развития капитализма, через столетие на борьбу с поздним капитализмом вышли внуки. Капитализм умирает в крови, или, как выражается патриотический российский историк спецслужб А. И. Колпакиди, наступил «Кровавый конец капитализма» [8].

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 38. – 579 с.
2. Сталин И. В. Сочинения. М: ГИПЛ, 1952. т. 6. – 430 с.
3. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат; 1951. – 54 с. См. также: Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании. («Правда», 1950 г., 20 июня).
4. Сталин И. В. Сочинения. М.: Писатель, 1997. т. 16. – 464 с.
5. Цеткин К. О Ленине. Сборник статей и воспоминаний. М.: Партийное издательство. 1933. – 96 с.
6. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1968. т. 12. – 575 с.
7. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – 414 с.
8. Колпакиди А. И. Кровавый конец капитализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svo.spb.ru/46001>.

3.3. ПЕРЕДЕЛКА СОЗНАНИЯ ЛЮДЕЙ В СТАРОМ И НОВОМ СОЦИАЛИЗМЕ: УСКОРЕНИЕ И ЗАМЕДЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

После гражданской войны победители в горячке революционных буден забыли о кооперации и перевоспитании мелкобуржуазного большинства населения страны, потому что кооперация была невозможна без культурных преобразований. Перед культурной революции возникли сложности в стране, которая не достигла уровня передовой буржуазной культуры. Диктатура пролетариата становится условием переделки и самого пролетариата, это подчёркивал В. И. Ленин говоря, что нельзя строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом. Советская культурная политика переделки человеческого материала ускоряла время социалистического строительства. После достижения развитого социализма начался распад построенной конструкции и замедление времени прежде всего в сфере культуры, когда идеологические принципы остывают и догматизируются. Опыт построения социализма и анализ путей его развития становится актуальным в интересах формирования теории и практики нового социализма. Сегодня необходимо возвращаться на новом витке общественного развития к задаче формирования нового человека.

В. И. Ленин подчёркивал, что культурная работа среди крестьянства как мелкой буржуазии во всём её объёме, сочетание просвещения с политико-воспитательной работой, является одним из самых трудных участков культурной революции. Эта работа была связана с перевоспитанием большинства населения нашей страны, многомиллионных масс, наиболее отсталых в культурном отношении, ранее разобщённых по условиям своей хозяйственной жизни. Зато культурная работа среди крестьянства помогала разрешить самую трудную задачу пролетарской диктатуры – перевести мелкое крестьянство на социалистические рельсы. В известной статье «О кооперации» В. И. Ленин в 1923 г. писал, что культурная работа среди крестьянства должна преследовать цель его кооперирования, что обобществление крестьянского хозяйства в значительной мере зависит от культурности крестьянства. «Условие полного кооперирования, – писал В. И. Ленин, – включает в себе такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это

полное кооперирование невозможно без целой культурной революции» [1, с. 376].

Он писал, что при переходе к НЭПу победители в гражданской войне забыли думать о кооперации: «Мы перегнули палку, переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что недооцениваем теперь кооперацию, что начали забывать уже гигантское значение кооперации в указанных выше двух сторонах этого значения» [1, с. 371]. Забыли, потому что кооперация невозможна без культурных преобразований.

И далее В. И. Ленин пишет о сложности культурной революции в стране, которая еще не достигла уровня передовой буржуазной культуры: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим» [1, с. 376–377].

В. И. Ленин тут подчёркивал прямую связь и взаимозависимость социалистического и культурного строительства в условиях советской государственности: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [1, с. 377].

В. И. Ленин и И. В. Сталин учили, что диктатура пролетариата необходима для уничтожения эксплуататорских классов, для решительного подавления эксплуататоров, для отражения военного нападения враждебных государств. Эти свои функции диктатура пролетариата выполняет путём применения беспощадного и сурового насилия. Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не главным образом в насилии. Сущность диктатуры пролетариата, её историческое назначение состоит также и в том, чтобы сплотить

вокруг пролетариата многомиллионные массы трудящегося крестьянства и вовлечь их в социалистическое строительство, чтобы организовать это строительство, руководить им и создать «более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом». Выполнить эти исторические задачи пролетариат сможет, если он в своей преобразовательной деятельности и государственной работе будет опираться на все завоевания науки, техники и культуры, если он развернёт культурно-воспитательную работу по организации и дисциплинированию масс трудящихся.

Конкретно в «Великом почине» В. И. Ленин в 1919 г., то есть еще до НЭПа, пишет эти слова в таком контексте: «Диктатура пролетариата, – как мне приходилось уже не раз указывать, между прочим и в речи 12 марта на заседании Петроградского Совдепа, – не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма.

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов» [2, с. 13–14].

Осуществляя свою диктатуру, рабочий класс выявляет свои лучшие качества класса-организатора, класса-воспитателя, класса-творца, способного увлечь своих союзников строительством новых общественных и государственных форм жизни, перевоспитать их и выполнить тем самым задачи, возлагаемые на него историей.

«Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, – писал В. И. Ленин в статье „Привет венгерским рабочим“, – который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом, – только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную, крупно-капиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся, – только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые Историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему, – только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у „интеллигенции“, – только тот класс, который „проделал закаляющую школу труда“ и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку» [3, с. 387–388].

Далее он пишет: «Товарищи венгерские рабочие! Вы дали миру еще лучший образец, чем Советская Россия, тем, что сумели сразу объединить на платформе настоящей пролетарской диктатуры всех социалистов. Вам предстоит теперь благодарнейшая и труднейшая задача устоять в тяжелой войне против Антанты. Будьте тверды. Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно. Расстрел – вот законная участь труса на войне. Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне. Каждый месяц приближает мировую пролетарскую революцию. Будьте тверды! Победа будет за вами!» [3, с. 388].

Получается, что пролетариат использует свою диктатуру для перевоспитания в социалистическом духе трудящихся крестьян и интеллигенции, помогает им преодолеть буржуазные привычки и традиции. Разрешение этой задачи социалистического перевоспитания трудящихся, встающей перед рабочим классом, когда он овладевает политической властью, является органической частью строительства

социалистической культуры. В процессе этой воспитательной работы пролетариата, в процессе переделки сознания широких слоев трудящихся и изменения общественных отношений пролетариат изменяет себя. Перевоспитывая мелкую буржуазию, пролетариат перевоспитывается сам, очищается от мелкобуржуазных предрассудков, проходит ответственную школу политического руководства, развивающую у него все организационные и культурные: способности.

Отмечая эту сторону диктатуры пролетариата, К. Маркс обращался к рабочим: «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв, не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству». В спорах с оппортунистами группы Шаппера – Виллиха на заседании Лондонского Центрального комитета 15 сентября 1850 г. К. Маркс под протокол говорил: «Маркс, среди прочего, сказал буквально следующее: „На место критического воззрения меньшинство ставит догматическое, на место материалистического – идеалистическое. Вместо действительных отношений меньшинство сделало движущей силой революции одну лишь волю. Между тем как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству, вы говорите наоборот: „Мы должны тотчас достигнуть власти, или же мы можем лечь спать“. В то время как мы специально указываем немецким рабочим на неразвитость немецкого пролетариата, вы самым грубым образом льстите национальному чувству и сословному предрассудку немецких ремесленников, что, разумеется, популярнее. Подобно тому как демократы превращают слово народ в святыню, вы проделываете это со словом пролетариат. Подобно демократам, вы подменяете революционное развитие фразой о революции“» [4, с. 431]. Понятно, что после такой речи К. Маркса Центральный комитет раскололся не в силу личных причин.

Значение диктатуры пролетариата как условия для переделки самого пролетариата подчёркивал также и В. И. Ленин. Он писал в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме», что «нельзя, не из чего, строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную

интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее – как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» [5, с. 101].

И. В. Сталин подчёркивал значение воспитательной роли Советского государства и коммунистической партии, как руководящей и направляющей силы. «Одна из существенных задач партии в эпоху диктатуры пролетариата, – говорил И. В. Сталин в докладе „Об итогах XIII съезда РКП(б)“ на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) 17 июня 1924 г., – состоит в том, чтобы развить работу по перевоспитанию старых поколений и воспитанию новых в духе диктатуры пролетариата и социализма. Старые навыки и привычки, традиции и предрассудки, унаследованные от старого общества, являются опаснейшим врагом социализма. Они, эти традиции и навыки, держат в руках миллионные Массы трудящихся, они захлещывают иногда целые слои пролетариата, они создают иногда величайшую опасность для самого существования диктатуры пролетариата. Поэтому борьба с этими традициями и навыками, обязательное их преодоление во всех сферах нашей работы, наконец, воспитание новых поколений в духе пролетарского социализма – являются теми очередными задачами нашей партии, без проведения которых невозможна победа социализма. Работа по улучшению госаппарата, работа в деревне, работа среди трудящихся женщин, работа среди молодежи – таковы основные сферы деятельности партии по осуществлению этих задач» [6, с. 248].

Классики марксизма-ленинизма, рассматривая пути созидания новой, социалистической культуры, дают следующим поколениям образцы подлинно научного подхода к проблеме перевоспитания трудящихся и самого пролетариата. Диктатура пролетариата получает от капитализма не «чистеньких», «хорошеньких», социалистически воспитанных и культурных людей. Известно, что капитализм портит, калечит людей духовно, нравственно и физически, развращает их буржуазной идеологией. С этими людьми завоевавший власть пролетариат приступает к строительству новой жизни, ибо он твёрдо знает,

что многомиллионные трудящиеся массы могут быть его союзниками в строительстве коммунизма, несмотря на то, что они несут на себе родимые пятна крепостничества и капитализма. Задача диктатуры пролетариата состоит в том, чтобы привлечь к строительству социализма «тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе» – писал Ленин в 1919 г. в статье «Успехи и трудности Советской власти».

Для обоснования этой мысли он писал: «Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика.

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз большие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов угнетенных крестьян, темных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведет умелую тактику, вокруг него объединиться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным мирозерцанием, есть военные специалисты, которые воспитались в буржуазных условиях, – и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических. Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя – все они брались из имущего класса; не из воздуха они упали!

Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника – для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей,

из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов. И если вы не постройте коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны. Вот как вопрос поставлен историческим наследием мирового капитализма!» [3, с. 53–54].

Переделка сознания людей, избавление их сознания от вредных пережитков прошлых культур – от пережитков капитализма – всё это находит своё прекрасное разрешение в условиях диктатуры пролетариата, в процессе социалистического строительства. Великое историческое значение диктатуры пролетариата для создания новой культуры отмечал И. В. Сталин. Он рассматривал диктатуру пролетариата как целую историческую эпоху, преобразующую общественную жизнь людей. «Эта историческая эпоха, – писал И. В. Сталин, – необходима не только для того, чтобы создать хозяйственные и культурные предпосылки полной победы социализма, но и для того, чтобы дать пролетариату возможность, во-первых – закалить и воспитать себя, как силу, способную управлять страной, во-вторых – перевоспитать и переделать мелкобуржуазные слои в направлении, обеспечивающем организацию социалистического производства» [6, с. 112].

Одновременно с переустройством общественных условий жизни советских людей протекал процесс изменения их общественного сознания. Ломались старые взгляды на государство, на собственность и труд, на семью и отношение к женщине, на взаимоотношения между людьми. Возникали новые взгляды и представления, новые устои морали, новые понятия человеческого-достоинства. Облик советского человека, постепенно очищаясь от пережитков прошлого, приобрел всё более благородный характер. Опыт советской государственности и социалистического строительства, складывавшиеся новые общественные отношения породили новые представления, взгляды и понятия, новое мироощущение и миропонимание. Коммунистическое мировоззрение стало входить в повседневную жизнь народа. У широких слоев трудящихся возникла потребность осмыслить свою общественную деятельность, желание понять исторический путь, мысленно проникнуть в будущее.

Такова была советская культурная политика на взлете, где время социалистического строительства и переделки человеческого мате-

риала ускорилось. Однако после достижения развитого социализма как стадии плато начался распад построенной конструкции и замедление времени. И. В. Глущенко в Послесловии «Осторожно, время замедляется» пишет: «Советская культурная политика уникальна именно своей комплексностью, стремлением охватить самые различные сферы жизни, самые широкие группы населения. Распространяя определенные культурные нормы на общество в целом, советское государство тем самым совершало работу по тотальной унификации культурных практик, через эту унификацию стремясь достичь преодоления сословных различий, типичных для традиционного общества. Говоря языком самих коммунистических идеологов, победивший пролетариат не столько навязывал свои нормы старому обществу, сколько, наоборот, присваивал себе культурное наследие побежденных классов. Многие просветительские институты, характерные для советского периода, появились еще до революции, но действовали они не в тех масштабах и не столь целенаправленно. Работал Комитет грамотности, велась экскурсионная работа, и даже научно-популярный журнал „Наука и жизнь“, без которого трудно представить себе повседневную среду советской интеллигенции, был основан в 1890 г. Но потребовалась революция, чтобы подобные институты стали доминировать в культурной практике общества. Революция не только придала этой просветительской деятельности беспрецедентные масштабы, но и сменила ее идеологические ориентиры. Распространение культуры соединилось с формированием „нового человека“, коммунистическими идеалами. Даже „Уголок Дурова“, который был создан еще в 1912 г., после революции стал местом, где спектакли с участием животных превратились в разновидность политической пропаганды. По мере развития институтов массового просвещения возникали совершенно новые направления культурной работы, зачастую тоже связанные с решением пропагандистских задач, например, подготовка гидов-переводчиков. От ликвидации неграмотности общество переходило к формированию массового квалифицированного работника. Чтение книг и журналов стало нормой жизни» [7, с. 262–263].

Далее в обзоре отмечается: «По мере того как советское общество, с одной стороны, достигает успехов в процессе модернизации, а с другой – делается все более консервативным, мы наблюдаем общий

поворот к „имперскому проекту“, который начинает проявляться в самых разных сферах культурной политики. Дореволюционные практики приобретают новое значение. Именно их консервативная сторона привлекает правящие круги. История все отчетливее связывается с судьбой государства, а не народа, а советское общество предстает уже не отрицанием, а продолжением прошлого» [7, с. 263–264]. Но в реальной истории начинаются деформации социализма, и они возникают прежде всего в сфере культуры, то есть наглядно проявляются: «происходит деградация институтов, идеологические принципы застывают в клише и в конце концов сползают в область анекдота. Просветитель-народник превращается в „лектора по линии общества „Знание“ и становится персонажем интеллигентского фольклора. В этом контексте Олимпийские игры 1980 г. в Москве, которые, как известно, страна получила вместо обещанного Хрущевым коммунизма, рассматриваются как последний успешный мегапроект советской эпохи. Показательно, что подготовка к Олимпиаде включала не только строительство многочисленных объектов, но и внедрение в советскую повседневность некоторых черт западного, „буржуазного“, быта. И именно эта сторона олимпийского сюжета вызывала наибольший интерес просвещенного народа. Потомки читающих красноармейцев смогли наконец попробовать „пепси-колу“» [7, с. 265].

В перестройку этот рост негатива выразился в том, что публицисты, историки и экономисты принялись яростно клеймить нашу историю, недостатки социальной и экономической системы социализма. Самым популярным стал лозунг С. С. Говорухина «Так жить нельзя», от которого автор после гибели социализма благоразумно отказался. Экономические реформы были необдуманными и непоследовательными, что вело к инфляции, росту всеобщего дефицита, хаосу в планировании и увеличивающемуся неравенству в обществе. В 1992 г. автор настоящей статьи говорил в личной беседе С. С. Говорухину о том, что он повернул время вспять и не дал СССР как социально-экономической системе шанс не только выжить, но и начать новую историю, сбросив, «старую кожу», как это делает змея при линьке. Во время выездной конференции на базе санатория в Болшево, организованной «Горбачев-фондом», докладчики имели возможности в ходе многодневных личных бесед отойти от сложившегося в обществе состояния полемики, причесаний, взаимных обвинений

и перейти к обсуждению. В этот период, который либералы называют «святыми девяностыми», вспоминают о нем как целой эпохе уникальной гласности и открытости, никто не собирался сохранять социализм: ни враги социализма, ни оппозиция, ни М. С. Горбачев и его группа.

При замедлении развития советский социализм упустил свой шанс трансформироваться и потому исчез. Вместе с уничтожением марксизма прекратились и какие-либо теоретические исследования закономерностей современного общества. Догма позднего социализма о неизбежном крушении капитализма сменилась в современном капитализме догмой о достижении человечеством высшей формы существования – либерального капитализма. Марксистские исследования капитализма прекратились в силу полного отсутствия интереса к марксистским методам анализа общества. Опыт построения социализма и различных путей его развития становится архиактуальным сегодня в интересах формирования теории и практики нового социализма. Необходимо возвращаться на новом витке к задаче формирования нового человека. Можно согласиться с антикоммунистом М. Геллером, заявившим во введении к своей классической книге «Машина и винтики. История формирования советского человека»: «Октябрьская революция, как справедливо утверждают советские идеологи, открыла новую эру, была феноменом неизвестным в прошлом. Продолжаются горячие споры относительно оценки Октября: одни считают, что это „шаг вперед“, другие – „шаг назад“, третьи – „шаг на месте“. Все признают, что 25 октября 1917 г. следует отмечать в календаре красным: впервые была совершена революция, ставившая целью не только захват власти, „государственной машины“ по выражению Ленина, но создание идеального общества, неиспытанной ранее человечеством политической, экономической и социальной системы. Октябрьский переворот был совершен с целью осуществления Проекта – плана достижения Цели. Захватив власть, проектанты уже знали, что цель может быть достигнута только при условии создания Нового человека. Они уже знали как это сделать...» [8, с. 7]. Теперь мы знаем их ошибки и знаем, как правильно проводить работу над ошибками.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 45. – 729 с.
2. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 39. – 623 с.
3. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 38. – 579 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1957. т. 8. – 736 с.
5. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1981. т. 41. – 696 с.
6. Сталин И. В. Сочинения. М.: ГИПЛ, 1952. т. 6. – 430 с.
7. Глуценко И. В. Послесловии «Осторожно, время замедляется» // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глуценко, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 272 с. – (Исследования культуры).
8. Геллер М. Я. Машина и винтики: История формирования советского человека. – М.: МИК, 1994. – 335 с.

Глава 4. КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РЕСТАВРАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА

4.1. СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА: ТРАДИЦИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ФЕНОМЕН ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

После окончания гражданской войны наступил новый политический периода, когда вместо революционных методов победители перешли к методам культурного строительства. Обнаружилось, что для освоения передовой буржуазной культуры в России потребовалась пролетарская революция. Революция создала потребность в массовом просвещении для того, чтобы новая власть смогла обеспечить советское государство кадрами из социальных низов. Советский Союз обеспечил народным массам элитарное образование в средней и высшей школе, но при этом образовательный процесс был идеологизирован, а советская власть открыто провозгласила цели коммунистического воспитания учащихся и трудящихся. Однако навыки критической оценки идеологии, которые приобретал каждый советский человек, были ориентированы на единственную идеологию марксизма-ленинизма, что сделало массового советского человека особенно в застойный период развитого социализма беспомощным по отношению к иным формам идеологического воздействия.

После окончания гражданской войны в выступлениях победителей-вождей партии большевиков все чаще звучали слова о наступлении нового политического периода, когда «вместо методов революционного свержения эксплуататоров и отпора насильникам» необходимо будет «применить методы организаторства, строительства» [1, с. 28]. Естественно, что большинство сторонников большевиков в октябре 1917 г., связывало переход к мирной жизни с полным выполнением данных обещаний хлеба, мира, земли, демократических свобод. Возникал кризис и опасность раскола лагеря сил победителей и В. И. Ленин охарактеризовал его как «самый большой... внутрен-

ний политический кризис Советской России» [2, с. 282]. Введение НЭПа не привело к изменению второй программы партии, принятой на VIII съезде РКП(б) и при НЭПе непоколебимой осталась вся большевистская концепция социализма. Современный российский историк А. А. Косаковский подчеркивает именно это важное, на наш взгляд, обстоятельство: «С переходом к НЭПу не было и речи о пересмотре Программы РКП(б), трактующей социализм как бесклассовое, бестоварное общество с одной (общегосударственной) формой собственности при диктатуре пролетариата и руководящей роли партии» [3, с. 383].

Отметим, что поздней весной 1921 г. после разгрома Кронштадского мятежа в ЦК РКП(б) с предложением о демократизации политического режима обратился партийный публицист, работник Агитпропа ЦК и референт ВЧК И. Вардин (Мгеладзе). А. А. Косаковский пишет об этом обращении: «Он предложил в условиях либерализации экономики допустить некоторую либерализацию политики, разрешив меньшевикам, эсерам, анархистам вести политическую деятельность. При этом он имел в виду, что, „легализуя, вожжи, понятно, мы должны держать натянутыми“. Вардин предлагал предупредить идейных врагов: „Господа, в пределах наших законов вы свободны. За всякую попытку призыва к гражданской войне, к забастовкам, к нарушению наших законов мы вас будем привлекать к трибуналу“. В начале мая 1921 г. Г. Мясников направил в ЦК РКП(б) докладную записку с предложением осуществить в стране глубокие демократические преобразования. „После того, как мы подавили сопротивление эксплуататоров и конституировались как единственная власть в стране, – писал Мясников, – мы должны как после подавления Колчака, отменить смертную казнь, провозгласить свободу слова, которую в мире не видел еще никто от монархистов до анархистов включительно. Этой мерой мы закрепим за нами влияние в массах города и деревни, а равно и во всемирном масштабе“». Однако такие предложения встретили со стороны Ленина решительный отпор [3, с. 385].

Каков был ответ В. И. Ленина? «Автор неправ, – написал В. И. Ленин по поводу записки Вардина. – Он формалистичен., предложение автора не годится. Он не вник в дело как следует». И далее: отвергая предложение Мгеладзе, В. И. Ленин подчеркнул, что «буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас во много раз. Дать ей такое оружие,

как свободу политической организации (= свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчить дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем» [4, с. 79].

Современные левые культурологи постмарксисты по прошествии столетия подчеркивают особенности возникшей в горниле революции культуры принципиально нового типа – советской культуры. Так, Л. А. Булавка-Бузгалина отмечает: «Генезис советской культуры оказался непосредственно связан с рождением нового типа общества, развитие которого было задано Октябрьской революцией 1917 года. Зарождение нового типа общества стало главной предпосылкой генезиса уже и нового типа культуры – советской. В постсоветское время была открыта дискуссия о терминологическом определении советской культуры. Те, кто отказывал ей именно в этом названии, исходили из того, что „советская культура“ и „культура советского периода“ – это два концептуально разных понятия, и потому предпочитали иные определения: „художественная культура России советского периода“, „новая культура“, „русская культура XX века“, „отечественная культура“, „тоталитарная культура» [5, с. 612].

И все же автор данной статьи настаивает на сохранении понятия «советская культура», выражающего генетически новый тип культуры, и постарается это теоретически обосновать. Следует отметить, что еще в период своего зарождения (1920–1930-е годы) советская культура имела несколько названий: новая, пролетарская, интернациональная, совдеповская, социалистическая, всемирная, революционная и т. п. Историческое значение Красного Октября 1917 вырвалось за пределы политического формата: революция заявила себя как поворотный вызов в логике общественного развития мировой системы. Сущность этого исторического поворота заключалась в том, что революционные массы с оружием в руках завоевали свое право на то, чтобы (1) самим (2) практически (3) участвовать (4) в обустройстве (5) общественной реальности, определяющей не только формы, но самое главное – цели и смыслы человеческой жизнедеятельности. В октябре 1917 года революционные массы продемонстрировали всему миру и уже не столько запрос, сколько саму волю и готовность быть субъектом исторических преобразований [5, с. 613].

Левый публицист и ученый-философ Б. Ю. Кагарлицкий (объявлен в 2022 г. иностранным агентом) описывает общую ситуацию так: «На фоне военных и политических побед революции, пишет в 1921 г. новгородский журнал „Просвещение и культура“, приходится констатировать „мизерные итоги побед на культурном фронте“, которые становятся крупным препятствием к успешной борьбе на хозяйственном фронте. В связи с окончанием Гражданской войны настало время „развить генеральное наступление на фронте просвещения“. Речь идет далеко не только о школьном образовании. Столичный журнал „Работник просвещения“ в том же 1921 г. подчеркивал, что первоочередной задачей новой власти становится „воспитание взрослого населения страны“. В том же духе рассуждал и руководитель Народного комиссариата просвещения А. В. Луначарский, в ведении которого оказались одновременно школьное и университетское образование, развитие академической науки и поощрение искусств. В позднейшей советской литературе довольно часто упоминались высказывания Ленина, посвященные необходимости культурной политики. Однако показательно, что цитаты, которые обычно приводятся, относятся к работам 1922–1923 гг. Дискуссия о культуре в партии началась значительно раньше...» [6, с. 51].

Действительно, дискуссия о культуре началась сразу после взятия власти и сам В. И. Ленин отмечал в 1923 г. вспоминая предысторию обсуждения: «В то время как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Оказалось, что как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (1897 годом) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях „пролетарской культуры“. Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть сколько-нибудь культурного уровня» [2, с. 363–364].

Б. Ю. Кагарлицкий подмечает с самого начала рождения этой культуры нового небывалого ранее типа возникший важный поворот советской культуры к просвещению масс: «В связи с этим лидер советской республики предлагал сократить расходы любых ведомств, чтобы увеличить бюджет Народного комиссариата просвещения и „не скарденничать с увеличением выдачи хлеба учителям“. Однако речь, разумеется, шла не только о распространении грамотности. Целью было не развитие „образования“ в узком, техническом смысле слова, а именно Просвещение в широком, этико-философском понимании данного термина.

Иными словами, для освоения передовой буржуазной культуры в специфических условиях России потребовалась именно пролетарская революция. Общественно-политическая система, существовавшая в империи Романовых, не была, конечно, принципиально враждебна народному просвещению в той мере, как считали представители радикальной интеллигенции, но она и не имела внутреннего механизма, формировавшего запрос на широкомасштабные усилия по распространению в массах современной европейской культуры, к которой принадлежало „образованное общество“» [6, с. 52–53].

Автор аргументирует свою позицию так: «Революция, уничтожив старые элиты, напротив, создала острейшую потребность в массовом просвещении для того, чтобы новая власть, добившаяся успеха благодаря опоре на социальные низы, смогла обеспечить себя новыми кадрами, а поддержавшим ее массам дать новые жизненные шансы и возможности карьерного роста. Одновременно ускоренное развитие экономики и форсированная индустриализация создавали потребность в новой рабочей силе, не только грамотной (литературно и технически), но и приобщенной к городской культуре» [6, с. 54].

Общепринятым сегодня является представление, что Советский Союз создал модель, обеспечившую массовое тиражирование старого царского элитарного образования, однако образовательный процесс был идеологизирован. Если в западных цивилизациях (за исключением фашистских и национал-социалистических тоталитарных государств) либеральная идеология всегда скрыта и растворена в общем потоке передачи знаний, то в СССР идеологический характер образования был подчеркнут и сконструирован. Достаточно посмотреть любые базовые работы по педагогике советского периода. Приведем

пример: в обращении к уважаемому читателю столпы советской педагогики утверждают, что для воспитания не просто работника, но творца необходима новая педагогика, и хотя многое является еще мечтой педагогических коллективов, будущее за «школой-хозяйством», ведь главное в педагогической системе А. С. Макаренко «идея школы-хозяйства» [7, с. 5]. Обращение подписано советскими знаменитостями: Ш. А. Амонашвили, И. П. Волков, Е. Н. Ильин, С. Н. Лысенкова, Б. П. Никитин, И. Г. Ткаченко, В. Ф. Шаталов, М. П. Щетинин!

Сами авторы – М. П. Павлова и В. Ф. Карманов – книги, к которой было написано обращение к читателю, включают свою пафосную книгу так: «воспитательное значение коллективного труда, это – подлинный апофеоз педагогики хозяйствования, основы которой Антон Семёнович заложил в первые десятилетия Советского государства. Именно этим четвертьвековой опыт школьного завода – явление значительное и значимое в современной педагогике. Он не декларация, а доказательство воплощения жизненности системы Макаренко в наше время. В трудной педагогической работе по перестройке средней общей и профессиональной школы без А. С. Макаренко не обойтись. Утверждаем вслед за Мариэттой Шагинян: сам народ ставит его систему в фундамент нового воспитания человека» [7, с. 285].

Бывший диссидент Б. Ю. Кагарлицкий радостно отмечает обстоятельство открытого провозглашения цели коммунистического воспитания учащихся и трудящихся. Он полагает, что именно это обстоятельство «позволяло при желании учащемуся отстраниться от него и давало возможности для формирования навыков критического и оппозиционного мышления в гораздо большей степени, чем модели скрытой идеологической обработки, типичные для традиционных обществ или западных демократий. Проблема, однако, состояла в том, что навыки критической оценки идеологического дискурса, которые приобретал советский человек, тоже были ориентированы на однуединственную (не доминировавшую, а именно единственную публичную) идеологию марксизма-ленинизма, которая бытовала в СССР. Это сделало советского человека беспомощным по отношению к другим формам идеологического воздействия. В свою очередь, последовавшее за распадом Союза и реставрацией капитализма наступление на „советские“ принципы культурно-образовательной политики обернулось неизбежно наступлением на фундаментальные принципы

рационализма и Просвещения и на базовые ценности европейской цивилизации, крайним практическим воплощением которых и был СССР» [6, с. 62–63]. Согласимся, что навыки критической оценки идеологии, которые приобретал каждый советский человек в процессе социализации, были ориентированы на единственную идеологию марксизма-ленинизма, и это сделало массового советского человека особенно в застойный период развитого социализма уязвимым по отношению к иным формам идеологического и психологического воздействия.

М. П. Павлова и В. Ф. Карманов пишут в разделе «Высокое назначение человека»: «„Невиданное в истории мира совершилось... вырос на равнинах некогда нищей и отсталой России сияющий великий социализм... С каждым новым днём он всё выше и выше вздымается к небу дворцы нового человеческого счастья...“. Так вдохновенно писал Макаренко о счастье, рождённом Великой Октябрьской социалистической революцией. Это счастье должно принадлежать всем советским людям, каждый из них имеет право совершать для него подвиги, как можно больше дать государству и обществу, и в то же время быть счастливым человеком.

Марксизм, писал Макаренко, научил нас видеть в личности часть общественного, и мы требуем от личности поведения, обусловленного интересами и задачами коллектива, к которому она принадлежит. В нашем обществе не должно быть попыток к противопоставлению личного общественному, наши поступки должны соотноситься с интересами коллектива» [7, с. 54–55]. Враждебная идеология либерализма, основанная на расизме и фашизме, легко проникала в зазоры стройной, но, увы, не герметичной системы коммунистического воспитания. И эти зазоры сегодня видны – противопоставление личного общественному, коллективный труд как источник вдохновения.

Авторы пишут: «Честность, принципиальность, чувство собственного достоинства, гордость, совесть – всё это элементы воспитания здорового советского патриотизма, основной стержень которого – любовь к нашей великой Родине. Но эта любовь не исчерпывается порывом к героическому поступку, а тем более красивыми, хотя бы и искренними словами. У школьника могут быть „правильные“, советские патриотические представления, но не воспитана правильная советская привычка. А правильную советскую привычку воспитыва-

ют патриотические традиции детского учреждения, коллективизм, взаимопомощь, сознательная дисциплина. Каждый человек должен быть деловитым, так как это качество составляет необходимое условие выполнения хозяйственно-политических задач исторического значения. Деловитость – это достоинство советского человека, его новое нравственное качество. Одна из действенных мер развития этого качества – хорошо поставленная проверка исполнения, которую надо вести систематически и целеустремлённо» [7, с. 63].

Все открыто провозглашенные в системе образования цели подвергались в ходе демонтажа социализма шельмованию и осмеянию. Под вопрос ставились цели воспитания – «Воспитать Человека – гражданина, строителя коммунизма, утверждающего на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов, – вот та высокая цель, которой должно быть подчинено воспитание нашей молодёжи. Ведь ей принадлежит будущее, ей предстоит строить коммунистическое общество» [7, с. 68]. Это осмеяние со стороны перестроечной ревизионистской общественной науки проводилось в теоретической форме десятка толстых печально известных сборников серии «Иного не дано», названных так по первой пилотной книге [8]. Сами названия сборников звучат сегодня как направления атаки и разгрома социалистического общества в ходе цивилизационной войны коллективного Запада против исторической России: «Через тернии», «Погружение в трясину», «Постижение», «Драма обновления», «Пульс реформ», «Право и власть», «Социализм: между прошлым и будущим», «СССР: демографический диагноз», «СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому», «Армия и общество», «Экологическая альтернатива».

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 42. – 606 с.
2. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 45. – 729 с.
3. Косаковский А. А. Социально-экономическая и политическая ситуация на рубеже 1920–1921 гг. Глава VII // Драма российской истории: большевики и революция. Под редакцией академика А. Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. – 449 с. (Россия. XX век. Исследования).
4. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 44. – 725 с.

5. Булавка-Бузгалина Л. А. Красный Октябрь: рождение и становление Нового человека // Вершина Великой революции. К 100-летию Октября. Под общей ред. Б. Ф. Славина, А. В. Бузгалина. – М.: Алгоритм, 2017. – 1216 с. с. 600–651.

6. Кагарлицкий Б. Ю. Советская культурная политика и традиция просвещения (Иностраннный агент) // Время, вперед! Культурная политика в СССР. под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва, 2013. с. 50–63.

7. Павлова М. П., Карманов В. Ф. Педагогическая система А. С. Макаренко и коммунистическое воспитание учащихся. М.: Высшая школа, 1988. – 287 с.

8. Иного не дано: судьбы перестройки, вглядываясь в прошлое, возвращение к будущему / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева; [ред.-сост. А. А. Протазик]. М.: Прогресс, 1988. – 674 с.

4.2. СОВЕТСКИЕ ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВ РЕСТАВРАЦИИ КАПИТАЛИЗМА

Успехи культурного строительства в СССР были связаны с распространением коммунистических идей, с культурой и просвещением масс. Чем большие массы народа овладевали идеей социализма, тем шире становился размах культурного строительства. Была решена небывалую в истории задача превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие уничтожения деления общества на классы. В сфере высшего образования впервые в истории состоялось открытие широкого доступа в вузы молодежи из среды рабочих и крестьян. Сила и прочность Советского государства находились в зависимости от сознательности народа и понимания им общественных задач. Дело, сформулированное В. И. Лениным как «поднять наинизшие низы к историческому творчеству», давало надежную гарантию от реставрации капитализма. В обращении к молодежи призыв «научиться коммунизму» означал не допустить ростков капитализма и средствами культуры не допустить мелкобуржуазного перерождения общества.

Великий революционный переворот, совершившийся в ноябре 1917 г. в России, явился решающей силой в распространении и утверждении в мире идей коммунизма. Октябрьский переворот явился не только революционным преобразованием в области экономических и общественно-политических отношений, но и могучим революционизирующим фактором в культуре и идеологии трудящихся масс. Успехи культурного строительства в нашей стране были непосредственно связаны с распространением партией коммунистических идей, с претворением их в жизнь, то есть с идеологией, культурой и просвещением масс. Чем большие массы народа овладевали идеей социализма и втягивались в переустройство жизни на социалистических началах, тем шире становился размах культурного строительства, тем активнее был процесс его развития и плодотворнее его результаты.

Строительство социалистической культуры, по мысли В. И. Ленина и проводившего культурную революцию И. В. Сталина, не ограничивается деятельностью работников умственного труда – оно находится в прямой зависимости от политической активности, социалистической сознательности и культурности самых широких масс трудя-

щихся, от их участия в культурном строительстве. Эта активизация масс в области культурного строительства находила своё выражение в культурной революции.

В 30-летие революции можно было подводить итоги и они были подведены на практике строительства социализма и победы в Великой Отечественной войне, на также в теории: «Великая Октябрьская социалистическая революция поставила в области народного образования грандиозную, небывалую в истории человечества задачу: превратить школу из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества, пролетарского влияния на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся» [1, с. 10].

Далее отмечалось: «Школьная система была построена на принципах сословности, угнетения населявших Россию многочисленных народов, неравноправности полов. Каждое сословие имело специально для него предназначенные типы школ: дворянство – училище правоведения, пажеский корпус, кадетские корпуса, институты благородных девиц и гимназии (формально последние считались доступными для разных сословий, но фактически большинство учащихся в гимназиях были дворяне); духовенство – духовные семинарии, духовные училища, епархиальные училища; для купечества и вообще городской буржуазии предназначались реальные и коммерческие училища и торговые школы. Крестьяне, рабочие, ремесленники должны были довольствоваться начальными школами с 3–4-годовалым курсом и, в лучшем случае, двухклассными начальными школами (с 5-годовалым сроком обучения) или высшими начальными училищами. Сложная, запутанная система школ делилась на 2 части: система элементарного образования, не дававшая выхода к среднему и высшему образованию для „низших“ слоёв населения, и не связанная с ней, стоявшая обособленно, система среднего и высшего образования для привилегированных (дворянства, духовенства, буржуазии)» [1, с. 6–7].

В сфере высшего образования впервые в истории состоялось открытие широкого доступа в вузы молодежи из среды рабочих и крестьян как важнейшее завоевание партии большевиков. Впоследствии у историков и современников утвердилось мнение, что до революции вузовское образование было доступно только высшим сословиям общества, и именно большевики впервые сделали его доступным

для детей из рабоче-крестьянской среды. Сложилось представление об «отсталой и малограмотной» дореволюционной России и в соответствии с ним работала вся система реформирования высшей школы в начальный период становления советской системы высшего образования.

Принятием Декрета Совнаркома от 9 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Республики» были отменены «ученые степени доктора, магистра, а также звание адъюнкта и все связанные с этими степенями и званиями права и преимущества», а также «разделение преподавательского состава высших учебных заведений на профессоров – заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров и доцентов» [2, с. 999–1000]. По Декрету все преподаватели стали профессорами, и все дореволюционные профессора и преподаватели высших учебных заведений с 1 января 1919 г. увольнялись и могли быть вновь избраны только по всероссийскому конкурсу. Профессорские должности стали получать лица, имеющие стаж преподавания не менее трех лет, независимо от их научного вклада и признания научным сообществом.

Для устранения противников Советской власти первая Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г., вводила институт лишения избирательных прав. В статье 23 Конституции было дано обоснование данного процесса: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции» [3]. Лишение избирательных прав кормильца причисляло к лишениям всех членов семьи. Лица, лишённые избирательных прав, не имели возможности занимать должность, а также учиться в средних специальных или высших учебных заведениях. Лишенцы не были включены в систему снабжения продуктовыми и потребительскими товарами.

Согласно Декрету Совнаркома РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения», упразднились вступительные экзамены в вузы, в которые могли поступить все желающие с 16 лет независимо от степени подготовки. Знания на уровне гимназии становятся необязательными. Воспрещалось требовать от поступающих какие бы то ни было удостоверения, кроме удостоверения

об их личности и возрасте [4]. Естественным результатом стал первоначально низкий уровень абитуриентов из «рабоче-крестьянской среды», после проведена организация рабочих факультетов (рабфаков). Положительную роль рабфаков в системе высшего образования постоянно подчеркивал Нарком просвещения А. В. Луначарский [5].

Таким образом, советский строй, приобщивший к активной политической жизни, к управлению государством трудящиеся массы, создал все условия для демократизации культуры и для использования её многовековых завоеваний на благо народа. Сила и прочность Советского государства находились в прямой зависимости от сознательности народа и понимания им внешнеполитических и внутренних общественных и государственных задач. Просвещению народа, повышению его сознательности В. И. Ленин уделял большое внимание с первых же дней существования Советского государства. Развитие социалистической революции, наше государственное строительство В. И. Ленин непосредственно связывал с поднятием культурного уровня масс. Активное участие рабочих и крестьян в политической жизни страны и в руководстве государством с естественной необходимостью ставило задачу просвещения масс. Одной из важнейших и первоочередных задач культурной революции была ликвидация тяжёлого наследия прошлого – массовой неграмотности трудящихся, являвшейся серьёзным препятствием на пути социалистического строительства. И В. И. Ленин настойчиво боролся за ликвидацию неграмотности среди населения, как за необходимую предпосылку овладения многомиллионными массами народа всем богатством культуры.

Широчайшие слои населения нашей страны, разбуженные советским строем, потянулись к свету, к знанию, к грамотности. В этом стремлении трудящихся к просвещению В. И. Ленин видел жизненность новой, нарождающейся культуры. Он писал в 1923 г. в «Страничках из дневника», говоря о неимоверной сложности культурной революции – материальной и цивилизационной. Культурная революция в переходный период от капитализма к социализму, то есть в эпоху диктатуры пролетариата позволит окончательно построить социализм и осуществляется она в стране культурно неготовой к социализму, но сразу после политического и социального переворота, то есть после взятия власти. Именно в этом смысле В. И. Ленин пишет о необходимости выбраться из бескультурности: «Речь должна идти

о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор и не можем выбраться без серьезных усилий, хотя имеем возможность выбраться, потому что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов принести и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас» [6, с. 364–365].

Благотворная роль культурной революции ярче всего проявилась в деле создания пролетарским государством своих, преданных делу социализма кадров интеллигенции, или как называл их А. Грамши, «органических интеллектуалов». Народные таланты, которые мял и душил капитализм, поднятые Октябрьской революцией и советским строем, заблистали во всех областях деятельности Советского государства. Сама жизнь, практика, проверка Советского государства историческим опытом разбила вдребезги догму оппортунистов II Интернационала о том, что пролетариат якобы не сможет победить буржуазию и взять власть в свои руки, если не создаст широкого слоя пролетарской интеллигенции ещё в недрах капитализма.

И. В. Сталин в работе «Об основах ленинизма» показал, как В. И. Ленин опроверг эту догму. Догма первая касается условий взятия власти пролетариатом: оппортунисты уверяют, что пролетариат не может и не должен брать власть, если он не является сам большинством в стране. И. В. Сталин в лекциях, читанных в Свердловском университете и посвященных Ленинскому призыву, говорил: «Догма вторая: пролетариат не может удержать власть, если нет у него в наличии достаточного количества готовых культурных и администраторских кадров, способных наладить управление страной, – сначала нужно выработать эти кадры в условиях капитализма, а потом брать власть. Допустим, отвечает Ленин. Но почему нельзя повернуть дело так, чтобы сначала взять власть, создать благоприятные условия для развития пролетариата, а потом – двинуться вперёд семимильными шагами для подъёма культурного уровня трудящихся масс, для выработки многочисленных кадров руководителей и администраторов из рабочих? Разве российская практика не показала, что кадры ру-

ководителей из рабочих растут при пролетарской власти во сто раз быстрее и основательнее, чем при власти капитала? Разве не ясно, что практика революционной борьбы масс безжалостно побивает и эту теоретическую догму оппортунистов?» [7, с. 83–84].

Партия большевиков решала вопрос о воспитании советским народом и прежде всего рабочим классом своей интеллигенции, как один из важнейших вопросов строительства социализма. Мощь диктатуры пролетариата, подъём культуры широких масс трудящихся, успехи развития социалистической культуры, учил Сталин, в решающей степени зависят от вопроса о культурных силах рабочего класса. «Вопрос о культурных силах рабочего класса является одним из решающих вопросов. Почему? Потому, что из всех существовавших до сих пор господствующих классов, – говорил Сталин, – рабочий класс, как господствующий класс, занимает в истории несколько особое и не вполне благоприятное положение. Все господствовавшие до сих пор классы – рабовладельцы, помещики, капиталисты – были вместе с тем классами богатыми. Они имели возможность обучать своих детей знаниям и навыкам, необходимым для управления. Рабочий класс отличается от них, между прочим, тем, что он является классом небогатым, он не имел раньше возможности обучать своих детей знаниям и навыкам управления и он получил такую возможность только теперь, после прихода к власти. В этом, между прочим, и состоит острота вопроса о культурной революции у нас» [8, с. 37–38].

Культурное развитие советского народа, его социалистическое воспитание находились в прямой связи с общественным и государственным строем советских республик, с осуществлением принципов советского демократизма. Советская демократия, опирающаяся на социалистический общественный строй, предоставила трудящимся все политические и гражданские права и свободы. Она немислима без развития инициативы, творчества и сознания масс. «Поднять наинизшие низы к историческому творчеству...» – в этом видел В. И. Ленин одну из основных задач советского строя. В каком контексте это сказано? В набросках 1917 г. «Из дневника публициста» он писал: «Поднять наинизшие низы к историческому творчеству: *Mit dem Umfang der geschichtlichen Aktion wird auch der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist.* „Увеличение глубины захвата исторического действия связано с увеличением численности исторически действенной

массы“» [9, с. 189]. Дело, сформулированное как „поднять наинизшие низы к историческому творчеству», предполагало создание надежной гарантии от реставрации капитализма.

Советская демократия, отвергающая эксплуатацию человека человеком, не знающая национального гнёта и неравноправия наций, предоставляющая равноправие женщине, вовлекающая в активную политическую жизнь молодёжь, армию, по природе своей явилась величайшим культурным фактором, главным рычагом культурно-воспитательной деятельности социалистического государства. Социалистическое воспитание и перевоспитание народа стало составной частью деятельности Советского государства, его органов. Эта функция, присущая нашему государству с самого начала его существования, получила своё полное развитие в период после ликвидации капиталистических элементов города и деревни, когда, как подчёркивал И. В. Сталин, основной задачей нашего социалистического государства внутри страны стала мирная хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа.

Именно в этот период культурная революция развёртывается во всю свою мощь. Вовлечение масс в общественную жизнь, в управление государством, в социалистическое строительство явилось величайшим фактором просвещения, развития и воспитания. Придавая огромное значение знанию, образованию, В. И. Ленин подчёркивал, что нельзя сводить нашу культурно-воспитательную деятельность только к книжной учёбе. Нужно сочетать просвещение – распространение основ современной культуры, основ научных знаний – с коммунистическим воспитанием масс на их собственном общественном и политическом опыте. Именно коммунистическое воспитание становится гарантией от реставрации капитализма, от возрождения всей старой мерзости эксплуататорского общества.

В. И. Ленин в речи «Задачи союзов молодежи» на III Всероссийском съезде российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. спрашивал: «Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки? Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана клас-

совым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии. В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

Здесь я подхожу к тем нареканиям, к тем обвинениям старой школы, которые постоянно приходится слышать и которые ведут нередко к совершенно неправильному толкованию. Говорят, что старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, и надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма» [10, с. 303].

Далее он аргументировал свою мысль: «Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать. Но если мы должны ее убрать, если мы должны разрушить, значит ли это, что мы не должны взять из нее все то, что было накоплено человечеством необходимого для людей? Значит ли, что мы не должны суметь различить то, что являлось необходимым для капитализма и что является необходимым для коммунизма?»

На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, уменье и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем. Мы не закрепим даже фундамента, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое, коммунистическое общество. Также

и отрицая старую школу, питая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, цenia готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить уменье взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования. Вот как надо поставить основные задачи, когда мы говорим о задаче: научиться коммунизму» [10, с. 306].

«Научиться коммунизму» это значит не допустить ростков капитализма. Не допустить мелкобуржуазного перерождения общества. В работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» В. И. Ленин, обращаясь к западным левым и коммунистическим элементам в момент их заболевания «детской болезнью левизны», пишет: «Диктатура пролетариата есть самая свирепая, самая острая, самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии, сопротивление которой *удесятерено* ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в *силе привычки*, в силе *мелкого производства*. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной, войны не на живот, а на смерть, – войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли» [10, с. 6]. Здесь мы видим другую лексику, чем та, которая использовалась в обращении к молодежи. Обе работы размещены в одном томе, написаны и произнесены в одно время, но смысл один при подходе с разных сторон к одному жизненному вопросу искоренения капитализма и победы над угрозой его реставрации.

Поскольку построенный в основном советский социализм был уничтожен в ходе переворота 1991–1993 гг., то на первый план для народа России вышло утверждение идеала социального государства, зафиксированное в Конституции 1993 г. Ныне важно сохранение и усиление социальной ориентации государства. На учредительном съезде

политической партии «Евразия» еще в 2002 г. в докладе А. Г. Дугина пророчески выдвигалась идея социальной ориентации: «Мы считаем, что необходимо строить **социально ориентированное государство**, общество, нацеленное в первую очередь не на индивидуальное, а **на общественное благополучие**. И в этом отношении этика либерализма чужда нашей национальной истории – как славянской, так и общеевразийской» [11, с. 28].

Речь уже тогда шла о преодолении либеральной идеологии и ограничении рынка: «Либеральная рыночная экономика в определенных секторах приносит очевидные плоды – их нельзя отрицать. Но у рынка должны быть границы. На определенном уровне социальной системы – на уровне ценностной системы – рынку нет места. Свободно продавать товары и услуги – хорошо. Свободно продавать душу, веру, Родину, традицию, честь, нравственность, достоинство – плохо, невозможно.

Рыночная экономика должна быть помещена в контекст нерыночного общества, общества справедливого, солидарного, нравственного. Невозможно рассматривать социальную трагедию наших соотечественников как „неизбежные издержки капитализма“. Миллионы беспризорников, малолетних проституток, брошенных стариков, обезбещенное научное сообщество, нищета, жесточайшая эксплуатации рабочего класса, вездесущая коррупция – это неприемлемо. Если это неизбежность капитализма, то нам такой капитализм не нужен. Рынок должен быть ограничен требованиями социальной справедливости и императивом национального возрождения» [11, с. 28–29].

Блестящие и актуальные уже для нашего времени предложения следуют из этих определений: «Россия сегодня в сложной ситуации, и можно признать, что объем социальных средств в бюджете невелик. Но не все измеряется цифрами: необходимо установить в обществе в обязательном порядке „диктатуру справедливости“. Если обездоленным не может помочь государство, пусть им помогут имущие. Следует обложить бизнес социальной рентой, которая не должна проходить долгий цикл полного огосударствления (так как в этом цикле деньги имеют тенденцию растворяться в карманах ненасытных чиновников). Следует связать конкретный бизнес с конкретной социальной средой, в рамках которой он находится. Частный характер предпринимательства должен сочетаться с социальными целями.

Это „евразийский капитализм“. Капитализм с национальной душой и социалистическим лицом. Это экономика третьего пути» [11, с. 29]. Однако опасения превращения третьего пути в первый путь сдерживает руководство России даже от постепенных шагов в направлении особого суверенного евразийского капитализма.

Список использованной литературы

1. Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М.: Госучпедгиз, 1948. – 472 с.
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М.: Юрид. лит., 1942.
3. Конституция (Основной Закон) РСФСР, принятая Пятым Всесоюзным съездом Советов // Декреты Советской власти. т. II. М., 1959. с. 550–564.
4. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_334.htm
5. Луначарский А. В. Роль рабочих факультетов // А. В. Луначарский. Проблемы народного образования. М., 1925. с. 146–154 / Наследие А. В. Луначарского. Библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/rol-rabochih-fakultetov>
6. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 45. – 729 с.
7. Сталин И. В. Сочинения. М.: ГИПЛ, 1952. т. 6. – 430 с.
8. Сталин И. В. Сочинения. М.: ГИПЛ, 1952. т. 11. – 381 с.
9. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 35. – 600 с.
10. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 41. – 696 с.

4.3. БЕЗРАССУДНОЕ ДЕЛО НАСАЖДЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА В НЕДОСТАТОЧНО КУЛЬТУРНОЙ СТРАНЕ КАК ПРОБЛЕМА СТАРОГО И НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Материалистическое понимание истории утверждает невозможность для общества перескочить через естественные фазы развития. В эпоху войн и революций меньшевики обнаружили непонимание того, что только социалистическая революция открывает возможности для достижения подлинной цивилизованности, просвещения трудящихся масс. В. И. Ленина и большевиков догматики обвиняли в безрассудном деле насаждения социализма в недостаточно культурной стране, но они ошиблись. После политического и социального переворота культурной революции достаточно, чтобы оказаться вполне социалистической страной. Однако эта культурная революция представляла невероятные трудности. Тем не менее история открыла возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем в западноевропейских государствах и именно диктатура пролетариата стала необходимым условием, чтобы идеи рабочего класса стали господствующими в обществе и была проведена культурная революция. Диктатура пролетариата может эволюционировать и в Югославии она трансформировалась в рыночный социализм, провела индустриализацию, но остановилась перед культурными преобразованиями. Оба исторических эксперимента в СССР и СФРЮ завершились оптимистической трагедией, поскольку показали разные пути к новому социализму.

Классики марксизма отдавали себе отчет в том, что ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы новой формации, а новые и высшие производственные отношения не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне старого общества. Это значит, что для материалистического понимания истории очевидна невозможность для общества перескочить через естественные фазы развития, или отменить их декретами. Однако муки рождения нового общества могут и должны быть смягчены, а сроки родов сокращены.

Со свойственной Ф. Энгельсу иронией в переписке с И. Вейдемейером в письме от 12 апреля 1853 г. размышляет о трагической ситуации вынужденного взятия революционерами власти в условиях, когда предпосылки для преобразований еще не созрели: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности

и вялости остальных партий вынуждена будет встать у власти, чтобы, в конце концов, проводить всё же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере, ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, – надо надеяться только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде, чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу» [1, с. 490–491]. Смысл этого личного письма-рассуждения в том, что революционеры не могут позволить себе быть дураками и действовать авантюристично, волюнтаристично в неподготовленной историей обстановке.

Председатель Совнаркома В. И. Ленин, то есть первый в истории пришедший к власти успешный революционер «четвертого сословия» писал в статье «О кооперации» в начале 1923 г.: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране, Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы, все-таки, теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [2, с. 376–377].

Исследователь сталинизма Р. А. Медведев в книге «К суду истории. О Сталине и сталинизме» пытался понять на чьей стороне была правота в ситуации практического спора о возможности построения

социализма и писал: «Но Троцкий и в 1922–1924 гг. продолжал утверждать, что социализм невозможно построить в национальных рамках России или СССР, что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы. Некоторое время и Сталин придерживался примерно такой же точно точки зрения. Однако позднее под влиянием Н. И. Бухарина и после более основательного знакомства с ленинскими текстами Сталин решительно изменил свое мнение» [3, с. 211].

В своих рассуждениях меньшевики обнаруживали полное непонимание того, что только социалистическая революция открывает возможности для достижения подлинной цивилизованности, просвещения трудящихся масс и расцвета народной культуры. Опровергая взгляды меньшевика Н. Н. Суханова, отстаивавшего теоретические догмы оппортунистов II Интернационала, В. И. Ленин в известной статье «О нашей революции» обосновал историческую правомерность действий российского пролетариата, проложившего новый путь общественного, государственного и культурного строительства. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный „уровень культуры“, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), – писал Ленин, – то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы. 16 января 1923 г.» [2, с. 381].

А что писал тот самый меньшевик Н. Н. Суханов о моменте колебания всех общественных сил в февральский момент крушения царизма? Он выяснил, что тут нет ясности и нет зрелости этих общественных сил еще царской России: «Власть должна принадлежать буржуазии. Но имеются ли шансы на то, что она возьмет в руки власть? Какова позиция цензовых элементов в этом вопросе? Смогут ли они и захотят ли они идти в ногу с народным движением? Примут ли они власть из рук революции, оценивая все трудности своего положения, в частности, во внешней политике? Или же, учитывая эти трудности, они предпочтут отмежеваться от начавшейся революции и погубить движение, обрушившись на него со всей силой, вместе с царской

кликлой? Или, наконец, они решат погубить движение своим „нейтралитетом“, предоставив его самому себе, выдав его стихии, которая выльется в анархию? Это опять-таки одна сторона дела. А другая: какова позиция в этом вопросе социалистических партий, которые должны овладеть начавшимся движением, управлять им, указывать пути его? Сойдутся ли все социалистические группы в решении проблемы власти или, быть может, разгулявшаяся стихия будет использована некоторыми из них для безумно-ребяческих попыток установления диктатуры пролетариата и немедленной дележки неубитого зверя?» [4, с. 15].

В речи «К четырёхлетней годовщине октябрьской революции» в 1921 г. то есть уже по итогам революции В. И. Ленин признавал: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчёта – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку» [5, с. 151].

Также В. И. Ленин 16 января 1923 г. в заметках «О нашей революции» заключал цитируя Н. Н. Суханова: «„Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм“. С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции. Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз „крестьянской войны“ с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой „марксист“, как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что если полная безвыходность положения, удесятерив тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?» [2, с. 380–381]. Подчеркнем, что вождь указал на то, что история внезапно открыла революционерам «возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах».

В разделе II статьи также указывается: «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?

Помнится, Наполеон писал: „On s’engage et puis... on voit“. В вольном русском переводе это значит: „Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет“. Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу.

Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция» [2, с. 381].

Историческое творчество российского пролетариата и руководимых им трудящихся масс полностью подтвердило правильность взглядов В. И. Ленина. Исторический путь социалистического строительства, пройденный народами СССР за годы Советской власти, – ярчайшее доказательство незыблемости ленинского учения о социа-

листической революции. Ликвидация царизма и буржуазно-помещичьего строя явилась основной предпосылкой для преодоления былой культурной отсталости России, для просвещения народа и строительства новой, социалистической культуры. Вставшие на путь социалистического строительства страны народной демократии, используя опыт Советского Союза, добились выдающихся успехов в деле подъёма культурности трудящихся масс и созидания культуры, неразрывно связанной с борьбой народа за социализм.

Великое значение советского строя в деле развития подлинно народной культуры В. И. Ленин подчёркивал в своих произведениях неоднократно. Он говорил, выступая на Чрезвычайном всероссийском железнодорожном съезде, что Советское государство открыло «народу доступ к тому, чтобы он сам управлял теми неслыханными богатствами, которые капиталисты составили и сложили, чтобы направлять их не на угнетение трудящихся, а на развитие благосостояния и рост культуры всех трудящихся. Вот что Советская республика призвана осуществить. Вот почему так сочувствует нам народ, трудящиеся классы за границей, несмотря на военную цензуру царей, несмотря на гонение заграничных Керенских на газеты социалистические» [6, с. 301].

Исторический опыт показывает, что социалистическая культура может формироваться и плодотворно развиваться в обществе, где великие идеи коммунизма могут свободно воплощаться в жизнь. Только в условиях диктатуры пролетариата идеология коммунизма может стать господствующей в обществе. Обоснование этой ситуации практического изменения социальной реальности и на основании этого изменение общественного сознания было объяснено К. Марксом и Ф. Энгельсом в ранней книге «Немецкая идеология»: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила» [7, с. 45].

Далее в тексте это положение получает развертывание: «Класс, имеющий в своём распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчинёнными господствующему классу.

Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это – выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства. Индивиду, составляющие господствующий класс, обладают, между прочим, также и сознанием и, стало быть, мыслят; поскольку они господствуют именно как класс и определяют данную историческую эпоху во всём её объёме, они, само собой разумеется, делают это во всех её областях, значит господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, они регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи. Например, в стране, где в данный период времени между королевской властью, аристократией и буржуазией идёт спор из-за господства, где, таким образом, господство разделено, там господствующей мыслью оказывается учение о разделении властей, о котором говорят как о „вечном законе“» [7, с. 46]. Очевидно, что диктатура пролетариата является необходимым условием, чтобы революционные идеи рабочего класса стали господствующими в обществе.

Интересно, что открываемые историей в тех или иных регионах и странах возможности иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах, приводят к столкновению и непониманию друг друга революционерами разных стран. Такова была ситуация в Югославии, которая несколько раз и по-разному понималась разными руководствами СССР. Как пишет историк современности А. Б. Едемский: «Историки-профессионалы и люди, просто интересующиеся историей, в том числе историей международных отношений и, в частности, советской политикой на Балканах, не могут не задаться вопросом: как случилось, что героические югославские партизаны-антифашисты под командой не менее славного маршала Иосипа Броз Тито всего через несколько лет после окончания Второй мировой войны превратились в „фашистскую клику Тито – Ранковича“, а затем, по прошествии еще немногих годов, вновь оказались „коммунистами-ленинцами“, а глава югославского государства стал „дорогим товарищем Тито“. Советские газеты и журналы середины прошлого столетия вносят лишь сумятицу, оповещая своих читателей то о „фашистской клике“,

то „о стойких югославских коммунистах“, то о сближении Югославии с англо-американским империалистическим блоком, то о решительной критике югославским руководством агрессивных действий США» [8, с. 5].

Понимания друг друга так и не пришло и смягчение напряженности произошло вследствие смены курса и начала «поэтапного сокращения международной напряженности». Возникло согласованное решение внутренних противоречий двух систем: «Данный курс руководства КПСС и СССР определялся пониманием следующего обстоятельства: итогом жестко агрессивной великодержавной советской внешней политики после 1945 г. стало лишь сплочение фронта империалистических государств, одним из конкретных проявлений которого явилось вовлечение Западной Германии (с ее последующей ремилитаризацией) в систему военно-политических союзов с США. Поиск иных путей поведения на мировой арене позволял Кремлю избежать повторения этой ситуации в отношении Югославии» [8, с. 9].

Используя современную публицистическую лексику вместо итогов переговоров и договоренностей имел место «договорняк»: «Главным политическим итогом для Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева и сколоченной вокруг него в это время с конъюнктурными целями группировки „постсталинских“ руководителей стало манипулирование достаточно неопределенными итогами визита югославской делегации для получения полного контроля внутри страны и в сфере государственной внешней политики. Внешне представленные как исключительно успешные, итоги были разыграны не только группировкой Хрущева, но и Тито и его окружением. Сделано это было прежде всего во внешнеполитической области, где Югославии удалось сохранить прежний уровень отношений с Западом, несмотря на нормализацию связей с „советским блоком“. Во внутренней политике нормализация контактов с „коммунистическим Востоком“, представленная как победа Тито в конфликте со Сталиным конца 40-х годов, также способствовала укреплению положения югославского руководства в стране, являясь своего рода дополнительной легитимизацией власти коммунистов в однопартийной левототалитарной системе, просуществовавшей в Югославии до конца 80-х годов XX столетия» [8, с. 577].

Однако объективно ситуация выглядела по-другому, или объективно: «На международной арене Югославия перешла от угрожающей

изоляции, в которой оказалась в 1948 г., к активной мультивекторной политике, которая в рамках движения неприсоединения обеспечивала влияние и престиж, несоизмеримый с ее экономическим и военным весом. Как носительница особого вида социализма, отличного от советского, и посредница между Западом и Востоком, Западом и Севером и Югом, она стала узнаваемым игроком международной жизни. С другой стороны, невозможно не упомянуть о преступлениях режима (послевоенные убийства, Голи-Оток), а также о его крахе, поскольку он не был способен сохраниться без связующей силы личности Тито – только в том случае, если бы самоуправленческий эксперимент развился в современную плюралистическую демократию» [9, с. 605].

В первой части статьи мы пришли к выводу, что диктатура пролетариата является необходимым условием, чтобы революционные идеи рабочего класса стали господствующими в обществе. Однако диктатура пролетариата из централизованного сталинского режима может эволюционировать и в социалистической Югославии она трансформировалась в рыночный социализм, провела быструю индустриализацию, но эта эволюция остановилась перед культурными преобразованиями. Правящая партия СКЮ оставалась у власти, но система самоуправления обеспечивала на местах возможность влияния на выбор политической линии партии. И хотя критика режима в любой форме была запрещена, искусство и интеллектуальная жизнь не подвергались предварительной цензуре, возникла самоцензура, когда каждый творец нес ответственность за то, что сочинял. В отличие от СССР границы СФРЮ были открыты и не только для людей, но и для идей. Оба грандиозных исторических эксперимента в СССР и СФРЮ завершились оптимистической трагедией, поскольку показали разные пути к новому социализму Третьего тысячелетия.

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. т. 18. – 807 с.
2. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 45. – 729 с.
3. Медведев Р. К суду истории. О Сталине и сталинизме. – М.: Время, 2011. – 655 с.

4. Суханов Н. Н. Записки о революции. Книга первая. Мартовский переворот. 23 февраля – 2 марта 1917 года / Н. Н. Суханов. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 255 с.
5. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 44. – 725 с.
6. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. М.: ИПЛ, 1974. т. 35. – 600 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. т. 3. – 650 с.
8. Едемский А. Б. От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008. – 610 с.
9. Пирьевец Й. Тито и товарищи. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. – 632 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В выступлениях В. И. Ленина к юбилею революции, к годовщинам революции, в анализе уроков революции и строительства советской государственности даны образцы научного материалистического понимания истории. Враги пролетариата вроде булгаковского профессора Преображенского не только оперировали в своей квартире, но и анализировали историю и ее смыслы, которые не даны нам прямо и открыто. Эти буржуазные ученые на самом деле лишь классово ослепленные мещане в науке. Пример их известный народнический дореволюционный теоретик Н. К. Михайловский, бывший властителем дум российской мещанской интеллигенции. Именно его образ, на наш взгляд, взят за основу образа Клима Самгина в четырехтомном романе-эпопее А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Самгин полагал, что люди, их мышление – суть система фраз и люди отличаются друг от друга именно «системами фраз».

Сам Н. К. Михайловский не понял и не увидел исторический материализм в «Капитале». В. И. Ленин в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов» жестко высмеял за это Н. К. Михайловского. Ведущий советский историк академик М. В. Нечкина в ряде своих произведений показывает, что все работы В. И. Ленина нацелены на обоснование гибели общественно-экономической формации капитализма. Однако последние его работы нацелены на конструктивную тематику построения новой советской государственности и ее культуры.

Зигзаг истории в XX столетии заключен в том, что большевики оседлали государственный капитализм и он стал работать на историю, на социализм. Ровно то же произошло с иностранным капитализмом, который помог строить социализм, как и вся русская культура способствовала успешному строительству социализма.

Ошибки государственного строительства социалистической культуры были вызваны рядом причин тех исторических глупостей, которые делали русские революционеры при построении нового общества:

отсталость России как страны, недавно освободившейся от царизма. Другой причиной было минимальное образование в нашей стране, низкий уровень грамотности крестьян в отличие от грамотности американских негров, освободившихся в один и тот же год. Страна была в капиталистическом окружении и не получала ни малейшей помощи извне, когда ни одно цивилизованное государство нам не помогало. Наконец, наш старый государственный аппарат был заимствован у прежнего режима, и это было нашим несчастьем, поскольку государственный аппарат саботировал усилия власти трудящихся.

Спасение от глупостей при строительстве нового общества может быть только одно, поскольку они носят объективный характер и это средство – культура и привлечение новых сил. Они формируются в новых советских школах, рабочих факультетах. Именно эту работу мы описали в настоящем исследовании.

Однако был и целый поток глупостей при удержании власти при попытке буржуазной контрреволюции. Целый съезд правящей партии в 1990 г. бессильно смотрел за уплывавшей властью из рук и даже в уникальной речи единственного ученого марксиста-алармиста проскользнула иллюзия возможности перевоспитания новых врагов социализма. Так, на XXVIII съезде КПСС выступил А. А. Сергеев, заведующий кафедрой Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС, доктор экономических наук, который сказал обращаясь к... М. С. Горбачеву (!): «Я понимаю, может быть, тем или иным членам Политбюро ближе экономическая платформа межрегионалов и соответственно Демплатформа в КПСС, чем позиция Инициативного съезда или Марксистская платформа. Я, кстати, считаю, что нам пора с Марксистской платформой воссоединиться, мы их немножко еще... (*Аплодисменты.*) Мы их еще немножко повоспитываем, и они будут совсем в норме. (*Аплодисменты, смех.*) И единства в партии будет больше, потому что мы ни на какую особую платформу не претендуем. Так вот я все-таки думаю, что страну спасут не Артемы Тарасовы, не деятели АНТ и даже не Святославы Федоровы. Ее спасут такие, как сидящие в этом зале металлург из Нижнего Тагила, хлопкороб из Узбекистана, потомственный крестьянин из российской глубинки (*аплодисменты*), прошедший огонь Афганистана военнослужащий» [1, с. 505]. Печальный опыт измены правящей партии в лице ее высшего руководства основам советской и российской государственно-

сти требует обращения к социально-философскому анализу истоков культурного и цивилизационного предательства.

Самое простое объяснение предательства и цивилизационной измены заключается в том, что «категорически недостаточным оказалось широкое тиражирование и даже широкое разворачивание изучения марксистских работ. Например, гениальная книга „Краткий курс“, созданная Сталиным с учётом конкретно-исторических пропагандистских задач, издавалась более 300 раз на 67 языках общим тиражом почти 43 млн экземпляров. На основе изучения „Краткого курса“ мощным импульсом была развёрнута кружковая работа, в которую массово вовлекались и беспартийные. Таким образом, в 1930–1940-х все более-менее зрелые сторонники Советской власти как минимум прочитали „Краткий курс“, а многие добросовестно изучили под надзором и инструктажем партийных пропагандистов. И действительно, какой экземпляр этой книги в руки не возьмёшь, по нему сразу видно, что страницы зачитывали до дыр, на многих имеются характерные карандашные отметки и маргиналии.

Аналогичная ситуация была и с основными работами Маркса, Энгельса и Ленина. Более того, зачитанная и утверждённая партией в качестве руководящей статья Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ по своему содержанию прямо противоположна основным тезисам XXII съезда, третьей программе КПСС и в ключевых местах даже знаменитому учебнику Островитянова, Шепилова и других 1954 года». Это написано А. А. Рединым в 2018 г. в его программной брошюре «Причины реставрации капитализма в СССР» [2].

На последнем съезде партии, когда ВКП(б) была при И. В. Сталине переименована в КПСС в отчетном докладе Г. М. Маленкова отмечалось: «Задача партийных организаций состоит в том, чтобы решительно покончить с вредной недооценкой идеологической работы, усилить эту работу во всех звеньях партии и государства, неустанно разоблачать всяческие проявления чуждой марксизму идеологии. Необходимо развивать и совершенствовать социалистическую культуру, науку, литературу, искусство, направлять все средства идейно-политического воздействия, нашу пропаганду, агитацию, печать на улучшение идеологической подготовки коммунистов, на повышение политической бдительности и сознательности рабочих, крестьян, интеллигенции. Все наши кадры, все без исключения, обязаны работать над повыше-

нием своего идеологического уровня, овладеть богатым политическим опытом партии, дабы не отставать от жизни и стоять на высоте задач партии. Надо, чтобы партийные организации вели постоянную работу с членами и кандидатами в члены партии по повышению их идейного уровня, обучали их марксизму-ленинизму, формировали из них политически подготовленных, сознательных коммунистов» [3].

Получается, что изучения теории было недостаточно. А. А. Редин пишет: «Обезглавленная, безмозглая КПСС держалась по привычке, по воле рабочего класса, но агентура империализма расшатала её власть, и таким образом капитализм в СССР был реставрирован. Экономические реформы и вообще все изменения в базе СССР служили средством подрыва политической власти рабочего класса, как и нескончаемые идеологические диверсии» [2].

В августе 1950 г. И. В. Сталин ответил письмом «Товарищам Д. Белкину и С. Фуреру», где в третьем пункте он писал: «Как видно, вы интересуетесь прежде всего глухонемыми, а потом уж проблемами языкознания. Видимо, это именно обстоятельство и заставило вас обратиться ко мне с рядом вопросов. Что же, если вы настаиваете, я не прочь удовлетворить вашу просьбу. Итак, как обстоит дело с глухонемыми? Работает ли у них мышление, возникают ли мысли? Да, работает у них мышление, возникают мысли. Ясно, что коль скоро глухонемые лишены языка, их мысли не могут возникать на базе языкового материала. Не значит ли это, что мысли глухонемых являются оголенными, не связанными с „нормами природы“ (выражение Н. Я. Марра)? Нет, не значит. Мысли глухонемых возникают и могут существовать лишь на базе тех образов, восприятий, представлений, которые складываются у них в быту о предметах внешнего мира и их отношениях собой благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния. Вне этих образов, восприятий, представлений мысль пуста, лишена какого бы то ни было содержания, то есть она не существует» [4, с. 132].

К окончанию перестройки партия превратилась несмотря на провозглашенную гласность в самую большую в стране группу глухонемых. Партия утратила свой лексикон и свой язык, который подвергся осмеянию как устаревший язык «совков». На этом советская культура умерла и ее фрагменты всплывают как Атлантида в новогодних телевизионных показах советских фильмов.

Однако партия сразу после буржуазной контрреволюции восстановилась как новая коммунистическая партия – КПРФ на фоне множества карликовых коммунистических организаций. Эта партия за 30 лет стремилась выработать свой язык и терминологию. На майском пленуме ЦК и ЦКК 2023 г. партия скромно и вскользь в докладе председателя ЦК наивно попыталась объяснить феномен антисоветизма правящих кругов России, однако все свелось к популистским описаниям: «Классовый интерес мешает правящим кругам опереться на жизненно важный советский опыт. Чтобы оправдаться за это, они продолжают бросать камни в великую советскую цивилизацию. Власть официально пропагандирует Русский мир при агрессивном антисоветизме. Это одновременно является и глупостью, и преступлением. Проводимая политика противоречит просоветским настроениям в обществе, которые устойчиво выявляет отечественная социология.

Правящие круги упорствуют, не желая занять сторону народного большинства. Наши сограждане наблюдают попустительство действиям „пятой колонны“. Они видят постыдно заколоченный Мавзолей Ленина в день 9 мая и коптящий на Урале ельцинский гадюшник, отравляющий молодёжь. Они видят, как усидевшие в высоких кабинетах либералы навязывают новую приватизацию вместо импортозамещения и оздоровления экономики. От них не скрыть то, как обогащается олигархия, торгуя через линию фронта. Это крайне возмущает граждан и откровенно препятствует победе народных сил в сражении за национальный суверенитет, в священной борьбе с фашизмом» [5]. Однако сражение за национальный суверенитет и с внешней угрозой без понимания классового характера этой борьбы является типичным третьим путем.

В. И. Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» 10–14 сентября 1917 г. писал: «Нельзя вести массы на грабительскую войну в силу тайных договоров и надеяться на их энтузиазм. Передовой класс революционной России, пролетариат, все яснее сознает преступность войны, и буржуазия не только не могла разубедить в этом массы, а напротив, сознание преступности войны растет. Пролетариат обеих столиц стал в России интернационалистским окончательно!

Где уж тут говорить о массовом энтузиазме за войну! Одно неразрывно связано с другим, внутренняя политика с внешней. Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма

народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования. И нельзя вызвать героизма в массах, не разрывая с империализмом, не предлагая всем народам демократический мир, не превращая войны таким путем из захватной, грабительской, преступной в справедливую, оборонительную, революционную.

Только беззаветно-последовательный разрыв с капиталистами и во внутренней и во внешней политике в состоянии спасти нашу революцию и нашу страну, зажатую в железные тиски империализма. Чтобы быть действительно революционной, демократия современной России должна идти в теснейшем союзе с пролетариатом, поддерживая его борьбу, как единственного до конца революционного класса. Таков итог, к которому приводит разбор вопроса о средствах борьбы с неминимой катастрофой неслыханных размеров.

Война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства.

В силу ряда исторических причин – большей отсталости России, особых трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года – в России раньше других стран вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически. Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты их техники и культуры. Нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции. Нас подтягивает, подхлестывает исключительно редкая во время империалистской войны революционно-демократическая свобода. Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей. И отношение пролетариата к крестьянству в такой момент подтверждает – соответственно видоизменяя ее – старую большевистскую постановку: вырвать крестьянство из-под влияния буржуазии. Только в этом залог

спасения революции. А крестьянство есть наиболее многочисленный представитель всей мелкобуржуазной массы» [6, с. 197–198].

Итак, полный текст показывает, что В. И. Ленин в решающий момент истории даже не представлял себе возможность третьего пути и настаивал на прорыве вперед. Между тем, приводя слова из этой работы В. И. Ленина, руководитель современной российской партии свел ее к следующей усеченной вырезке: «Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования... Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» [5]. Получается, что благодаря работе с ножницами, а сегодня с мышкой, современный коммунист из революционного В. И. Ленина сделал модернизирующего советскую экономику И. В. Сталина, уже десятилетие находящегося у руля власти правящей партии в социалистическом обществе.

Если перейти в сферу глобальной логики исторического процесса, то несмотря на потери и отказы мировой революции происходит общее изменение роли в человеческом обществе. При всех вариантах развития общества логика такова, как ее адекватно описывает академик РАН и российский государственный деятель С. Ю. Глазьев: «Согласно гипотезе Диденко, разработавшего типологию человеческого общества на основе теории Поршнева о происхождении человека, в перспективе должна увеличиваться доля неoантропов – людей с самостоятельной творческой мотивацией, руководствующихся в своем поведении научными знаниями, логическим мышлением, рациональными соображениями, не подверженных психологическим манипуляциям. Цифровая революция создает условия для быстрого увеличения доли неoантропов за счет сокращения доли так называемого „диффузного типа“ – людей с манипулируемым сознанием, ориентирующихся на устанавливаемые стереотипы социального поведения и легко поддающихся внушению. В этом смысле человечество ждет качественный эволюционный „скачок“ за счет кратного увеличения творческой активности людей» [7, с. 595]. Такой скачок обеспечивает только культура мирового социализма. И никакие «хищные вещи века», описанные фантастами братьями Стругацкими, не способны при всей вариативности развития изменить его общий вектор.

Фантасты писали в повести 60 гг. о конце XXI столетия: «В конце века, когда наметились первые триумфы волновой психотехники и стали пустеть психиатрические лечебницы, в хоре восторженных воплей научных комментаторов раздражающим диссонансом прозвучала брошюрка Криницкого и Миловановича. В заключительной ее главке педагог Криницкий и инженер Милованович писали примерно следующее. В огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне восемнадцатого-девятнадцатого столетий. Эта давняя система воспитания ставила и ставит своей целью прежде всего и по преимуществу подготовить для общества квалифицированного участника производственного процесса. Эту систему не интересуют все остальные потенции человеческого мозга, и поэтому вне производственного процесса современный человек в массе остается психологически человеком пещерным, Человеком Невоспитанным. Неиспользование этих потенций имеет результатом неспособность индивидуума к восприятию нашего сложного мира во всех его противоречиях, неспособность связывать психологически несовместимые понятия и явления, неспособность получать удовольствие от рассмотрения связей и закономерностей, если они не касаются непосредственного удовлетворения самых примитивных социальных инстинктов» [8, с. 168–169].

Рассуждение завершается пророческим предсказанием пришествия виртуальной реальности: «Задача научной педагогики как раз и состоит в том, чтобы привести в движение эти потенции, научить человека фантазии, привести множественность и разнообразие потенциальных связей человеческой психики в качественное и количественное соответствие с множественностью и разнообразием связей реального мира. Эта задача, как известно, и должна стать основной задачей человечества на ближайшую эпоху. Но пока эта задача не решена, остаются основания предполагать и опасаться, что успехи психотехники приведут к таким способам волновой стимуляции мозга, которые подарят человеку иллюзорное бытие, яркостью и неожиданностью своей значительно превышающее бытие реальное. И если вспомнить, что фантазия позволяет человеку быть и разумным существом, и наслаждающимся животным, если добавить к этому, что психический материал для создания ослепительного иллюзорного бытия поставляется у Человека Невоспитанного самыми темными, самыми первобытными

рефлексами, тогда нетрудно представить себе тот жуткий соблазн, который таится в подобных возможностях...» [8, с. 169].

Но речь идет о творчестве ранних Стругацких. Философ и культуролог Института философии РАН профессор Б. М. Межуев в предисловии к исследованию их творчества Ю. С. Черняховской писал: «В произведениях ранних Стругацких идеалу „общества познания“ противостоит образ „общества потребления“, к слову сказать, в их произведениях это не столько капитализм веберо-марксовского толка, сколько, скорее, предвидение современной социально-расслабленной Европы, люди которой освободились от тяжелого труда, чтобы уйти в реальные и виртуальные удовольствия. Альтернатива „обществу познания“ не только капитализм, но может быть даже в большей степени общество „детей цветов“ 1960-х годов, или, еще точнее, утопии гуру „новых левых“ Герберта Маркузе или Тимоти Лири, саркастически изображенных в докторе Опире из „Хищных вещей века“» [9, с. 5–6].

Далее ученый, на защите диссертации которого нам довелось присутствовать, делает тонкое замечание о роли предателей-перестройщиков в судьбе талантливых фантастов: «По большому счету, Юлия Черняховская абсолютно права: советский социализм, как он развивался от Ленина до братьев Стругацких, был радикальным превознесением „воли к истине“ над „стремлением к удовольствию“, в котором писатели уже со времен тех же „Хищных вещей века“ видели что-то глубоко разрушительное для человека. Юлия Черняховская блестяще описывает, как этот идеал „республики ученых“ переживает кризис в середине 1960-х и как этот кризис отразился в спорах советских фантастов разных школ и направлений. Гонения на фантастов школы Стругацких в 1966 году она прямо связывает с известной запиской тогдашнего заместителя руководителя отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС Александра Яковлева, будущего „архитектора“ перестройки, который увидел в творчестве братьев что-то противоречащее духу социализма» [9, с. 6].

И в финале мы видим заключение о верности фантастов коммунистической идее, что подтверждает дочь известного левого ученого патриота: «Юлия Черняховская утверждает (и подтверждает прямыми высказываниями братьев Стругацких), что не только скончавшийся в 1991 году Аркадий, но и переживший брата на 21 год Борис до конца оставался верен мечте о коммунизме как лучшем будущем челове-

ства. В подтверждение чему она среди прочего ссылается на почти предсмертное письмо писателя ее отцу, философу и политологу Сергею Черняховскому, в котором классик советской фантастики выражал убеждение в неизбежности утверждения „Мира Полдня“» [9, с. 6].

Список использованной литературы

1. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. Отчет. М.: Политиздат, 1991. т. 1. – 639 с.
2. Редин А. А. Причины реставрации капитализма в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://prorivists.org/reason_of_counterrevolution
3. Отчетный доклад Центрального Комитета ВКП(б) XIX съезду партии [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://istmat.org/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf
4. Сталин И. В. Сочинения. М.: Издательство «Писатель», 1997. т. 16. – 462 с.
5. О задачах КПРФ по борьбе с фашизмом и патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Доклад Председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова на VI (майском) совместном пленуме ЦК и ЦКРК партии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/218998.html>
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1969, т. 34. – 584 с.
7. Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории. М.: Проспект, 2021. – 639 с.
8. Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Хищные вещи века. Чрезвычайные происшествия. Полдень, XXII век. М.: Аст, СПб: Terra fantastica. 1997. – 672 с.
9. Межуев В. Атлантида, которую мы потеряли // Черняховская Ю. Братья Стругацкие: письма о будущем. – М.: Книжный мир, 2016. – 384 с.

Научное издание

НЕКРАСОВ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Монография

Текст дается в авторской редакции
Дизайнер-верстальщик А. Ю. Тюменцева

На обложке использовано изображение

www.facebook.com/library37/photos/a.154910541297841/3723199917802201/?type=3

Подписано в печать 05.09.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Alegreya, Alegreya Sans, Fira Sans.
Усл. печ. л. 13,02. Тираж 500 экз. Заказ 05/09

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный аграрный университет». 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42

Отпечатано в Издательском доме «Ажур»
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49. Эл. почта: azhur.ek@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении
высшего образования «Уральский государственный аграрный университет».

620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42